

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА **В** БОЛЬШИЕ КНИГИ

Юрий
Коваль

СУЕР-ВЫЕР
и много чего ещё

«АЗБУКА»

18+

Русская литература. Большие книги

Юрий Коваль

Суер-Выер и много чего ещё

«Азбука-Аттикус»

1995

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Коваль Ю. И.

Суер-Вьер и много чего ещё / Ю. И. Коваль — «Азбука-Аттикус», 1995 — (Русская литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-21729-4

Есть писатели славы громкой. Как колокол. Или как медный таз. И есть писатели тихой славы. Тихая – слава долгая. Поэтесса Татьяна Бек сказала о писателе Ковале: «Слово Юрия Коваля будет всегда, пока есть кириллица, речь вообще и жизнь на Земле». Книги Юрия Коваля написаны для всех читательских возрастов, всё в них лёгкое и волшебное – и предметы, и голоса зверей, и деревья, и цветы полевые, и слова, которыми говорят звери и люди, птицы и дождевая вода. Обыденность в его книгах объединилась с волшебной сказкой. Наверное, это и называется читательским счастьем – знать, что есть на свете такие книги, к которым хочется всегда возвращаться. Книга подготовлена к 80-летию юбилею замечательного писателя, до которого он, к сожалению, не дожил.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-21729-4

© Коваль Ю. И., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

Писатель чрезвычайной необходимости	8
Суер-Вьер	24
Часть первая	24
Бушприт	24
Главы I–VI[1]	24
Глава VII	25
Глава VIII	27
Главы IX–X	28
Главы XI–XII	29
Глава XIII	30
Глава XIV	31
Глава XV	32
Глава XVI	33
Глава XVII	35
Глава XVIII	36
Глава XIX	36
Глава XX	37
Глава XXI	39
Глава XXII	41
Глава XXIII	41
Глава XXIV	44
Глава XXV	46
Главы XXVI–XXVII	47
Глава XXVIII	50
Глава XXIX	52
Глава XXX	53
Часть вторая	57
Глава XXXI	57
Глава XXXII	58
Глава XXXIII	59
Глава XXXIV	60
Глава XXXV	62
Глава XXXVI	63
Глава XXXVII	66
Глава XXXVIII	68
Глава XXXIX	70
Глава XL	71
Глава XLI	74
Глава XLII	76
Глава XLIII	78
Глава XLIV	80
Глава XLV	82
Глава XLVI	85
Глава XLVII	86
Глава XLVIII	88
Глава XLIX	90

Глава L	90
Глава LI	91
Глава LII	92
Глава LIII	94
Глава LIV	96
Главы LV–LVI	98
Глава LVII	100
Глава LVIII	101
Глава LIX	103
Глава LX	106
Глава LXI	107
Глава LXII	109
Глава LXIII	112
Глава LXIV	116
Глава LXX	119
Глава LXXVI	121
Глава LXXVII	123
Глава LXXVIII	125
Глава LXXIX	127
Глава LXX	130
Глава LXXI	131
Глава LXXII	133
Глава LXXIII	134
Глава LXXIV	136
Глава LXXV	137
Глава LXXVI	138
Часть третья	140
Глава LXXVII	140
Глава LXXVIII	141
Глава LXXIX	142
Глава LXXX	143
Глава LXXXI	144
Глава LXXXII	146
Глава LXXXIII	147
Глава LXXXIV	149
Глава LXXXV	151
Глава LXXXVI	152
Глава LXXXVII	153
Глава LXXXVIII	155
Глава LXXXIX	157
Глава XC	158
Глава XCI	159
Глава xcii	161
Глава XCIII	163
Глава XCIV	165
Глава XCV	166
Приложение	167
Глава XLIX	167
Глава L	168

Самая лёгкая лодка в мире	170
Часть первая	170
Глава I	170
Глава II	172
Глава III	173
Глава IV	175
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Юрий Иосифович Коваль

Суер-Выер и много чего ещё

© Ю. И. Коваль (наследники), 2021

© А. В. Етоев, предисловие, 2018

© В. Г. Усков, фото, 2021

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Писатель чрезвычайной необходимости

«Шарь-пошарь...»

Юрий Коваль – писатель нужный, чрезвычайно необходимый. Скажу иначе: Коваль – писатель чрезвычайной необходимости. Так весомей звучит, необходимей, чрезвычайней.

Необходимый он даже не потому, что написал «Недопёска» – «одну из лучших книг на земле», как назвал её поэт Арсений Тарковский.

А потому, и это в первую очередь, что он знает все звериные языки Земли – кошачий, собачий, птичий, – включая языки экзотические, такие как пчелиный и черепаший.

Коваль вообще знал много чего. Например, способ, как не заблудиться в лесу. Оказывается всё просто. Надо снять с себя куртку, свитер, тельняшку. Вывернуть тельняшку наизнанку, потом надеть. В голове что-то перевернётся, и дорога к дому отыщется.

Лес в приведённом примере можно воспринимать как метафору. Например, если вы, читатель, захотите вдруг переквалифицироваться в писатели и однажды, сочиняя рассказ, обнаружите, что заблудились в словах, поступайте в точности так же: разденьтесь, выверните тельняшку – тут-то нужные слова и найдутся.

Книги Ковалёва (каждая!) такие же чудесные, как Жар-птица.

Повесть «Алый», с которой всё началось и простой человек Коваль превратился в писателя Ковалёва. После «Алого» – «Чистый Дор», «Приключения Васи Куролесова», «Листобой», «Недопёсок», «Пять похищенных монахов», «Кепка с карасями», «Самая лёгкая лодка в мире», «Полынные сказки», «Шамайка»... Плюс большой роман для взрослых с загадочным названием «Суер-Вьер».

Ещё он пел, играл на гитаре, сочинял песни, стихи, рисовал, лепил, резал по дереву, писал сценарии для фильмов и для мультфильмов, сам снимался в кино, воспитывал детей и животных, путешествовал, был охотником, рыбаком – каких дел он только не переделал за отпущенный ему в жизни срок.

Лично мне, когда я грущу, а такое со мной иногда бывает, достаточно открыть наугад любую книгу Юрия Ковалёва, на любой странице, и грусть проходит, начинается радость.

«Отложил я весло, хотел закурить. Шарь-пошарь – нету махорки. Только что в кармане шевелилась – теперь нету. Вдруг стемнело над рекой. Солнце-то, солнце за тучку ушло! Куда ж это я забрался? Лес кругом страшный, корявый, чёрный, вода в реке чёрная, и стрекозы над ней чёрные...»

«Он вышел на крыльцо, и тут же под ступеньками что-то затрещало, зашуршало, и оттуда выскочил рыжий пёс. Вид у него был неважный. Одно ухо стояло, другое висело, третьего, как говорится, вообще не было...»

«Темнело. Из-за еловых верхушек взошла красная тусклая звезда, а за нею в ряд ещё три звезды – яркие и серебряные. Это всходило созвездие Ориона... Медленно повернулась земля – во весь рост встал Орион над лесом... Одною ногой опёрся Орион на высокую сосну в деревне Ковылкино, а другая замерла над водокачкой, отмечающей над чёрными лесами звероферму „Мшага“... Стало совсем тихо, откуда-то, наверно из деревни Ковылкино, прилетел человеческий голос:

– ...Гайки не забудь затянуть...

Затих голос, и нельзя было узнать, какие это гайки, затянули их или нет».

Я нарочно не говорю, откуда эти цитаты, потому что цитировать Ковалёва, проговаривать его строчки вслух – уж не знаю, как для других, а для меня это чистое удовольствие.

Искусство

«Мы в Москву ездим за вологодским маслом. Там есть магазин на Преображенке. Я пачку масла ем два месяца. А Троцкого убили кирпичом».

Такую речевую цитату приводит Коваль в своих «Монохрониках». Автор фразы наукой не установлен, так что можно сказать – народ.

Вы спросите, а при чём тут искусство?

А при чём в приведённой цитате Троцкий?

На самом деле всё в мире взаимосвязано. И Троцкий, и вологодское масло, и даже пятна на Солнце, про которые все мы знаем, но которых никто не видел. Всё это кубики и детальки, тот знаменитый сор, из которого и делается искусство.

Так, Юрий Иосифович? Я правильно говорю?

Гитара

Уверен, что гитара для Ковалья была другом не менее дорогим, чем пишущая машинка, стамеска для резьбы по дереву или рисовальная кисть. Она, гитара, как волшебная палочка, с которой можно если не переделать, то хотя бы украсить жизнь, наполнить её музыкой и стихами, вплетёнными в переборы струн.

Коваль не прославился в ремесле гитариста-песенника, как Высоцкий, Визбор и Галич. Даже известности Юлия Кима, товарища своего и совузника, в этом деле не приобрёл. Коваль и не соревновался с ними. Пел, как пелось, под настроение. Грустно, когда грустил (помните его пронзительно-тревожный романс в фильме «Марка страны Гонделупы»: «Темнеет за окном, ты зажигаешь свечи...»?). Весело, когда веселился. Песня, гитара были частью жизни его, частью творчества, важной частью, не будь которой, не было бы, мне думается, того писателя Ковалья, которого мы все знаем, а значит, не было бы и нас с вами, его читателей, раз не было бы писателя Ковалья.

И строчка, пропетая Ковалём:

В начале я только прозаик,
И только в конце гитарист, —

нисколько не отменяет мысли, которой я поделился выше.

Охота

Есть любительская видеозапись: идёт молодой Коваль по лесу, светлая куртка, кепка на голове, за плечом ружьё, во рту папироса... Весенний это сезон охоты или осенний – не знаю, я не охотник, но судя по природе, осенний. Пушкин из меня никакой, но что-то во мне вдруг щёлкнуло, и получилось это:

Осень, влажная натура,
небо серое, жнивье,
Вологодчина плюс Юра,
папироса плюс ружьё.
Сапоги, скрипит резина:
«Топь болотная, уйди!»

Там волнушка, здесь осина,
лес мохнатый впереди...

На лесе и осине я понял, что надо остановиться, потому что Коваль про осину уже написал, и про себя охотника уже написал, и про ружьё написал, и даже про бутерброд с лососиной, который он жевал под осиной, написал тоже:

Под старой осиной,
Корявой осиной
Охотник жевал
Бутерброд с лососиной.

И вдруг из сосёнок,
Зелёных сосёнок,
На просеку вышел
Весёлый лосёнок.

И солнце светило,
Синица свистела,
Ружьё на сучке
Преспокойно висело.

Охотник жевал бутерброд,
Улыбался,
Смотрел на лосёнка,
На лес любовался.

Наверно, приятно
Сидеть под осиной,
Сидеть и жевать
Бутерброд с лососиной.

Я и остановился.

Р. С. Коваль вообще много чего описал в стихах, ведь стихами человек разговаривает, когда влюблён – в дерево, в человека, в солнышко на закате и на заре, во всякую тварь божию на земле и в небе – от ангелов до последнего паучка, дремлющего на лесной паутинке, – в жизнь, одним словом.

Маленький Пушкин

«Плоха та детская книга, которая интересна одним лишь детям». Это сказал не я, это сказал английский писатель Клайв С. Льюис, открывший знаменитую Нарнию, страну, не обозначенную на карте, но существующую реально в пространстве сказки, как существуют в нём Швамброния и Гель-Гью, Страна чудес и свифтовская Лапута, Цветочный город, что на Огурцовой реке, и провалившаяся в океан Атлантида.

Слова Льюиса перевёл Коваль, и у него получилось вот что: «Писать для детей надо так, будто пишешь для маленького Пушкина».

Лично я развил бы мысль моего уважаемого учителя: «Писать надо с видом на то, что тебя, возможно, будет читать Пушкин». То есть нужно трижды три раза перечитать написан-

ное, прежде чем отдать роман-повесть-рассказ-поэму-стихотворение на читательский суд. Ибо читатель – существо вредное. Найдёт он в книге, скажем, этакое скопище слов: «Показ Пушкиным поимки рыбаком золотой рыбки, обещавшей при условии её отпуска в море значительный откуп, не использованный вначале стариком, имеет важное значение. Не менее важна реакция старухи на сообщение ей старика о неиспользовании им откупа рыбки, употребление старухой ряда вульгаризмов, направленных в адрес старика и понудивших его к повторной встрече с рыбкой, посвящённой вопросу о старом корыте» – и всё, и пиши пропало.

Под лежащее сказуемое вода не течёт. Слово не должно лежать в художественном тексте (слава богу, вышеприведённый образец не художественный) колодой, слово должно играть, подпрыгивать, веселиться, вставать с ног на голову, не давать читателю заскучать. Чтобы под ним, словом, бежала речка с живой водой. Для чего иначе литература? Для эпитафий?

Чувство смешного

Были раньше такие люди – милиционеры.

В народе они считались образцом тупости. Анекдоты о них ходили – вот, например. Сколько нужно милиционеров, чтобы вернуть лампочку? Правильный ответ: шесть. Один милиционер стоит на табуретке и держит в патроне лампочку, четверо крутят его вместе с табуреткой по часовой стрелке, ещё один, с рацией, стоит рядом, чтобы в случае чего вызвать подмогу.

Потом милиционеры исчезли, место их заняли полицейские, про этих анекдотов уже не рассказывали.

Моё мнение насчёт *пресловутой* (очень мне нравится это слово, потому и курсив) милиционерской тупости с народным мнением расходится: не потому милиционеры шуток не понимали, что все тупые. Им по должности своей не положено *было быть* (такое сочетание мне тоже нравится, потому, опять же, курсив) на равных с потенциальным правонарушителем. Ведь каждый из нас в глазах милиционера потенциальный правонарушитель. Поставьте себя на место стража правопорядка. Стоит только тебе, стражу, улыбнуться или ответить на шутку шуткой, как ты, страж, автоматически уравниваешься с человеком, вызвавшим в тебе, страже, чувство смешного, а человек этот, возможно, преступник. Это как в бане: все голые, погоны и ордена сданы под номерок гардеробщику, и кто есть кто – непонятно. Юмор сближает людей, уравнивает их, вызывает сочувствие, а сочувствие и правопорядок две вещи несовместные. Не правда ли, Моцарт?

Вася Куролесов, мой любимый Ковалиный герой, тоже, кстати, милиционер. И капитан Болдырев, улавливающий запах укропа в любых немислимых до непредсказуемости обстоятельствах. И Иосиф Яковлевич Коваль, начальник уголовного розыска города Курска, отец писателя. Но я сейчас не о них, я – о чувстве смешного.

Мой критерий при чтении: если на первых восьми-одиннадцати страницах я ни разу не улыбнулся, для меня это тревожный сигнал. Стоит ли читать дальше? Я люблю весёлые книги. Не в смысле «сатира-юмор», где автор смешит намеренно, чтобы выдоить из читателя смех, не только где всё весёлое – герои, ситуации, разговоры, – хотя такое тоже люблю. Но где весёлая сама проза, где слова играют друг с другом, подмигивают тебе со страницы: давай, включайся в игру, подыгрывай, коли ты не совсем зануда.

Вот, скажем, неулыбчивый Юрий Казаков пишет о северных работягах-пьяницах. Серьёзно пишет, но читаешь его, и делается весело, даже самому с ними выпить охота. А например, писатель Сигизмунд Кржижановский, открытый для читателя в перестройку, меня лично в тоску вгоняет, несмотря на всё своё мастерство.

Коваль – писатель из богоданных, тех, кому Бог дал всё и, главное, волшебную авторучку (помнит кто-нибудь такой бытовой предмет?) – только кончик её прикоснётся к листу бумаги, как на бумаге образуется что-то вроде:

«– Не надо его на ферму, мам, – сказала Вера. – Пускай он у нас поживёт. Будет как собачка. Давай мы его пригреем.

– Куда я, Клав, теперь поеду, – поддержал Веру плотник. – Разве я проеду по такому снегу? К тому же задняя ось, похоже, треснула.

– У тебя я знаю, где треснуло, – сказала мамаша Меринова, недовольно поглядевши плотнику в глаза. – Ты скажи-ка лучше, что это ты у магазина делал?

Плотник Меринов смешался, закашлялся, вытащил из-под крыльца какую-то верёвку и пошёл за калитку, сказавши загадочно:

– Схожу за жердями».

Или такое:

«Будто лавина, обрушились разведчики на врага. Хлопая от ужаса белыми маскировочными рукавами, вытягивая в страхе белые маскировочные шеи и даже маскировочно гогоча, враги рассыпались по огородам и замаскировались.

Неожиданно послышалось ворчание танка. Лязгая гусеницами, из-за ближайшего блиндажа вываливался тяжёлый бронированный механизм.

– Погибать – так с музыкой! – крикнул лейтенант Серпокрылов, держа в руке противотракторную гранату.

Раздался чудовищный взрыв – механизм выпустил облако дыма и отправился умирать в сторону силосной ямы».

Как вам? По мне, так здорово.

И ещё прошу обратить внимание, что всё у писателя Ковалья живое – и деревья, и облака, и знаменитая ковылкинская дорога, хватаящая «газики» за колёса и старающаяся их оторвать, да что дорога – простая мотоциклетная перчатка и та у него живая, «прожила яркую жизнь и, если бы пришлось начать сначала, снова пошла бы тем же путём», вот так.

Да, чуть не забыл сказать: в любом рассказе, в любой сказке Юрия Ковалья (про большие вещи даже не говорю) всегда найдётся маленькая деталька, которая поднимает прозу на какой-то волшебный уровень.

Вот в рассказе «Нюрка» из сборника «Чистый Дор» рассматривает автор в бинокль двор дяди Зуя, видит, как Нюрка бежит, рвёт на огороде укроп, как дядя Зуй самовар ставит. И далее вдруг:

«– Нюрка, – кричит дядя Зуй, – хрену-то накопала?

Это уже не через бинокль, это мне так слышно».

Такие вот волшебные неожиданности, весёлые отступления в сторону – хрен этот, который вроде бы ни к селу ни к городу, необязательная фраза рассказчика, что он слышит дядю Зуя не через бинокль, – и образуют ту подъёмную силу, что даёт рассказу лёгкость и глубину.

Таких, как Коваль, немного, почему-то добрый Господь не отпускает им долгих лет.

Табель о рангах

Полочек с именами, разложенными по чинам и по рангу, для писателя в литературе не существует. Хотел сделать такую Шкловский в «Гамбургском счёте», не получилось. Есть она у литературоведов, но они, к счастью, не ведают умами читателей.

Вспоминаю по этому поводу такую историю. Вернее, цитирую – авторство Татьяны Набатниковой. Итак, ярмарка во Франкфурте, год – не помню, дело было давно.

«Шли к автобусу толпой. Впереди меня шёл с кем-то Павел Крусанов, чуть сзади – Лев Рубинштейн и Дмитрий Александрович Пригов. Они спросили у меня, кто это, указав на Крусанова (знакомое лицо).

– О! Это гениальный писатель из Питера Павел Крусанов.

Они заговорили, что гениальные в литературе все. Но всё же есть некая иерархия. Гениалиссимус. Гениал-полковник. И младший гениальный состав».

Сказанное в шутку об иерархии на самом деле мало похоже на шутку.

В девяностые всё в жизни сместилось в сторону... непонятно какую... Появились в литературе фантомы, громкие писатели-однодневки, вроде... молчу-молчу, вдруг обидишь кого-нибудь ненароком. Толерантность, чтоб её так!

Хорошо быть человеком со стороны, жить в провинциальном городе Петербурге, вдалеке от центральной службы, выдающей посмертные номерки на место в очереди писателей после Пушкина.

Ковалю, хоть он и жил в Москве, такой номерок не выдали.

Писатель Ерофеев (Виктор, не Венедикт) высказался по сему случаю откровенно: «В литературе, вообще у нас в культуре где-то на излете 70-х произошло размежевание: одни пошли... если хотите, навстречу словесной вакханалии, может быть, даже наркомании зла, а другие – мои же сверстники – решили прижаться скорее к добру, к идеалу.

Среди последних оказался и писатель К (Юрий Коваль. – А. Е.). Он был талантливым человеком и, наверное, не зря нашёл себя в детской литературе, потому что в детской литературе быть добрым писателем необходимо по определению.

<...>

Во время перестройки детские книжки вышли из моды – во всяком случае, издательства перестали их печатать в прежних объёмах, и вообще вся литература добра провисла. Зато русский постмодерн оказался созвучен каким-то всемирным настроениям, и его стали печатать повсюду, и меня тоже. Сатанисты купили себе машины, а добрые писатели продолжали ездить на метро. Сатанисты изъездили мир и увидели многое, а добрые писатели продолжали ходить в лес по грибы. Казалось, божественной справедливости настал конец...»

По мне, так божественная справедливость не в том, чтобы успеть, пока ты живой, изъездить мир и увидеть многое. Пушкин, вон, изъездил мир умозрительно и привёз нам из мысленных своих путешествий и «волшебный край», «где небо блещет неизъяснимой синевой», и ночной Мадрид, вздрагивающий от поступи Командора, даже Лондон чумной привёз.

И не в том небесная справедливость, чтобы в телевизионном экране тебя наблюдали равнодушные телезрители. Высшая справедливость в том, что быть добрым необходимо по определению. А быть добрым дело негромкое, и не всегда его услышишь издалека, даже вблизи не всегда услышишь.

Табель о рангах (продолжение)

По большому счёту не важно, по какому ведомству проходит писатель – детской ли, этнографической, географической, приключенческой, фантастической или реалистической литературы. Коваль всю жизнь проходил в детских писателях, ну и что? Его место в литературе от этого стало ниже?

Вот Арсеньев. Он писал об Амуре, Приамурье, людях и зверях, населяющих эти места. Какой он писатель? Взрослый? Детский? Арсеньев – писатель общий, всечеловеческий.

То же – Коваль.

То же, кстати, и Николай Носов в лучших своих рассказах (которых не много – два, может быть, три; его повести – «Витя Малеев» и трилогия о Незнайке – я не принимаю в расчёт, они не художественные, они сюжетные).

Носова я привожу в пример как типичного, наравне с К. Чуковским, А. Барто и С. Михалковым, официально признанного классика детской литературы.

А Коваль... Что Коваль? Коваль признан неофициально, да ещё как признан! Я бы за такое признание последние штаны с себя снял и отдал их в фонд помощи голоштанному населению Африки.

Иван Сергеевич и Юрий Иосифович

Почему я выделил Соколова-Микитова отдельной главкой? Потому что Юрий Коваль написал о нём рассказ не рассказ, очерк не очерк, что-то межжанровое под названием «На барсучьих правах». Самая для меня весёлая в этом не очерке, не рассказе сценка... Вот, моими словами. Идёт Коваль по Москве, по проспекту Мира, видит вдруг, как классик русской литературы Иван Сергеевич Соколов-Микитов таинственно жмётся к стенам, крадётся вдоль по проспекту, в домашнем халате, полуслепой. Ковалю интересно стало, куда это направляется классик, пошёл он за Иваном Сергеевичем, и в результате выяснилось, что свернул тот с проспекта Мира в некое питейное заведение. Взял там коньяку, выпил и обратно пошёл. А Коваль за ним дальше следует. Дошёл Соколов-Микитов до пешеходного перехода, щурится, идти не решается – со зрением совсем худо. Тут наш наблюдатель подходит к нему как бы случайно, раскланивается, здоровается. Вместе они переходят улицу, и Соколов-Микитов говорит Ковалю: слушайте, знаю я неподалёку одно местечко, не хотите ли пропустить по одной за встречу? Коваль, конечно же, соглашается – как тут не согласиться, – и они идут в то самое заведение, от которого Коваль Соколова-Микитова до перехода и далее тайно сопровождал. История мне очень понравилась. Ну разве после такой истории мог я не купить Собрание сочинений И. С. Соколова-Микитова, писателя, так уважаемого Юрием Ковалём? Я и купил. Целых четыре тома. Не задорого. И доволен страшно. И всем рекомендую. Не пожалеете.

Слава

Есть писатели славы громкой. Как колокол. Или как медный таз. И есть писатели тихой славы. Слава громкая – часто слава короткая: грохнет в потолок пробкой в банкетном зале бывшего великокняжеского дворца, погуляет эхом по телеэкранам и уйдёт, как уходит в форточку табачный дым из курилки. Тихая – слава долгая. Поэтесса Татьяна Бек сказала о писателе Ковале: «Слово Юрия Ковалёва будет всегда, пока есть кириллица, речь вообще и жизнь на Земле».

Я давно люблю книги Юрия Ковалёва, лет уже без малого сорок. Изданные как детские, они написаны для всех читательских возрастов, всё в них лёгкое и волшебное – и предметы, и голоса зверей, и деревья, и цветы полевые, и слова, которыми говорят звери и люди, птицы и дождевая вода.

Обыденность в его книгах объединилась с волшебной сказкой.

Вот топор, забытый в лесу, он не просто отыщется под кустами, а блеснёт в тени, как глубинная рыба («Чистый Дор»). А сама глубинная рыба – ночная скользкая осенняя рыба налим – глянет на вас маленьким, как божья коровка, глазом, а потом ворочается всю ночь, никак не может уснуть, шевелит узорными плавниками, похожими на полевые цветы («Ночные налимы»).

Наверное, это и называется зрением художника – увидеть глаза налима, понять его ночную бессонницу.

Наверное, это и называется читательским счастьем – знать, что есть на свете такие книги, к которым хочется всегда возвращаться.

Нескромное

Почему «нескромное»? Потому что из чувства лести – лести себе самому.

Когда вышла первым изданием «Ковалиная книга» (Ковалиная книга: вспоминая Юрия Ковалья. М.: Время, 2008), в «Независимой газете» Евгений Лесин, московский поэт, хороший, откликнулся на книгу рецензией. И были в ней такие слова:

«Очень характерны коротенькие воспоминания писателя Александра Етоева, автора одной из моих любимых книг „Душегубство и живодёрство в детской литературе“.

История вкратце такова. Конец 80-х. Про Ковалья напечатали ругательную статью, Етоев написал письмо в журнал „Юность“, подписался „А. В. Етоев“. Его письмо не напечатали, но переслали Ковалю. И вот ответ Ковалья:

„Александр Васильевич?

Анатолий Викторович?

Не знаю. Но совершенно очевидно:

Дорогой друг А. В. Етоев!..“

Думаю, не стоит объяснять читателям, что Етоев – Александр Васильевич.

Теперь о любви. Солженицын, например, лучше всех своих читателей, вместе взятых. Достоевский – хуже самого последнего из своих читателей, хуже даже самого последнего из своих персонажей. Поэтому оба они – великие писатели, но Достоевского ещё и перечитывать можно.

Такие же авторы, как Довлатов, Венедикт Ерофеев или Коваль, лучше не читателей и не персонажей, а себя как писателя. Больше себя как писателя. Их не любят, в них влюблены. Их ревнуют. И даже те, кто с ними знаком только по книжкам, ведут себя так, будто вчера всю ночь пробухали...»

Вышесказанное оставляю без комментариев.

Нескромное-2

Раз уж я упомянул «Ковалиную книгу» (из чувства самолюбования, с чего бы ещё), в которую замечательная Ира Скуридина (бывшая Волкова) включила мои скромные мемуары, то грех не вспомнить всю мою переписку с Юрием Ковалём. Часть, опубликованная в «Ковалиной книге», – вот она:

«Много лет назад газета „Комсомольская правда“ напечатала разгромную статью П. Веденяпина, которая называлась „Накуролесили“. Направлена была эта статья против выпущенного тогда в продажу диафильма по повести Юрия Ковалья „Приключения Васи Куролесова“. Если учесть, что сама повесть к тому времени переиздана была уже не однажды, то напрашивался естественный вывод: диафильм был всего лишь поводом, чтобы очередной раз ударить по неуголному кому-то писателю. Я не знаю, кому Коваль тогда досадил, да в сущности и не важно. Статья написана казённым, доносительским языком, и лишь цитаты из Ковалья, которые автор статьи приводил как примеры безграмотности и литературной пошлости, расцветчивали её серый, шинельный войлок яркими насмешливыми заплатами.

Я был тогда человек горячий и, увидев, как какая-то комсомольская шавка облаяла моего любимого автора, написал длинное, на шесть (!) машинописных страниц, письмо в защиту облаянного писателя. Написал, запечатал письмо в конверт и послал его на адрес журнала „Юность“. Прошёл месяц, второй, я остыл и стал уже забывать о своём послании, как вдруг, ровно через три месяца, в феврале 1988 года, мне приходит ответ на фирменном бланке „Юности“. Привожу это письмо целиком:

„Уважаемый тов. Етоев!

Благодарим Вас за письмо. На заметку, помещённую в «Комсомольской правде», вряд ли стоит обращать такое внимание – у Ю. Ковалья имя серьёзного писателя, он – лауреат Андерсеновской премии, «Юность», кстати, писала о его художественных работах в № 11. Мы перешлём Ю. Ковалю Ваше письмо. Уверены, ему будет очень приятно прочитать такие искренние слова читательского признания“.

И „Юность” не обманула. В самом начале апреля мне пришло письмо из Москвы от Юрия Ковалья. Я не буду цитировать письмо полностью, приведу из него лишь выдержки (тем более часть письма процитирована в „Нескромном-1“:

„...Дополнительный курьёз заключается в том, что «Комсомолка» в 1972 году хвалила повесть «Приключения Васи Куролесова». Автором рецензии на мою книгу был Фазиль Искандер. Начисто забыв свою хвалу, воздали и хулу. Вообще с этой газетой у меня совершенно юмористические отношения. Начались они с заметки «Чувство цвета и чувство правды» в 1960 году, когда меня громили как художника. Потом похвалили книгу «Чистый Дор» (Яков Аким), потом был и Фазиль, но вот дожили и до Веденяпина. Должен вам рассказать, что несколько писателей (Я. Аким, В. Железников, Т. Гайдар) написали короткое письмо в мою защиту, но оно как-то не напечаталось. В «Советской культуре» директор студии «Диафильм» сумел ответить с достоинством, но на этом дело и кончилось. Сейчас оно считается «замытым».

Скажу вам честно, что я постарался внимания не обратить. Но и наслаждения не испытал. Опасения, что литературные чиновники примут к сведению, были, но вроде бы пока не оправдываются. Ходят слухи, что «Комсомолка» не прочь воздать мне хвалу, хрен знает, пока всё это неясно...“

Теперь маленький бонус (так это теперь вроде бы называется) для читателей моего предисловия (ежели такие найдутся). На самом деле было продолжение переписки. Вот моё письмо Юрию Ковалю, отправленное.

«Здравствуйте, Юрий Иосифович!

Пишет Вам тот самый Александр Васильевич, которого Вы с первого раза угадали по инициалам. Так что, угаданное со второго раза (Анатолий Викторович) не верно. Но, Юрий Иосифович, скажу Вам честно: Александром Васильевичем за всю мою сознательно-несознательную жизнь называли меня ну... раз десять от силы. И всякий раз это величание было связано с какой-нибудь неприятностью. Мои знакомые и друзья называют меня попросту Сашей.

Что сказать о себе. Живу я в Ленинграде, сейчас на Васильевском острове, хотя адрес на конверте другой, это адрес моих родителей. В последние годы редко куда из Ленинграда выбираюсь. Работаю в Эрмитаже рабочим. Всё просто. Что ещё? Пробую писать, начал не очень давно, но никому пока об этом не говорю – боюсь (вот вам проболтался).

Юрий Иосифович, бог с ним, с тем письмом в „Юность“, – напечатают, не напечатают, лично мне всё равно, в конце концов я сказал в нём то, о чём не мог не сказать. Я вообще человек взрывоопасный – прочитаю где-нибудь что-нибудь этакое или увижу – и взорвусь, как атомная ракета. Правда, мой „негодованьем раскалённый слог“ чаще всего ложится в стол, потому что пройдёт день-другой, и я остываю на нашем балтийском ветерке.

Юрий Иосифович, спасибо Вам большое (правда, большое спасибо) за Б. В. Шергина. Только так можно было о нём написать, как Вы написали. Только такими словами. Вообще, удивительно – открыть „Новый мир“ и увидеть два имени рядом – Ваше и Шергина. И вдруг узнать, что Вы Бориса Викторовича хорошо знали в последние годы жизни его и что он был Вашим учителем. Всем бы таких учителей, как Шергин.

Я написал „учитель“ и подумал, что здесь даже не в учительстве дело – дело здесь в духовном общении, даже просто в ощущении, что ты с таким человеком дружен, связан пусть хотя только встречами и разговорами. Учитель может просто молчать, а ты всё равно набираешь опыт – даже от учительского молчания. Его и рядом может не быть, а всё равно – ты чувствуешь, что он рядом. Вот что я понимаю под словом „учитель“.

Шергин писал так ясно и чисто и вместе с тем так фантастически образно, что сразу вошёл в круг моего чтения и с той поры, как я открыл его для себя, уже из него не выходит.

В чтении я эклектик, мне просто нравится хорошая литература – наша, переводная, старая, современная, мне без разницы. Я люблю до сих пор и буду любить и Жюль Верна, и Фенимора Купера, и Стивенсона, и „Трёх мушкетёров“, и Диккенса, и русскую классику. Много чего я люблю, много чего мне нравится. Мне не нравится – когда скучно. Современных детских авторов я, к сожалению, почти не знаю. Вас знаю, но Вы не такой уж и детский – Вы для всех возрастов. Даже если пишете о детях. Ещё мне нравится из того малого, что я читал, – это К. Сергиенко и В. Крапивин.

Я понимаю, что писать хорошо – дар редкий. Но и понимать, что написано хорошо, – тоже дар редкий. Читателей, хороших читателей, так же мало, как писателей, хороших писателей. Понимать и ощущать написанное тоже дар. Как Чехов говорил? Так, примерно: всякий считает себя знатоком в литературе и медицине. Вот и понимают нынешние читатели столь же хорошо в литературе, как в медицине. То есть ничего и никак. „Всё в порядке, носки и пятки“ – это уже не я, это уже Вадим Шефнер, наш, ленинградский, гений.

Знаете, Юрий Иосифович, я понимаю, что комплименты автору можно воспринимать как лесть, тем более в письме в „Юность“ я наговорил уже на эту тему достаточно, но, честное слово, то, что я сказал только что о Борисе Шергине, могу повторить и о Вас. Да, ещё к словам о ясности и чистоте Вашей прозы хочется добавить весёлое слово „весело“. Вот – ясно, чисто и весело. И хочется читать вслух.

Из всего, что Вы написали, читал, кажется, всё (могу ошибиться), кроме „Полынных сказок“. О них знаю из „Книжного обозрения“ и очень обиделся на „Детскую литературу“, что эту книжку они выпустили в „библиотечной“ серии, т. е. не для меня, библиотеки не посещающего. Последнее из Вашего, что удалось купить, это „Бабочки“, Ваше с Татьяной Мавриной. Лучшие в книге рассказы (те, которые понравились больше других) это „Полёт“, „Лошадь задумалась“, „Тузик“, „Адмирал“, „Паша и бабочки“, „Висячий мостик“, „Про них“, „Грач“ – да всё, всё нравится, чего там считать поштучно. Откройте, пожалуйста, секрет: почему у Вас не получается писать плохо? У других, многих, получается, а у Вас нет. Вот, опять сорвался на комплименты. Ну так ведь оно само получается как-то!

Юрий Иосифович, и Вы тоже, если случится быть в Ленинграде, можете позвонить мне по телефону ***, или на работу в Эрмитаж – *** до 15-ти часов во все дни, в среду до 17-ти часов, в четв – до 20 часов (кроме вторника и воскресенья – выходной). В Музей всегда могу провести бесплатно и без очереди (и Вас и Ваших знакомых).

Дай Вам Бог здоровья, да побольше бы издавались Ваши книги, такие книги, как у Вас, – редкость.

С уважением,

Ваш читатель А. Етоев (далее адрес – мой)».

Сегодня я бы такого не написал.

И мне такое бы написали, я точно бы не ответил.

Как Коваль не ответил мне.

Мой выбор

Этим летом (2017) совершенно случайно застал по радио краешек передачи. Её тема: какая книга (книги) перевернула (перевернули) чью-либо жизнь. В основном говорили какую-то неинтересную муть, ведущие над слушателями откровенно подсмеивались (хотя сами, судя по разговорам, книг или вообще не читали, или читали плохо, или просто по-журналистски подстраивались под мнение слушателей). Поразила женщина, которая в детстве пережила смерть брата, потом нашла где-то на антресолях, среди баночной и тряпочной чепухи, книги

Гюго, Золя, кого-то ещё из классиков и увлеклась чтением, чтобы отвлечься от смертных мыслей. И вот она говорит, что это была такая депрессия, эти книги так дурно на неё повлияли, что не дай бог кому-нибудь эти книги прочесть. И что она пришла к Богу, воцерковилась и теперь наконец узнала, что в мире есть одна книга – Библия, а все остальные – грех.

Это сильное откровение.

Но, подумал я, в Библии столько всего жестокого, что никакие Золя и Гюго с Библией и в сравнение не идут, кровь там льётся потоками, и, видимо, эта женщина прочла только Евангелие, и отсюда столь суровое у неё мнение.

И ещё подумал: а я? Какая такая книга осветила моё сознание и перевернула мою жизнь навсегда? Вроде не было одной такой книги. Яркие пятна – да. Но это практически то, что мне читали взрослые или сам я прочитал в детстве, – от русских народных сказок, «Приключений Чиполлино» (детский сад в Климовом переулке, читала воспитательница, Раиса Семёновна, добрая еврейская женщина), сказочной фантазии Сергея Сахарнова «Гак и Буртик в стране бездельников», Ефима Чеповецкого («Непоседа, Мякиш и Нетак»), Евгения Пермяка («Сказка о Терра-Ферра»), «Незнайки» Николая Носова, «Волшебника Изумрудного города» Александра Волкова до Жюль Верна и «Трёх мушкетёров» (первый – третий класс школы на углу Садовой и Лермонтовского, город был тогда Ленинград). Ещё – фантастика, литература мечты. Я читал её до 7-го класса. Что потом? Когда человеку уже шестнадцать, мысли его не о литературе. И не книга действует на выбор его пути.

Короче, не было у меня ни книг, ни книги, которые вывернули бы меня наизнанку, дали бы мне Дантову виту нову, сделали другим человеком. Были книги, много книг, книги разные, но чтобы какая-нибудь одна...

И вдруг я вспомнил: есть такая книга! А как же! Есть! Есть!

«Чистый Дор» Юрия Ковалья.

В конце 1980-х годов (Ковалья я ещё не знал) я познакомился с одной очень скромной девушкой, она тогда кончала филфак, была ученицей профессора Никиты Александровича Мещерского (его «„История Иудейской войны“ Иосифа Флавия в древнерусском переводе» была в моей домашней библиотеке). Однажды я оказался у неё дома, это было в новостройках, Ульянке кажется, мой визит связан был с книгами, ничего личного, и она в разговоре спросила меня о Юрии Ковале. Знаю ли я такого писателя? Я не знал. Она тогда удивилась очень и дала мне прочитать «Чистый Дор». Думаю, девушка хотела, чтобы я влюбился в неё, но она сделала неправильный ход. Ей я предпочёл Ковалья, и думаю, что выбор был верный.

Действительно, ну как не влюбиться в старушку Пантелеевну с её потерянными и найденными в кустах топором; в дядю Зуя, обитателя старой баньки на излучине реки Ялмы; в дядю Зуеву Нюрку; в пеньки на поле за деревней, которые дёргали-дёргали, и получился дор; в стожок и в трусоватого медведя в этом зимнем стожке; в лесовика с бородою синей, а по ней пятнышки, того самого, что в магазин ходит сахар покупать; даже в топор, блеснувший глубинной рыбой, про который упомянуто где-то выше, – как в него не влюбиться тоже?

А вообще-то, это лукавство – отсчитывать себя от одной-двух-трёх книг, которые тебе якобы изменили жизнь. Если кто-то считает, что именно такая-то книга сделала его человеком, то он плоское фанерное существо, не замечающее в своей плоскости и фанерности всех красок большого мира – от ярких до почти неживых.

Человек, и особенно человек-писатель, складывается из многих суетей – не только из прочитанных книг. Главное – это опыт, опыт жизни, и это важно. Никакие на свете книги, прочитанные, непрочитанные, любые, не заменят погружения в жизнь. Можно опуститься на дно, можно опуститься и ниже (опыт в этом у человека есть), но то, что после этого выносится на поверхность, обрабатывается, осмысливается, ложится на бумагу, приходит к читателю, – то и есть литература живая, а не мёртвая, не высосанная из пальца.

Клуб Юрий Иосичей

Каких только необычных клубов не бывает на белом свете! Клуб ветеранов Метростроя. Клуб поклонников Джона Леннона. Клуб любителей 13-го портвейна.

Но мало кто из современников знает, что существовал в недалёком прошлом клуб Юрий Иосичей. Основали его три человека, три «Иосича»: Юрий Иосифович Коваль, Юрий Иосифович Домбровский и Юрий Иосифович Визбор. И тот, и другой, и третий ныне фактически уже классики, и говорить об их значении для русской культуры – всё равно что объяснять человеку в возрасте, кто такой, допустим, Юрий Гагарин. Хотя, возможно, для юного поколения имеет смысл о них коротенько напомнить.

О первом представителе клуба, Юрии Иосиче Ковале, вы уже кое-что узнали, добавлю только одно: это о нём сказал Ролан Быков, что таких писателей, как Юрий Коваль, надо срочно заносить в Красную книгу, пока не перевелись, не вымерли.

Юрий Иосич Визбор – журналист, актёр, классик авторской песни и вообще человек-легенда.

И Юрий Иосич Домбровский – писатель, поэт, лагерник, автор «Хранителя древностей», «Факультета ненужных вещей», стихов и гениальных рассказов.

В клуб входил ещё один Юрий Иосич, четвёртый, который скромно оставался в тени; это был водитель такси, подвозивший однажды Юрия Коваля домой и тогда-то, в машине, и обращённый в святое братство Юрий Иосичей. О нём история в дальнейшем умалчивает.

Наверное, это был очень весёлый клуб, судя по тем талантам, которыми не обделил Господь Бог троицу его основателей. Жаль, что никто не вёл хронику клубной жизни.

Но вот ушли потихонечку один за другим – сначала Домбровский, потом Визбор, за ними – Коваль. Не стало их – не стало и клуба. Так всегда – любителей 13-го портвейна хоть пруд пруди, а талантливых Юрий Иосичей – раз, два, три и обчёлся.

P. S. Сергей Андреев, большой знаток и кропотливый исследователь творчества Юрия Коваля, когда я опубликовал впервые эту заметку, меня поправил: «Александр Етоев немного ошибся. Юрий Иосичей в клубе было 5! Был ещё поэт Юрий Иосич Коринец. А таксиста приняли последним. И привёл его не Коваль, а Визбор».

Моя ему благодарность за это.

Голоса травы

Замечательно знать мир, в котором тебе посчастливилось жить. Имена цветов, деревьев, птиц, созвездий, ветров, ведь им самим до этих имён, придуманных человеком, дела столько же, сколько тем же звёздам до нас, людей, – звёздам, на которые человек возлагает столько надежд.

Я всегда завидовал таким людям, как Пришвин, Соколов-Микитов, Бианки, Шергин, Коваль, Арсеньев, знавших о мире больше нас, обитателей городских квартир.

Любовь к миру во всех его проявлениях рождает ответную любовь мира. Вот Коваль, например. Его «любили решительно все – писатели и читатели, дети и взрослые, мужчины и женщины, люди простые и люди в шляпах. Любили собаки, кошки, птицы, рыбы, бабочки, деревья, травы, звёзды и облака...» (*Блинова Э. Праздник общения с Юрой Ковалём // Ковалиная книга: Сборник. М.: Время, 2008*).

Перечитывая Олешу (одного из любимых писателей Коваля), в романе «Зависть» я обнаружил фразу: «Меня, как святого, окружал кустарник. Я срывал кисловатые нежные косточки растения, обсасывал их и выплёвывал...» Чувствуете? «Растения»!

Пришвин, Соколов-Микитов, Бианки, Шергин, Арсеньев, Коваль дали бы растению имя. Я нисколько Олешу не укоряю. У него уход от имени к обезличенному слову «растения» намерен, он оправдан художественно. Кавалеров – человек не земли, не неба, но – *между*, ни там, ни здесь.

Мы тоже, в общем-то, люди между – ни там, ни здесь, не знающие и не желающие понять голоса травы, которая возле нас, которая у нас под ногами.

Кстати, одной из настольных книг Юрия Коваля был двухтомник «Травянистые растения СССР». Купил он его сразу три экземпляра, впрок.

Ещё история про растения. Писатель Виталий Коржиков, автор «Весёлого мореплавания Солнышкина», посадил у себя на участке дуб и захотел, чтобы этот дуб был такой же красивый, как на картинках художника Николая Устинова, иллюстратора Юрия Коваля.

«А ты возьми Колин рисунок, – сказал Коваль, – и покажи дубу».

Писатель Коржиков так и сделал.

И что вы думаете? Дуб послушался, стал красивым.

Коваль, Суер-Выер и мэтр Рабле

«Суер-Выер» – последняя книга Юрия Коваля, последняя и посмертная.

Это роман особый, роман-игра. Собственно, он и романом-то не является; роман – это что-то матёрое, что-то очень сюжетное, многомудрое, величественное, как Лев Толстой. Пергамент – так определяет жанр своего сочинения автор.

Что такое пергамент? Как известно из археологии, пергамент есть гладко выделанная кожа животных, употреблявшаяся в древности для письма. (А в старых словарях есть добавка: «Ныне же идёт преимущественно на барабаны».)

Итак – «в древности». То есть мы с вами как бы читатели будущего и держим в своих руках некую музейную редкость, чудом избежавшую труса, голода (раз из кожи), нашествия со- и иноплеменников и так далее. Что-то утрачено, что-то не поддаётся прочтению, где-то вкралась ошибка – может быть, переписчика, может быть, самого писца, отвлёкшегося по причине принятия ежевечерней порции корвалола.

А к древности отношение бережное. Можно комментировать, делать примечания, давать сноски, но нельзя ничего менять – теряется аромат времени, пища для желудка ума, материал по психологии творчества. Если «вдруг» написано через «ю» («вдрюг»), «со лба» – «собла» и древний автор, раскачиваясь на стуле, осознаёт «гулбину» своего падения, то этого уже не исправишь.

Любая мелочь, на которую в обыкновенной книге (если такие вообще бывают!) порой не обращаешь внимания, здесь, в пергаменте, играет роль важную, как в оркестре, где умри какая-нибудь маленькая сопелка, флейточка или английский рожок – и музыка перекосятся и рухнет, превратившись в трамвайный шум.

Теперь о самой игре, о её незамысловатых правилах.

Правила очень простые.

Вот корабль, вот море и острова. Надо плыть по этому морю и открывать эти самые острова. Заносить открытые острова в кадастр и плыть дальше. А в свободное от открывания островов время заниматься обычными судовыми делами: пришивать пуговицы, развязывать морские узлы, косить траву вокруг бизань-мачты, варить моллюсков.

Да, чуть не забыли сказать про самое главное: кто в игре победитель и какая ему с этого выгода.

С победителем просто. Кто первый доберётся до Острова Истины, тот и выиграл. И в награду ему, естественно, достаётся Истина.

Правда, странное дело – выиграть-то он вроде бы выиграл, но идёт себе этот выигравший по Острову Истины, кругом её, естественно, до хрена, идёт он себе, значит, идёт, разглядывает лица девушек и деревьев, перья птиц и товарные вагоны, хозблоки и профиль Данте – а за ним (!) тихонечко движется океан. И сокращается островок, съедается, убивает его идущий своими собственными шагами; обернётся, дойдя до края, – а сзади уже вода. И впереди и сзади.

Вот такие интересные игры встречаются иногда на пергаментах.

Говоря по правде, игра эта очень древняя. В неё играли ещё в те времена, когда мир держался на трёх китах, а Земля была плоская и загадочная, как рыба вобла.

О путешествиях и невиданных островах писали древние греки и Лукиан, Плиний и Марко Поло. Они описаны у древних китайцев в «Каталоге гор и морей» и в путешествиях Синдбада из «Тысячи и одной ночи», в кельтском эпосе и русских народных сказках.

Острова, на которых живут циклопы и тенеги, псоглавцы и царь Салтан; а ещё – ипопеды, то есть люди с копытами вместо ног; а ещё – бородатые женщины и люди без рта, пьющие через специальную трубочку; а ещё – Робинзон Крузо, капитан Немо и Максим Горький. Все они описаны, зарисованы и выставлены на народное обозрение – в сушёном или заспиртованном виде.

Идёшь, смотришь, шупаешь, пьёшь, закусываешь, берёшь ещё.

И вроде бы как даже приелось.

Но вдруг из-за какой-нибудь сухой груши выходят два человека: матрос Юрий Коваль и мэтр Франсуа Рабле. Смеются и тебе говорят: ну что, говорят, плывём?

Ты даже не спрашиваешь куда, потому что и так понятно: в руке у мэтра Рабле початая Божественная Бутылка, а матрос Юрий Коваль уже щёлкает по ней ногтем, и Бутылка отвечает звонким человеческим голосом: «ТРИНК».

Р. С. Ковалю не повезло с «Суером-Вьером». Не потому не повезло, что писатель умер, так и не увидев полной версии изданного романа, не в смерти дело. Смерть для писателя дело наживное, главное – чтобы книжки его читали. Не повезло потому, что интеллектуальная среда, в которой в основном складывается мнение о той или иной новой книге, к 1995 году (первая, журнальная публикация «Суера») была пресыщена и обилием новых имён, и обилием старых авторов с книгами, которые они держали в столе до поры до времени, и вот наконец дождались, выдали их, обтерев с них плесень, на суд читателей, и обилием лавины псевдолитературы, выплеснувшейся на волне перестройки и случившейся в стране демократии.

По идее, чтобы книгу прочли и оценили правильно, нужен читательский книжный голод. Хорошо бы изъять всю напечатанную в мире литературу. Отключить интернет. Вырубить электричество. Вернуться в догутенбергово состояние. Залезть в пещеры. Правда, голод физический быстро пересилит голод культурный, будет не до чтения – выжить бы.

Река нашего сердца

У каждого человека, если он не житель пустыни, есть в жизни своя река. Нева, Днепр, Енисей, Темза, Миссисипи, Фонтанка – не важно, как она называется и на какое долгое расстояние нас с ней разлучает жизнь. Она течёт в нашей памяти, мы помним цвет её, запах, линии берегов, деревья по берегам, листья, плывущие по воде осенью. Себя помним на её берегах, отражение наших счастливых лиц, когда дрогнет на воде поплавок или проплывёт мимо нас на весенней льдине ленивая городская птица.

Ковалю была подарена Яуза.

Ограждена от нас гранитом,
Как воробей, невелика,

Под небом, осенью залитым,
Течёт забытая река.

В ней отражаются антенны,
Пустые окна, чердаки,
В ней стынут хлопья мыльной пены,
Преображаясь в островки...

Она течёт неторопливо
Всё от креста и до креста,
И даже кажется красивой
С Преображенского моста...

Пишу осенью, в октябре. В глазах у меня Фонтанка, река моего сердца. В голове моей звучит песня Юрия Ковалья про Язу.

На нашей набережной осень,
За тополями старый дом,
Дом двадцать семь, квартира восемь,
В котором мы ещё живём.

«В котором мы ещё живём»...
Грустно.

Взятие Гаваны

А грустно кончать не хочется.
Коваль человек весёлый.

Расскажу-ка я на закуску историю о Сергее Михалкове, как он Гавану брал. Услышал я её в телевизоре от художника Виктора Чижикова, друга Юрия Ковалья, письменный вариант рассказа найти не смог, хотя и перерыл весь интернет.

Дело было в ЦДЛ, на очередном юбилее живого классика. Зал битком, кроме писателей, в нём представители братских литератур, делегаты от стран соцлагеря, и каждый обязан выйти к юбиляру с поздравительной речью.

Вот выходит на сцену представитель Болгарии, поздравляет.

– Как же, помню Болгарию, – дружелюбно говорит юбиляр. – Когда мы в сорок четвёртом брали Софию... – и что-то говорит дальше.

Болгарина сменяет поляк. Цветы, поздравления.

– Да, Польша, а как же, помню, – говорит Михалков. – Когда мы в сорок пятом брали Варшаву...

Поздравляет представитель Чехословакии.

Михалков:

– Конечно, помню Чехословакию. Когда мы брали Прагу...

То же самое делегату от ГДР – про Берлин.

Настал момент для представителя Кубы.

Выходит кубинец, говорит речь.

И тут из зала раздаётся голос Юрия Ковалья:

– А вот когда мы брали Гавану...

По-моему, история замечательная. На ней я и ставлю точку в разговоре о Юрии Ковале.

P. S. ко всему написанному

Наверное, как велят правила, нужно было бы дать читателю биографию Юрия Ковалья, раз уж я, грешный, взялся написать предисловие к этой книге.

Каюсь, биографии я не дал.

Биография и много чего ещё будет в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия», в книге, которая непременно выйдет. Коваль настолько замечательный человек, что более чем достоин отдельной о себе книги.

Александр Етоев

Суер-Выер

Посвящается Белле Ахмадулиной

Часть первая Фок

Бушприт

Тёмный крепдешин ночи окутал жидкое тело океана.

Наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» тихо покачивался на волнах, нарушая тишину тропической ночи только скрипом своей ватерлинии.

– Грот-фок на гитовы! – раздалось с капитанского мостика.

Вмиг оборвалось шестнадцать храпов, и тридцать три мозолистые подошвы выбили на палубе утреннюю зорю.

Только мадам Френкель не выбила зорю. Она плотнее закуталась в своё одеяло.

Главы I–VI¹

Шторм

Служил у нас на «Лавре Георгиевиче» вперёдсмотрящий.

---

¹ Падение культуры пристального чтения в конце XX века принудило автора не только к сдваиванию и к страиванию, но даже, как видим, и к сошестерению некоторых глав.

Ящиков.

А мы решили завести ещё и назадсмотрящего. Ну мало ли что бывает. Короче – надо. Завели, а фамилию ему давать не стали. Ну на кой, простите, пёс, назадсмотрящему-то фамилия?

А он говорит:

– Ну дайте же хоть какую-нибудь. Ну хоть бы Бунин.

Никакого, конечно, Бунина мы ему не дали.

А он назад оглянулся и как рявкнет:

– Идёт шторм!

– Шторм? – удивился наш капитан сэр Суер-Вьер. – Так ведь он умер.

– Кто умер?

– Шторм умер. Апполинарий Брамсович.

– А это другой шторм идёт, – пояснил вперёдтеперьжесмотрящий Ящиков.

– И другой умер, – сказал Суер. – Через два года.

– Знаете что, капитан, – который Бунина просил, говорит, – свищите скорей всех наверх.

– Рак, – пояснил капитан то ли про первого, то ли про второго Шторма.

– А ну вас всех, прости меня господи, – сказал назадсмотрящий, – понаесли на «Лавра Георгиевича» и плывут незнамо куда, гады!

– У обоих, – продолжил Суер свою предыдущую мысль.

Перед бурей утихли волны. В тишине слышался скрип нашей ватерлинии и какие-то клетчатые звуки. Это мадам Френкель ещё плотнее закуталась в своё одеяло.

Глава VII Остров Валерьян Борисычей

– Со всеми этими штормами и сошестерениями, – сказал как-то наш капитан Суер-Вьер, – нам Острова Истины не открыть. Да вон, кстати, какой-то островок виднеется. Не Истины ли? Эй, Пахомыч! Суши вёсла и обрасопь там, что надо обрасопить!

– Надоело обрасопливать, сэр, – проворчал старпом. – Обрасопливаешь, обрасопливаешь... а толку?

– Давай, давай, обрасопливай без долгих разговоров.

Вскоро Пахомыч обрасопил всё, что надо, мы кинули якорь, сели в шлюпку и поплыли к острову, виднеющемуся невдалеке. Он был невелик, целиком умещался в подзорную трубу. На нём не было видно ни души. Песок, песок да ещё какие-то кочки, торчащие из песка.

Шлюпка уткнулась носом в берег, и тут же кочки зашевелились и каким-то образом нахлобучили на себя велюровые шляпы. Тут и стало ясно, что это не кочки, а человеческие головы в шляпах, которые торчат из пещерок.

Крупная, но фетровая шляпа заколебалась, и из пещерки вылез цельный человек. Сняв шляпу, он приветливо помахал ею и сказал:

– Добро пожаловать, дорогие Валерьян Борисычи!

Мы невольно переглянулись, только Суер поклонился и сказал:

– Здравствуйте, братья по разуму!

Шляпы в норках загудели:

– Здравствуйте, здравствуйте, дорогие Валерьян Борисычи!

А первый, в крупной фетровой, обнял Суера и расцеловал.

– Ну, как вы добрались до нас? – спрашивал он. – Легко ли? Тяжело? Все ли Валерьян Борисычи здоровы?

– Слава богу, здоровы, – кланялся Суер.

Меня всегда поражала догадливость капитана и его житейская мудрость. Но какого чёрта? Какие мы Валерьян Борисычи? Никакие мы не Валерьян Борисычи! Но спорить с туземцами не хотелось, и я подумал: если капитан прикажет, мы все до единого дружно станем Валерьян Борисычами.

Между тем шляпа номер один продолжала махать когтистой лапой и весело лопотала:

– Мы так радуемся, когда на остров прибывает очередная партия Валерьян Борисычей, что просто не знаем, как выразить своё счастье!

– И мы тоже счастье выражаем, – сказал Суер и, обернувшись к нам, предложил: – Давайте, ребята, выразим своё счастье громкими кличами.

Мы не стали спорить с капитаном и издали несколько кличей, впрочем вполне приличных. Кроме Пахомыча, который орал:

– Борисычи! А где же магарыч?

– Я надеюсь, – сказала шляпа номер один, – среди вас все истинные Валерьян Борисычи? Нет ни одного, скажем, Андриан или Мартемьян Борисыча? Не так ли?

– Ручаюсь, – сказал капитан, придиричиво осматривая нас. – Верно, хлопцы?

– Да, да, это так, – поддержали мы капитана. – Мы все неподдельные Валерьян Борисычи.

– Но мы маленькие Валерьян Борисычи, – влез в разговор лоцман Кацман, – небольшие Валерьян Борисычи, скромные.

Капитан недовольно поморщился. Лоцману следовало бы помолчать. Он сроду не бывал никаким Валерьян Борисычем, а, как раз напротив, по паспорту читался Борис Валерьяныч.

– Мы-то маленькие, – продолжал болтливый лоцман. – А вот он, – и лоцман указал на Суера, – он величайший из Валерьян Борисычей мира.

Суер поклонился, и мы ударили в ладонь.

Самое, конечно, глупое, самое тупое заключалось в том, что я и вправду почувствовал себя Валерьян Борисычем и раскланивался на все стороны, как истинный Валерьян Борисыч.

– Дорогой Валерьян Борисыч, – сказал Суер, обращаясь к главной шляпе. – Позвольте и мне задать вопрос. Скажите, а вот эти люди, которые сидят в норках, все ли они истинные Валерьян Борисычи?

– Валерьян Борисыч, дорогой, – отвечала шляпа, – мы понимаем вашу бдительность и ответим на неё дружно, по-валерьян-борисычески. Эй, взбы, отвечайте!

Тут все Валерьян Борисычи зашевелились в норках и хотели было вылезать, но Главношляпый крикнул:

– Сидеть на месте! Кто выскочит – пуля в лоб! Начинайте.

И один носатый из ближайшей норы неожиданно и гнусаво запел:

О, Океан!
О, тысячи
На небе дивных звёзд!
Все Валерьян Борисычи
Имеют длинный хвост.

А хор из норок подхватил:

Имеют хвост, но он не прост,
Меж небом и землёй он мост.

Гнусавое запевало выползло тем временем на второй куплет:

В душе изъян был высечен

На долгую науку.
Вам Валерьян Борисычи
Протягивают руку.

И хор подхватил:

Берите нашу руку,
А то дадим по уху!

И они высунули из норок когтистые лапки. Все невольно отшатнулись, и даже Суер заметно побледнел. Он быстро оглядел нас и впёр свои брови в меня.

– Валерьян Борисыч, – сказал он, похлопывая меня по плечу, – возьми руку друга из норы.

– Кэп, меня тошнит.

Валерьян Борисычи в норках зашептались, заметив наши пререканья.

– Иди, скотина Валерьян Борисыч, – толкнул меня в спину Пахомыч. – Иди, а то меня пошлют.

Глава VIII Суть песка

В этот момент меня покинуло чувство, что я немного Валерьян Борисыч, но – подчинился капитану. Я уважал Суера, вам, впрочем, этого не понять.

Любезно гримасничая, как это сделал бы на моём месте истинный Валерьян Борисыч, я тронулся с места и пошёл некоторым челночным зигзагом.

– Он очень стеснительный, – пояснял Кацман, – но истинный, хотя и мелковатый Валерьян Борисыч².

Подойдя к ближайшей кочке-шляпе, я схватил за руку какого-то Валерьян Борисыча и принялся тресть.

– Здорово, старый хрен Валера! – заорал я. – Ну как ты тут? Всё в норке сидишь? А мы тут плавали-плавали и на вас нарвались! Да ты сам-то хоть откуда? Я-то из Измайлова!

Схваченный мною Валерьян Борисыч тихо поскуливал.

– Ты с какого года? – орал я.

– С тридцать седьмого, – отвечал задёрганный мною Валерьян Борисыч.

– А я с тридцать восьмого! Ты всего на год и старше, а вон уже какой бугай вымахал!

Валерьян Борисыч призадумался и наморщил лобик.

– Ты знаешь чего, – сказал он, – копай норку рядом со мной, мы ведь почти ровесники. К тому же я из Сокольников.

– Да! Да! Да! – закричал Главный Шляпоголовый. – Копайте все себе норки! Здесь очень хороший песочек, легко копается. И мы все будем дружно сидеть в норках.

И тут я подумал, что это неплохая идея, и мне давным-давно пора выкопать себе норку в тёплом песке, и хватит вообще шляться по белу свету.

«Заведу себе велюровую шляпу, – думал я. – Стану истинным Валерьян Борисычем, а там разберётся». И я опустил на колени и стал двумя руками загребать песочек, выкапывая норку. Песок струился с моих ладоней, и суть его, копая, я пытался постичь.

---

² Кстати, открытие острова Валерьян Борисычей мы посвятили славному русскому энтомологу и источниковеду Овчинникову Ивану.

«В чём же суть этого песка? – напряжённо думал я. – Эту вечную загадку я и стану разгадывать, сидя в норке».

Струился, струился песок с моих ладоней, тянул к себе и засасывал.

Вдруг кто-то сильно дёрнул меня за шиворот и выволок из норы.

– Ты что делаешь? – сказал Суер, щипая меня повыше локтя. – Опомнись!

– Норку копаю. А вы разве не будете, кэп?

– Будем, но позднее.

– Позвольте, позвольте, – встрял Главный Шляподержатель, – откладывать копание не полагается. Копайте сразу.

Тут я заметил, что Валерьян Борисычи в норках надулись и смотрели на нас очень обиженно.

– Копайте норки, а то поздно будет, – приговаривали некоторые.

– Нам нужно вначале осмотреть достопримечательности, – отвечал Суер-Вьер. – А уж потом будем копать.

– Какие ещё достопримечательности? Здесь только песок да Валерьян Борисычи.

– А где же музей восточных культур? – спросил Суер.

– Мы его разграбили, – мрачно ответил Главный Валерьян Борисыч. – А вы, я вижу, не хотите норок копать. Бей их, ребята! Это поддельные Валерьян Борисычи! Их подослали Григорий Петровичи!

– Вот ведь хреновина, – устало сказал Суер. – Только приплываем на какой-нибудь остров – нас сразу начинают бить.

Головной Валерьян Борисыч снял вдруг шляпу и метнул её в капитана. Шляпа летела, вертясь и свиста.

Капитан присел, и шляпа попала в лоцмана. Кацман рухнул, а шляпа, как бумеранг, вернулась к владельцу.

Все прочие Валерьян Борисычи засвистели по-узбекски и стали принакручивать шляпами. Через миг несметное количество шляп загудело над нашими головами.

Волоча за собой, как чайку, подбитого лоцмана, мы отступили к шлюпке. Над нами завывали смертоносные шляпы.

Пахомыч изловчился, поймал одну за тулью, зажал её между коленей, но шляпа вырвалась, схватила корзину с финиками, которая стояла на корме, и понеслась обратно на остров.

Эти финики спасли нам жизнь. Валерьян Борисычи, как только увидели финики, выскочили из норок. Они катались по песку, стараясь ухватить побольше фиников.

– А мне Валерьян Борисычи даже чем-то понравились, – смеялся Суер-Вьер, выводя нашу шлюпку на правильный траверз. – Наивные, как дети: хотели нас шляпами закидать.

Тут в воздухе появилась новая огромная шляпа. Она летела книзу дном, тяжело и медленно.

Долетев до нас, шляпа перевернулась, вылила на капитана ведро помоев и скрылась в тумане.

Главы IX–X

Развлечение боцмана

На следующий за Валерьян Борисычами остров для забавы мы взяли с собой боцмана Чугайло. Он уже несколько месяцев не сходил с борта и совершенно озверевал.

– Хочу развлечений! – ревел он иногда в своей каюте.

Правда, ещё издали было видно, что особых развлечений на этом острове не состоится. Прямо посередине его стояло какое-то сухое дерево, а вокруг сплошной камень.

– Это ничего, – говорил Суер, – походит вокруг дерева – глядишь, и развлечётся.

Ну, мы сошли на берег и открыли остров. А потом сели на камушек, а боцмана пустили ходить вокруг сухого дерева. И он начал ходить, а мы смотрели, как он ходит, и перемигивались.

– Неплохо ходит, холера!

– Медленно как-то. Вяло.

– Господин Чугайло! – кричал Пахомыч. – Да вы побыстрее ходите, а то не развлечётесь.

– Сам знаю, как хожу! – ревел боцман. – Развлекаюсь как умею.

– Чепуха, – сказал лоцман Кацман, – так он не развлечётся никогда в жизни. Давайте потихоньку сядем в шлюпку и уплывём, вот тут он и развлечётся.

И мы сели в шлюпку и отплыли на три кабельтова.

Боцман Чугайло вначале не заметил нашего манёвра и ходил, тупо глядя в землю, а когда заметил – забегал вокруг дерева, то и дело падая на колени.

– Вы куда? – орал он. – Вы куда?

Ничего не мог он придумать, кроме этой моржовой фразы. Ясно куда: на «Лавра».

– Не покидайте меня, братцы, – орал Чугайло в пространство, а мы посмеивались и делали вид, что навеки уплываем.

– А что? – сказал Суер. – Может, и вправду оставить его на острове? Надоел ужасно. Ходит всюду, плюётся и сморкается. Всего «Лавра Георгиевича» заплевал.

– Давайте оставим, – сказал Пахомыч.

Думали мы, думали и решили оставить боцмана на острове. Хрен с ним, пускай развлекается.

Главы XI–XII

Самсон-Сеногной

Лоцман Кацман разрыдался однажды у мачты, на которой к празднику мы развесили кренделя.

– Жалко Чугайлу, – всхлипывал он. – Давайте вернёмся, капитан. Заберём его на «Лавра».

А, наверно, уж с полгода прошло, как мы оставили боцмана на острове.

– Ладно, – сказал наш простосердечный капитан, – вот откушаем праздничного суфле и назад поплывём.

Ну, откушали мы суфле, поплыли назад.

Смотрим – Чугайло жив-здоров, бегаёт по острову вокруг сухого дерева.

– Неужто ещё не развлёкся? – удивился Суер.

А боцман, как увидел нашу шлюпку, стал камнями кидаться. Во многих он тогда попал.

Высадились мы на остров, связали боцмана, сели под дерево и рассуждаем: что же дальше делать? Забросает же камнями, ватрушка!

Сидим эдак, вдруг слышим, Кацман кричит:

– Почки!

Лоцман кричит:

– Почки!

И пузырьки какие-то лопаются!

Батюшки-барашки! На ветвях-то сухого дерева появились настоящие растительные почки! И лопаются, а из них листочки выскакивают. Растительные!

– Боцман! – Суер кричит. – Откуда почки?

– Не знаю, – мычит боцман, мы-то ему в рот кляп засунули, чтоб не плевался. – Не знаю, – мычит.

Вынули мы кляп, а боцман всё равно ничего не знает. Засунули обратно, и капитан спрашивает:

– Живёте на острове, а про почки не знаете. Как же так?

– Они раньше не лопались, – через кляп мычит.

– Развиваются! – закричал Кацман, и мы увидели, что листочки позеленели, а из-под них цветы расцвели.

Бросили мы боцмана, кинулись цветы нюхать. Только нанюхались – цветы все опали.

– Что же теперь делать? – спрашиваем капитана. – Опали наши цветочки!

– Ждать появления плодов, – размыслил Суер.

И плоды не заставили себя ждать. Вначале-то появились такие маленькие, зелёные, похожие на собачью мордочку, а потом стали наливаться, наливаться. Лоцман цоп с ветки плодочек – и жрёт!

Капитан хлопнул его по рукам:

– Незрелое!

– Я люблю незрелое! Люблю! – плакал лоцман и жадно, как лягушонок, хватал плодочки.

Связали мы лоцмана и стали ждать, когда плоды созреют. И вот они созрели прямо на глазах.

– Неужели груши? – восхищался Пахомыч.

– Ранет бергамотный?! – мычал через кляп боцман.

Накидали мы целую шлюпку груш, развязали боцмана с лоцманом и отбыли на «Лавра».

Потом-то, уже на борту, мы долго размышляли, с чего это сухая груша столько вдруг всего наплодоносила.

– Она расцвела от наших благородных поступков, – сказал Кацман.

– Каких же это таких?

– Ну вот мы бросили боцмана на острове. Какой это был поступок: благородный или не благородный?

– Благородный, – сказал Пахомыч. – Он нам всего «Лавра Георгиевича» заплевал.

Сэр Суер-Выер засмеялся и выдал старпому особо спелую и гордую грушу.

– Ну нет, – сказал он, – благородный поступок был, когда мы за ним приехали. И груше это явно понравилось.

– Ерунда, кэп, – сказал боцман, вынимая изо рта очередной кляп свой. – Пока я бегал по острову, я ей все корни обтоптал.

Разгорячённый грушами, лоцман запел и заплясал, и боцман, раскидывая кляпы, затопал каблуком. Мы обнялись и долго танцевали у двери мадам Френкель:

Мадам! Спасите наши души
От поедания плодов!
А то мы будем кушать груши
До наступленья холодов!

Эх, и хороший же тогда у нас получился праздник! Ну прямо Самсон-Сеногной!

Глава XIII

Славная кончина

Я совсем забыл сказать, что с нами тогда на борту был адмиралиссимус. Звали его Онисим.

И многим не нравилось поведение адмиралиссимуса. Герой Босфора, мученик Дарданелл, он совсем уже выжил из ума, бесконечно онанировал и выкрикивал порой бессвязные команды вроде:

– Тришка! Подай сюда графин какао, сукин кот!

В другой раз он беспокойно хлопал себя по лысинке, спрашивая:

– Где мой какаду? Где мой какаду?

Чаще же всего он сидел на полубаке и шептал в пространство:

– Как дам по уху – тогда узнаешь!

Матросы не обижали старика, а Суер по-отечески его жалел.

Один раз Суер велел боцману переодеться Тришкой и подать Онисиму графин какао. Какао, как и Тришка, было поддельным – жёлуди да жжёный овёс, кокосовый жмых, дуст, немного мышьяка, – но адмирал выпил весь графин.

– Где моё какаду? – распаренно расспрашивал он.

Суер-Выер велел нам тогда поймать на каком-нибудь острове какаду. Ну, мы поймали, понесли мученику и герою.

– Вот ваше какаду, экселенс! – орали мы, подсовывая попугая старому морепроходцу.

Адмиралиссимус восхитился, хлопал какаду по плечам и кричал:

– Как дам по уху – тогда узнаешь!

Стали мы подкладывать лоцмана Кацмана, чтоб адмиралиссимус ему по уху дал. Но лоцман отнекивался, некогда ему, он фарватер смотрит. А какой там был фарватер – смех один: буи да створы.

Навалились мы на лоцмана, повели до адмиралиссимуса.

Старик Онисим размахнулся да так маханул, что сам за борт и вылетел.

– Вот кончина, достойная адмиралиссимуса, – сказал наш капитан Суер-Выер. Потом уже, на специально открытом острове, мы поставили памятный камень с подобающей к случаю эпитафией:

Адмиралиссимус Онисим,

Был справедлив, но – онанисим.

Глава XIV Хренов и Семёнов

Издали мы заметили клубы и клоки великого дыма, которые подымались над океаном.

– Это горит танкер «Кентукки», сэр, – докладывал капитану механик Семёнов. – Надо держаться в стороне.

Но никакого танкера, к сожалению, не горело. Дым валил с острова, застроенного бревенчатыми избушками, крытыми рубероидом. Из дверей избушек и валил дым.

– Что за неведомые сооружения? – раздумывал Суер, оглядывая остров в грубый лакированный монокуляр.

– Думается, рыбы коптильни, сэр, – предположил мичман Хренов.

– Дунем в грот, – сказал капитан. – Приблизимся на расстояние пушечного выстрела.

Пока мы дули, дым почему-то иссяк. Что-то, очевидно, догорело.

– Высаживаться на остров будем небольшими группами, – решил капитан. – Запустим для начала мичмана и механика. Хренов! Семёнов! В ялик!

Пока Хренов и Семёнов искали резиновые сапоги, из неведомых сооружений выскочили два десятка голых мужчин. Они кинулись в океан с криком:

– Легчает! Легчает!

Наши Семёнов с Хреновым отчего-то перепугались, стали отнекиваться от схода на берег и всё время искали сапоги. Кое-как, прямо в носках, мы бросили их в ялик, и течение подтащило судёнышко к голозадым туземцам. Те, на ялик внимания не обращая, снова вбежали вовнутрь неведомых сооружений.

Спрятав лодку в прибрежных кустах, мичман и механик стали подкрадываться к ближайшему неведомому бревенчатому сооружению. В подзорную трубу мы видели, как трусливы и нерешительны они.

Наконец, прятаясь друг за друга, они вползли в сооружение.

Как ни странно – ничего особенного не произошло. Только из другого неведомого сооружения вышел голый человек, поглядел на наш корабль, плюнул и вошёл обратно.

Глава XV

Пора на воблу!

Этот плевок огорчил капитана.

– Бескультуре, – говорил он, – вот главный бич открываемых нами островов. Дерутся, плюются, голыми бегают. У нас на «Лавре» это всё-таки редкость. Когда же наконец мы откроем остров подлинного благородства и высокой культуры?

Между тем дверь ближайшей избушки распахнулась, и на свет явились голый мичман Хренов и обнажённый Семёнов. Они кинулись в океан с криком:

– Легчает! Легчает!

Группами и поодиночке из других сооружений выскочили и другие голые люди. Они скакали в волнах, кричали, и скоро невозможно было разобрать, где среди них Хренов, а где Семёнов.

– Не вижу наших эмиссаров, – волновался капитан. – Старпом, спускайте шлюпку.

Спустили шлюпку, в которую и погрузились старые, опытные открыватели новых островов: ну, лоцман, Пахомыч и мы с капитаном.

Голые джентльмены, гогоча, ухватились за наши вёсла.

– Раздевайтесь скорее! – кричали они.

Слабовольный Кацман скинул бушлат.

– Хренов-Семёнов! Хренов-Семёнов! – беспокойно зывал капитан.

К нашему изумлению, среди голых джентльменов оказалось несколько Семёновых и два, что ль, или три Хренова. Они подплывали на вечный зов капитана и глядели в шлюпку красными тюленьими глазами.

Какой-то липовый Хренов выставил из-под волны нос и закричал:

– Неужто это Суер? А я думал, тебя давно сожрали туземцы!

– Уйди в океан! – ревел старпом и отпихивал веслом неправильного Хренова.

– Так я же Хренов! – взвизгивал ложный Хренов. – Вначале зовут, а потом отпихивают.

– Тоже мне Хренов дерьмовый! – сердился старпом. – У нас уж Хренов так Хренов.

К сожалению, наш Хренов, который наконец появился, такого уж слишком мощного явления не представлял. Довольно скромный и худосочный Хренов, которого только в форме можно было принять за мичмана.

За Хреновым явился и Семёнов.

– Высаживайтесь, кэп, – красноносо хрюкал он, – не пожалеете. Здорово легчает!

– А нам пора на воблу, – объяснял Хренов.

– Пора на воблу! Пора на воблу! – подхватил и Семёнов, и, взмахивая лихими саженками, они дунули к берегу брассом.

Задумчиво мы глядели им вслед, и за нашей спиной грудью вздыхал океан.

Глава XVI

Остров неподдельного счастья

Могучий клич «Пора на воблу!» поддержали и другие голые люди этого острова.

– И на пиво! – добавляли некоторые другие раздетые.

Хренов и Семёнов, сверкающие задницами на берегу, чрезвычайно обрадовались, услышавши такое добавление.

– Пора на воблу и на пиво! – восторгались они.

– Кажется, они продали нас, – сказал Пахомыч. – За воблу.

– И за пиво, – добавил Кацман.

Мы подплыли ближе и увидели, что все голые люди, а с ними и наши орлы подоставали откуда-то кружки с пивом.

Какой-то Хренов, кажется не наш, выскочил на берег, обвешанный гирляндами воблы. Эти гирлянды болтались на нём, как ожерелья на туземных таитянках. Он раздавал всем по вобле на брата, а остальные приплясывали вокруг него и кричали:

– Вобла оттягивает!

Наши Хренов с Семёновым, отплясав своё, костями воблы уже кидались в океан и носом сдували пену из пивных кружек.

– Оттягивает! Оттягивает! – ворковали они.

– Неужели это так? – говорил Суер. – Неужели стоит только раздеться – и тебе выдают пиво и воблу? Ни в одной стране мира я не встречал такого обычая. Иногда я задумываюсь: а не пора ли и мне на воблу?

– И на пиво, сэр, – пискнул Кацман.

Мы оглянулись и увидели, что лоцман сидит в шлюпке абсолютно голый. Он дрогнул под взглядом капитана, и синяя русалка, выколота на его груди, нырнула под мышку.

– Ладно, раздевайтесь, хлопцы, – сказал капитан. – Мы ещё не едали воблы на отдалённых берегах.

И он снял свой капитанский френч.

Мы с Пахомычем не стали жеманиться, скинули жилеты и обнажили свои татуировки.

Шлюпка пристала к берегу. Тут же к нам подскочили Хренов и Семёнов и выдали каждому по кружке пива и по хорошей вобле. Славно проявленная, она пахла солью и свободой.

– Пиво в тень! – приказал капитан. – Вначале войдём в неведомое сооружение. Всё по порядку.

Мы прикрыли свои кружки воблой и поставили в тенёк, а рачительный Пахомыч накрыл всё это дело лопушком.

На ближайшем неведомом сооружении висела вывеска:

ВОРОНЦОВСКИЕ БАНИ

– Что за оказия? – удивился Суер. – Воронцовские бани в Москве, как раз у Ново-Спаского монастыря.

– И здесь тоже, сэр! – вскричал Хренов.

– Здесь и Семёновские есть! – добавил Семёнов. – А в Москве Семёновские ликвидировали!

Тут из Воронцовских бань выскочил сизорожий господин и крикнул:

– Скорее! Скорее! Я только что кинул!

И мы ворвались в предбанник, а оттуда прямо в парилку.

Чудовищный жар охватил наши татуировки.

С лоцмана ринул такой поток пота, что я невольно вспомнил о течении Ксиво-пиво. Удивительно было, что наш слабовольный лоцман сумел произвести такое мощное явление природы.

– Что же это? – шептал он. – Неужто это остров неподдельного счастья?

Да, это было так. Счастье полное, чистое, никакой подделки. Жители острова парились и мылись с утра и до вечера. Мыло и веники берёзовые им выдавались бесплатно, а за пиво и воблу они должны были только радостно скакать.

Весь день мы парились и мылись, скакали за пиво и прятали его под лопушки, и доставали, доставали, поверьте, из лопушков, и обгладывали воблю головку, и прыгали в океан. Пахомыч до того напарился, что смыл почти все свои татуировки, кроме, конечно, надписи «Помни заветы матери». А надпись «Нет в жизни счастья» он смыл бесповоротно. Счастье было! Вот оно было! Прямо перед нами!

В тот день мы побывали в Тетеринских, Можайских, Богородских, Донских, Дангауэровских, Хлебниковских, Оружейных, Кадашевских банях и, конечно, в Сандунах. Оказалось, что на острове имеются все московские бани³.

– Откуда такое богатство? – удивлялся Суер.

– Эмигранты повывезли, – ответствовали островитяне.

К вечеру на берегу запылали костры, и, раскачиваясь в лад, островитяне запели песню, необходимую для их организма:

В нашей жизни и тёмной и странной
Всё ж имеется светлая грань.
Это с веником в день постоянный
Посещение общественных бань.

Что вода для простого народа?
Это просто простая вода.
Братства банного дух и свобода
Нас всегда привлекали сюда.

В Тетеринские,
Воронцовские,
Донские,
Ямские,
Машковские,
Измайловские,
Селезнёвские,
Центральные
И Сандуны.

А Семёновские ликвидировали,
А Мироновские модернизировали,
Краснопресненские передислоцировали,
Доброслободские закрыли на ремонт.

Было много тяжёлого, было,
Но и было всегда у меня:

---

³ Этот остров посвящается моему великому другу Владимиру Лемпорту.

Дуб, берёза, мочало и мыло,
Пиво, вобла, массаж, простыня.

Тело – голое! Сердце – открытое!
Грудь – горячая! Хочется жить!
В наших банях Россия немытая
Омовенье спешит совершить!

Они пели и плакали, вспоминая далёкую Россию.

– Мы-то отмылись, – всхлипывали некоторые, – а Россия...

Я и сам напелся и наплакался и задремал на плече капитана. Задрёмывая, я думал, что на этом острове можно бы остаться на всю жизнь.

– Бежим! – шепнул мне вдруг капитан. – Бежим, иначе нам не открыть больше ни одного острова. Мы здесь погибнем. Лучше ходить немытым, чем прокиснуть в глубоком наслаждении.

И мы растолкали наших спящих сопарильщиков, кое-как приодели их, затолкали в шлюпку и покинули остров неподдельного счастья, о чём впоследствии множество раз сожалели.

Глава XVII Мудрость капитана

Только уже ночью, подплывая к «Лавру», мы обнаружили, что, кроме мичмана, прихватили с собой случайно ещё одного Хренова. Ложного.

Это Пахомыч расстарался в темноте.

– Не понимаю, старпом, – досадовал Суер, – на кой хрен нам на «Лавре» два Хренова? Я и одним сыт по горло.

– Не знаю, кэп, – оправдывался Пахомыч. – Орут все: «Хренов, Хренов», – ну я и перепутал, прихватил лишнего.

– А лишнего Семёнова вы не прихватили?

– Надо пересчитаться, – растерянно отвечал старпом.

Стали считать Семёновых, которых, слава богу, оказалось один.

– А вдруг это не наш Семёнов? – тревожился капитан. – Потрясите его.

Мы потрясли подозреваемого. Он мычал и хватался за какие-то пассатижи.

– Наш, – успокоился капитан.

– Что же делать с лишним Хреновым, сэр? – спрашивал старпом. – Прикажете выбросить?

– Очень уж негуманно, – морщился Суер, – здесь полно акул. К тому же неизвестно, какой Хренов лучше: наш или ложный.

Оба Хренова сидели на банке, тесно прижавшись друг к другу.

Они посинели и дрожали, а наш посинел особенно.

Мне стало жалко Хреновых, и я сказал:

– Оставим обоих, кэп. Вон они какие синенькие.

– Ну нет, – ответил Суер, – «Лавр Георгиевич» этого не потерпит.

– Тогда возьмём того, что посинел сильнее.

Наш Хренов приободрился, а ложный напрягся и вдруг посинел сильнее нашего. Тут и наш Хренов стал синеть изо всех сил, но ложного не пересинел.

Это неожиданно понравилось капитану.

– Зачем нам такой синий Хренов? – рассуждал он. – Нам хватит и нашего, слабосинего.

– Капитан! – взмолился ложный Хренов. – Пожалейте меня! Возьмите на борт. Хотите, я покраснею?

– А позеленеть можете?

– Могу что угодно: краснеть, синеть, зеленеть, желтеть, белеть, сереть и чернеть.

– Ну тогда ты, парень, не пропадёшь, – сказал капитан и одним махом выкинул за борт неправильного Хренова.

И ложный Хренов действительно не пропал. Как только к нему приближались акулы, он то синел морской волной, то зеленел, будто островок водорослей, то краснел, как тряпочка, выброшенная за борт.

Глава XVIII

Старые матросы

В эту ночь мы не ложились в дрейф.

Хотели было лечь, но Суер не велел.

– Нечего вам, – говорил он, – попусту в дрейф ложиться. А то привыкли: как ночь, так в дрейф, как ночь, так в дрейф.

Ну, мы и не легли. Раздули паруса и пошли к ближайшему острову.

Старые матросы болтали, что это остров печального пилигрима.

– Никак не пойму, открыт этот остров или ещё не открыт, – досадовал Суер. – На карте его нет, а старые матросы знают. Но отчего этот пилигрим печалится?

– Вот это, сэр, совсем неудобно, – стеснялся Пахомыч. – Старые матросы болтают, будто бабу ждёт, подругу судьбы.

Старые матросы топтались на юте, били друг друга в грудь:

– Бабу бы...

– Вообще-то, у нас есть мадам Френкель, – сказал Суер-Вьер. – Чем не баба? Но она непредсказуема.

В этот момент мадам снова закуталась в своё одеяло. Да так порывисто, что у «Лавра Георгиевича» стены задрожали.

– Грогу бы... – забубнили старые матросы.

– Старпом, – сказал Суер, – прикажите старым матросам, чтоб прояснились. То им грогу, то им бабу.

– Извините, сэр, бабу – пилигриму, а им только грогу.

– Ну ладно, дайте им грогу.

Пахомыч пошёл за грогом, но наш стюард Мак-Кингсли вместо грогу выдал брагу.

– Грог, – говорит, – я сам выпил. Мне как стюарду положено, квинту в сутки.

– Пинту тебе в пятки! – ругался Пахомыч.

Дали старым матросам браги.

Обрадовались старые матросы. Плачут и смеются, как малые ребята.

– Старая гвардия, – орут, – Суера не подведёт!

А Суер-Вьер машет им с капитанского мостика фуражкой с крабом. Добрый он был и справедливый капитан.

Глава XIX

Остров печального пилигрима

Ботва – вот что мы увидели на острове печального пилигрима. Огуречная ботва. И хижина.

Из хижины, покрытой шифером, и вышел пилигрим.

Описывать его я особенно не собираюсь. Он был в коверкотовом пиджаке, плисовых шароварах, в яловых сапогах, в рубашке фирмы «Глобтроттер». Лицом же походил на господина Гагенбекова, если сбрить полбаки и вставить хотя бы стеклянный левый глаз. У пилигрима такой глаз был. Хорошего швейцарского стекла. С карею каёмкой.

Пилигрим поклонился капитану и произнёс спич:

Какой же это дирижабль
Привёз мою печаль?
О, мой неведомый корабль!
Причалъ ко мне, причалъ!

Наш капитан поклонился и приготовил экспромт:

Я видел, как растут дубы,
Играл на флейте фугу.
И я привёз тебе судьбы
Нетленную подругу.

– Не может быть, – сказал пилигрим, протирая карюю каёмку.

– Привёз, привёз, – подтвердил старпом. – Она пока в каюте заперта, чтоб не попортилась. А то нам говорили, что вы без подружки печалитесь.

– Я? – удивился пилигрим. – Печалюсь? Что за чушь? Но, конечно, не откажусь, если толк будет.

– Это нам не известно, – сказал Суер. – Привезти-то привезли, а насчёт толку ничего не знаем. Она в каюте заперта.

– Крепко, что ли?

– Не знаю, – смутился капитан, – я не пробовал. Но у меня тоже есть вопрос: почему вас пилигримом называют?

– Кого? Меня? Кто? Первый раз слышу.

– Послушайте, кэп, – кашлянул Пахомыч. – Кажись, ошибка. Это не пилигрим, а долбоёб какой-то. Поехали на «Лавра» – надоел, спасу нет.

– Ничего не пойму, – сказал Суер уже на борту. – Какой мы остров открыли? Печального пилигрима или какой другой?

– Я предлагаю назвать этот остров, – сказал Пахомыч и произнёс такое название, которое лежало на поверхности.

Я тут же предложил другое, но и оно, как оказалось, тоже лежало на поверхности.

Тут и матрос Вампиров предложил новое название, которое не то что лежало – оно стояло на поверхности!

Ну что тут было делать? Так и остался остров под названием «Остров печального пилигрима», хотя не было на нём ни пилигрима, ни печали, а только огуречная ботва.

Глава XX Сущность «Лавра»

Под вечер и по якорной цепи на «Лавра» вскарабкался всё-таки этот Псевдопилигрим. В руках он держал предмет, название которого многие из нас позабыли, потому что давно не бывали на осмысленных берегах.

– Что это? – спросил Пахомыч.

– Гвоздодёр, – ответил Псевдопилигрим и направился прямо к каюте мадам Френкель. Приладив свой инструмент ко гвоздю, он дёрнул и выругался: – Стодвадцатипятка!

Под натиском гвоздодёра гвозди гнило завывали. Они выползали, извиваясь, как ржавые червяки.

Многие матросы побросали вахты и забрались на мачты, чтоб лучше всё видеть.

– Гвозди, – говорил между тем Суер-Вьер. – Что такое гвозди? Это предметы, скрепляющие разные сущности. Сущность берёзы гвоздь способен скрепить со смыслом кипариса. Невыносимо! Отвратительно это: скреплять разные сущности таким ржавым железным и ударным образом.

– Послушайте, кэп, – вмешался Пахомыч, – пора подавать команду.

– Какую команду, друг мой?

– Как это какую? Пилигрима бить.

– Полноте, старпом. За что нам его бить? Лично я доволен тем, что он открыл для меня сущность гвоздей. А о мадам Френкель вы не беспокойтесь.

– При чём здесь мадам Френкель, капитан? Он своим гвоздодёром нам всего «Лавра Георгиевича» раскурочит.

– Эх, Пахомыч, Пахомыч, дорогой мой человек. Сущность «Лавра Георгиевича» держится отнюдь не на гвоздях. Поверь, совсем на другом она держится. Пусть вынут из него все гвозди, а «Лавр Георгиевич» станет ещё прочней. И всё так же будет летать по меридианам.

– Я прямо не понимаю, что это с вами сегодня, сэр! – сказал Пахомыч. – Мне плевать на сущность гвоздей, но если в «Лавре» были гвозди, я никому не позволю их выдирать. Наш «Лавр» будет плавать со своими гвоздями.

– Эх, Пахомыч, Пахомыч, – вздохнул Суер, – дорогой мой человек! Ну что с тобой поделаешь? Ладно, иди бей Псевдопилигрима, но прежде прикажи стюарду Мак-Кингсли принести мне в каюту ароматических микстур.

Псевдо же пилигрим к этому моменту выдрал все гвозди. Он стоял перед каютой на коленях, шептал и что-то плакал:

Я предан прожитым годам,
Когда мы были вместе.
Вернёмся искренне, мадам,
В сожжённые поместья.

Тут из каюты высунулась рука, обнажённая до плеч. Она выхватила гвоздодёр и швырнула в небо. Гвоздодёр взлетел ко грот-марса-рее, сшиб зазевавшегося альбатроса и зацепил матроса Вампирова. Матрос рухнул и вместе с гвоздодёром и альбатросом завис на такелаже. Рука же белая за манишку втащила Псевдопилигрима в каюту. И только мы подумали, что соискатель испытывает сейчас верха блаженства миг, как раздался клич:

– Пилигрим за бортом!

– Она вытиснула меня в иллюминатор, – пояснял Псевдопилигрим, дружески захлебываясь в пене океана.

И тут на него налетели чайки. Первая схватила его шляпу, нахлобучила себе на бигуди и улетела. Вторая чайка напялила коверкотовый пиджак, третья – плисовые шаровары, четвёртая – пуловер ангорских шерстей, а уж из-за дублёнки романовской дубки между парой чаек разгорелся настоящий бой.

Тут подлетел ретивый альбатрос, сшибленный прежде гвоздодёром, выхватил дублёнку и полетел примерять её в облака.

– Страсть наказуема, – пояснял стюарду наш капитан сэр Суер-Вьер, нюхая ароматические соли и микстуры.

В тишине раздался крепкий неверный стук.
Это Пахомыч заколачивал обратно вынутые преждевременно гвозди.

Глава XXI Остров тёплых щенков

Моей жене Наталье Дегтярь с любовью посвящаю

Линия холмов, отороченная серпилиями пальм, впадины лагун, обрамлённые грубоидальными ромбодендронами, перистые гармоники дюн, укороченные кабанчиками вокабул, – вот краткий перечень мировоззрения, которое открылось нам с «Лавра», когда мы подходили к острову тёплых щенков.

Конечно, мы знали, что когда-нибудь попадём сюда, мечтали об этом, но боялись верить, что это начинает свершаться.

Сэр Суер-Вьер, который прежде бывал здесь, рассказывал, что остров сплошь заселён щенками разных пород. И самое главное, что щенки эти никогда не вырастают, никогда не достигают слова «собака». Они остаются вечными, эти тёплые щенки.

– Уважаемый сэр, – расспрашивали матросы, – нам очень хочется посмотреть на тёплых щенков, но мы не знаем, что с ними делать.

– Как чего делать? – отвечал Суер. – Их надо трепать. Трепать – вот и вся задача.

– А щекотать их можно? – застенчиво спросил боцман Чугайло.

– Щекотание входит в трепание, – веско пояснил капитан.

Совершенно неожиданно трепать щенков вызвалось много желающих. Чуть не весь экипаж выстроился у трапа, требуя схода на берег.

С сомнением осмотрев эту очередь, которая внутри себя пихалась и отталкивалась, капитан сказал:

– Трепать щенков надо уметь. А то иной так понатреплет, что другим ничего не останется.

– Кэп, позвольте потрепать хоть с полчаса, – просил Чугайло.

– Трепать щенков будут старые, испытанные открыватели островов, – решил Суер. – Остальные останутся на «Лавре». А если кому хочется чего-нибудь потрепать, боцман даст пеньки, канатов, а также флаги сопредельных государств.

– Сэр! Сэр! – кричал вперёдсмотрящий Ящиков. – Возьмите меня, я хочу полежать рядом с кабанчиком вокабул.

– А мне хоть бы одну серпилию пальм понюхать, – говорил Вампиров.

– Отвали от тырапа! – ревел Пахомыч. – А то привезу с острова кусок грубоидального ромбодендрона и как дам по башке!

– А серпилии пальм нюхать нельзя, – объяснял Суер. – Человек, который нанюхался серпилии, становится некладоискательным. Если даже у него под ногами будет зарыт самый богатый клад – он его никогда не найдёт.

Это неожиданно многих отпугнуло.

Все как-то надеялись, что когда-нибудь мы напоремся на какой-нибудь заваливающий островок с кладом.

Под завистливый свист команды мы погрузились в шлюпку и пошли к острову.

Подплывая, мы глядели во все глаза, ожидая появления щенков, но их пока не было видно.

Причалив честь по чести, первым делом мы побежали к ближайшей серпилии пальм, разодрали её на куски и нанюхались до одурения.

Суер серпилию нюхать не стал.

Он разлёгся под грубоидальным ромбодендроном и смеялся как ребёнок, глядя, как мы кидаемся друг в друга остатками недонюханной серпилии.

– А клада нам не надо! – рифмовал Пахомыч. – Нам серпилия роднее! К ней бы только стаканчик вермута!

Ну, я налил Пахомычу стаканчик. Я знал, что вермут к серпилии очень расположен, и захватил пару мехов этого напитка.

Лоцман Кацман тоже запросил стаканчик, но тут капитан сказал:

– Уберите вермут. Слушайте!

В тишине послышался щемящий душу жалобный звук.

– Это скулят щенки, – пояснил Суер, – они приближаются.

Тут из-за ближайшего кабанчика вокабул выскочил первый щенок. Радостно поскуливая, взмахивая ушами, виляя хвостом, он уткнулся носом в грубые колени нашего капитана.

– Ах ты дурачок, – сказал Суер, – заждался ласк.

– Угу-угу, – поскуливал щенок, и капитан начал его трепать.

Поверьте, друзья, я никогда не видывал такого талантливого и весёлого трепания!

Суер щекотал его мизинцем под подбородком, гладил и похлопывал по бокам, хватал его за уши и навивал эти уши на собственные персты, чесал живот то свой, то щенячий, распушивал хвост и играл им, как пером павлина, бегал по его спине пальцами, делая вид, что это скачет табун маленьких жеребцов.

Со всех сторон из-за кабанчиков и ромбодендронов к нам повалили щенки.

Это были лайки и терьеры, доги и немецкие овчарки, пудели и ризеншнауцеры, дратхары и ирландские сеттеры.

И мы принялись их трепать.

Вы не поверите, но иногда у меня оказывалось под рукой сразу по семь – по восемь щенков. Я катался с ними по траве и трепал то одного, то другого.

Пахомыч, нанюхавшийся серпилии, частенько путал щенков с лоцманом Кацманом, трепал его и подымал за уши над землёй.

Кацман совершенно не спорил и блаженно скулил, путая себя со щенками. Правда, поднятый за уши, он больше походил на кролика.

Должен сказать, что я трепал щенков, строго следуя примеру капитана, и за минуту оттрепывал по две – по три пары.

– Главная задача, – пояснял Суер, – оттрепать всех щенков до единого.

И мы трепали и трепали, и я не уставал удивляться, какие же они были тёплые. Никогда в жизни не видывали мы эдакой теплоты и приятной влажности носа.

У Пахомыча в карманах обнаружилась ливерная колбаса. Он кормил ею дворняг, одаривал такс и бульдогов. Вокруг старпома образовалась целая свора жаждущих ливера щенков.

Лоцман Кацман, совершенно превратившийся в щенка, тоже выпрашивал кусочек. Пахомычу приходилось отпихивать лоцмана левым коленом.

До самого вечера трепали мы щенков, а на закате стали прощаться.

Суер плакал как ребёнок. Он снова и снова кидался на колени и перецеловывал всех щенков.

С большим трудом погрузились мы в шлюпку. Только лоцман катался ещё по траве, разделяя со щенками прощальный кусок ливерной колбасы.

Тут к нему подскочил какой-то кабанчик вокабул, боднул его в зад, и лоцман влетел в шлюпку.

А в шлюпке мы обнаружили какого-то совершенно неоттрёпанного щенка. Ему ничего в жизни не досталось.

– Возьмём его с собою, капитан, – умолял старпом. – Оттрепем на борту, накормим. И команде будет повеселей!

– Нельзя, – сказал капитан, – ему нельзя жить с людьми. Ну, оттрепем, накормим, а там он превратится в собаку и скоро умрёт. Нет.

– Извините, сэра, – не выдержал я, – неужели вы предполагаете, что на продолжительность жизни собаки влияет именно человек?

– Не сомневаюсь, – сказал капитан. – К тому же преданность, или, если хочешь, собачья преданность, или, если хочешь – любовь, сокращает век, хотя и украшает жизнь.

И мы оттрепали по очереди этого щенка, отпустили его, и он вплавь добрался до берега.

К сожалению, на «Лавра» мы так ничего и не привезли – ни серпилии пальм, ни грубоидального ромбодендрона. Правда, Суер прихватил с собой одну небольшую перистую гармоникку джон.

Мы подарили её боцману, и Чугайло играл иногда на ней тоскливыми вечерами.

Глава XXII

Встречный корабль

Сэр Суер требует, чтоб я записывал все подробности плавания.

– Пиши всё как было! – кричит он порой с капитанского мостика, на который никогда не всходит.

Я стараюсь, но описывать некоторые подробности просто стило опускается.

Ну зачем, скажите, описывать толстую бабу с хозяйственной сумкой, которая стояла посреди океана и махала нам, чтоб мы её подвезли?

На чём она стояла среди волн, я даже толком не разобрал: то ли на овощном ящике, то ли на бочке, то ли просто на подпяточном острове.

Вы, конечно, слышали, что на океане встречаются такие пяточные, или подпяточные, острова. Суши там ровно на пятку. Я даже знал одного капитана, который открыл такой остров и рядом с пяткой вонзил ещё флаг собственного государства. Потом, говорят, открыл аптеку, два питейных заведения, корт, пункт обмена валюты, рулетку и бассейн. Этот бассейн возмутил население острова, и они свергли всё, что было наверхнуто.

Встречаются, конечно, острова и побольше. Боцман Чугайло называет их «попиджопные». Ну, это уж дело боцмана называть их как угодно, а лично я описывать их не собираюсь.

Резко и решительно не желаю рассказывать о встреченных нами кораблях. Ну проплывала однажды мимо нас пиратская галера «Тарас Шевченко», ну и что?

Вообще-то, мимо нас плавать опасались. Стороной обходили.

Только однажды чёрный корвет подошёл вплотную. Мы думали, это «Бигль» или «Коршун». Увы!

Вот выписка из вахтенного журнала:

«В двадцать пять часов сто минут, сильно кренясь на правый борт, салютуя из револьверов, мимо фрегата „Лавр Георгиевич“ на полном ходу промчался корвет „Лаврентий Павлович“. Напуганный скрипом нашей ватерлинии, через полминуты он затонул».

Глава XXIII

Дырки в фанере

Остров посвящается Татьяне Бек

Недели, наверно, с две, а то и с три-четыре мы никак не могли открыть ни одного острова. Ну не получалось!

Острова-то, не означенные на картах, мелькали там и сям, но мы то обшивали палубу горбылём, то мочили яблоки, то попросту ленились.

Сэр Суер-Вьер, утомлённый открыванием всё новых и новых островов, говорил:

– Невозможно открыть все острова на свете, друзья. Лично я открывать новые острова отказываюсь. Пусть на свете хоть что-нибудь останется не открытым мною.

И наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» пролетал мимо островов, с которых порой высывались фиги и тянулись в сторону «Лавра». На других островах сияли туземные рожи, измазанные повидлой, а в пампасах пели хором какие-то младенцы без набедренных повязок. Всё это мелькало мимо наших бортов, пролетало, не задевая души.

Только на одном берегу задела душу стоящая на горе корова. Верхом на ней сидело штук двадцать человек, а с десяток других добровольцев сосали её необъятное вымя.

Я долго раздумывал о судьбе этой коровы, но скоро и корова позабылась, развеялась ветром океанов.

Наконец запасы питьевой воды у нас истощились, и капитану пришлось согласиться на открывание какого-нибудь острова.

И остров не замедлил появиться на горизонте.

– Не знаю, есть ли на нём вода, – говорил Суер, – но, возможно, найдётся хоть что-нибудь питьевое.

– А пресное не обязательно, – поддерживали мы нашего капитана.

На берег мы взяли с собою бочки и баклаги, баки, цистерны, вёдра, лейки, пустые бутылки и нескольких матросов, которые должны были всё это перетаскивать на борт.

Не помню точно, кто там был из матросов. Ну, Петров-Лодкин, Веслоухов, возможно, и матрос Зализняк. А вот кочегара с нами не было. Впрочем, был. Конечно, был с нами и наш кочегар. Ковпак.

Новооткрываемый остров весь был перерезан рвами, в которых и подозревалась вода.

Рвы эти и земляные валы что-то ненавязчиво напоминали, а что именно, мы не могли понять.

Рядом с капитаном стояли мы на берегу, стараясь справиться со своей памятью, как вдруг послышался какой-то треск, и из ближайшего рва показался человек.

Он был ромбической формы и стоял на одной ноге.

И нога эта была какая-то такая – общая нога. Вы меня понимаете?

– Человек, – сказал Суер и указал пальцем.

Выслушав капитана, ромбический человек на общей ноге повернулся боком и тут же исчез.

– Исчез, – сказал Суер, а человек снова появился, повернувшись к нам грудью.

Что за чертовщина! Ромбический туземец явно вертелся. То он поворачивался к нам боком, и тогда его не было видно, то грудью – и тогда он виден был.

– Батенька! – закричал Суер на языке Солнечной системы. – Кончайте вертеться и подойдите поближе!

– Не могу, сударь, – послышался ответ на языке Млечного Пути, – здесь как раз двадцать пять метров.

Высказав это, он опять завертелся.

Тут мы рассмотрели его поподробней.

Скорее всего, он был сделан из фанеры, вот почему и не был виден сбоку. Вернее, был виден как тоненькая чёрточка. Если это была фанера, то уж не толще десятки.

Кроме того, туземец был весь в дырках, которые распределялись по всему телу, но больше всего дырок было на сердце и во лбу.

– Ну что вы на меня уставились, господа? – закричал он на языке смежных галактик. – Стреляйте! Здесь как раз двадцать пять метров!

Мы никак не могли понять, что происходит, возможно из-за этих диалектов. Галактический сленг припудрил наши мозги. Наши, но не нашего капитана!

– Отойди на пятьдесят метров, – строго сказал он на русском языке.

Фанерный отбежал, дико подпрыгивая на своей общей ноге.

– Обнажаю ствол, – сказал капитан и вынул пистолет системы Максимова.

– Стреляйте! – крикнул Фанерный, и капитан выстрелил.

Пистолетный дым опалил черепушку какого-то матроса, возможно Веслоухова, а пуля, вращаясь вокруг своей оси, врезалась в фанеру.

– Bravo! – закричал простреленный, окончательно переходя на русский язык. – Bravo, капитан! Стреляйте ещё! Десятка!

Суер не заставил себя упрашивать и выпустил в фанеру всю обойму. Только один раз он попал в восьмёрку, потому что лоцман Кацман нарочно ущипнул его за пиджак.

– Какое наслаждение! – кричал Фанерный. – Счастье! Вы не можете себе представить, какое это блаженство, когда пуля пронзает твою грудь. А уж попадание в самое сердце – это вершина нашей жизни. Кого не простреливали – тому этого не понять. Прошу! Стреляйте ещё! В меня так давно никто не стрелял.

– Хватит, – сказал капитан. – Патроны надо беречь. А вот вы скажите мне, любезный, где тут у вас колодец?

– Колодец вон там, поправее. В нём кабан сидит! Эй, кабан! Вылезай, старая ты глупая мишень! Вылезай, здесь здорово стреляют! Кабаняро! Вываливай!

Недовольно и фанерно похрюкивая, из колодца поправее вылез здоровенный зелёный кабан, весь расчерченный белыми окружностями. Он повернулся к нам боком и вдруг помчался над траншеей, имитируя тараний бег.

– Стреляйте же! Стреляйте! – крикнул наш ромбический приятель. – Делайте опережение на три корпуса!

Капитан отвернулся и спрятал ствол в карман нагрудного жилета.

Лоцман Кацман вдруг засуетился, сорвал с плеча двустволку и грохнул сразу из обоих стволов! Дым дуплета сшиб пилотку с кочегара Ковпака, а сама дробь в кабана никак не попала. Она перешибла чёрточку в фамилии Петров-Лодкин.

Первая половинка фамилии – а именно Петров – подлетела в небо, а вторая половинка – Лодкин – ухватила Петрова за ногу, ругая лоцмана последними словами вроде «хрен голландский».

Кабан развернулся на 630 градусов, побежал обратно и спрятался в свой колодец.

– Хреновенько стреляют, – хрюкал он из колодца фанерным голосом.

– Да, братцы, – сказал наш ромбический друг на общей ноге, – огорчили вы кабана. Не попали. А ты бы, кабан, – закричал он в сторону колодца, – бегал бы помедленней! Носишься, будто тебя ошпарили!

– Эй, кабан, – крикнул Пахомыч, – у тебя там в колодце вода-то есть?

– Откуда? – ворчал кабан. – Какая вода? Придумали ещё! Дробью попасть не могут.

– Эх, лоцман, лоцман, – хмурился капитан, – к чему эти фанерные манеры? Зачем надо было стрелять?

– А я в кабана и не целился, – неожиданно заявил Кацман, – я в чёрточку целился. Попробуйте-ка, сэр, попадите в чёрточку фамилии Петров-Лодкин. Признаюсь, эта чёрточка давно меня раздражала.

– Благодарите судьбу, что вы попали не в мою чёрточку, – сказал Суер-Вьер.

Между тем петровлодкинская чёрточка болталась в воздухе на довольно-таки недостижимой высоте.

– Эй, ты, дефис! – орал матрос, лишённый чёрточки. – На место!

– Мне и тут хорошо, – нагло отвечал дефис, – а то зажали совсем. С одной стороны Лодкин давит, с другой – Петров. Полетаю лучше, как чайка.

– Хватит валять дурака, – решительно сказал Суер. – Эй, кабан, вылезай! Лоцман, одолжите ваш прибор.

Кабан выскочил и, недовольно хрюкая, побежал по прямой. Капитан пальнул, и кабан рухнул в траншею.

– Вот теперь неплохо, – хрюкнул он. – Перебили мне сонную артерию! Давненько такого не бывало! А если вам вода нужна – пожалуйста. У меня тут в траншее сколько угодно. С дождями натекло.

На звуки наших выстрелов из соседних рвов и щелей стали вылезать всё новые фанерные фигуры.

Были тут солдаты и офицеры, немцы и русские, душманы и башибузуки и чуть ли не весь животный мир: слоны, косули, лебеди, утки, медведи, зайцы, чёрт знает что!

Они маячили над своими рвами, явно приглашая нас пострелять.

– Некогда, братцы! – кричал Пахомыч. – Воду надо таскать!

Пока мы таскали воду, ромбический человек, простреленный Суером, как мог, успокаивал своих сотоварищей:

– Не волнуйтесь, ребята! Они ещё постреляют, когда воды наберут.

– Мы потом по всем по вам картечью с борта жажнем! – уверял и Пахомыч.

– Вы уж жажните, пожалуйста, – просил Фанерный, – не подводите меня.

Между тем вся эта фанерная пинакотейка тихо скулила и жалобно протягивала к нам свои простреленные десятки.

Перепрыгивая рвы и траншеи, мы с капитаном обошли этот трагический ряд мишеней.

Я чувствовал, что капитан очень жалеет их и готов пострелять, но тратить даром патроны было некапитанской глупостью.

Суер-Вьер гладил слонов, жал руки офицерам. Одного простреленного душмана он много раз прижимал к сердцу. Тот был до того жалок и так мало прострелен, что мы насчитали всего 143 дыры.

– Пальните в меня, братцы! – просил душман.

Капитан не выдержал и с двух шагов пальнул ему в сердце.

А когда мы вернулись на корабль, Суер-Вьер велел зарядить пушку картечью, и мы жахнули по острову.

Выстрел получился на редкость удачным: многие мишени, разбитые вдребезги, были выбиты из своих траншей.

От пушечного грома в небо взметнулась сотня тарелочек, ну тех самых допотопных тарелочек, по которым когда-то мы стреливали влёт бекасинником.

Стая тарелочек перепугала петровлодкинский дефис.

В ужасе ринулся он с поднебесья вниз и, расталкивая боками Петрова и Лодкина, встал на своё место.

Глава XXIV Остров Уникорн

– А остров Уникорн, друзья, – рассказывал Суер-Вьер, – открыт ещё в пятом веке до новой эры капитаном Ктессом. Но сейчас это открытие считается недействительным, потому что эра – новая.

– Новая? – удивился лоцман Кацман. – С чего это она такая уж новая?

Капитан неожиданно закашлялся. Он явно не знал, что сказать. Прищурившись, внутренним своим взглядом рассматривал он нашу новую эру, но ничего такого уж особо нового в ней, кажется, не находил.

– Ладно тебе, – толкнул лоцмана старпом, выручая капитана, – сказано тебе: новая – значит, новая, сиди и помалкивай.

– По большому счету, э... – продолжал Суер. – По большому счету, э... надо бы снова открыть этот остров.

– Ну давайте откроем, сэр, – сказал Пахомыч, – чего тянуть? Плевали мы на эру...

Остров Уникорн сам открылся нам издалека.

Подобный многоэтажному торту, лежал он среди океанских гладей, и, как марципаны, то там то сям торчали и блистали розовые везувии, а вместо сливочных роз пышно вздымались пальмы.

Никаких серпилий, к сожалению, видно не было. Вместо листьев с пальм свешивались запятые, а также буквы «икс» и «игрек».

– Запятых да игреков, пожалуй, не нанюхаешься, – задумчиво сказал Кацман.

– Иксы можно сварить и съесть, – пояснил Суер, – очень неплохое блюдо, напоминает телятину, а игреков можно и на зиму засушить. Старпом, готовьте вельбот!

– Почему не шлюпку, сэр?

– В чём дело? – удивился капитан. – В вельбот мы сможем погрузить значительно больше иксов и игреков, а запятые, кстати, годятся к бульону вместо лаврового листа.

Кроме вёсел, мы с собой в вельбот захватили ещё и грабли, чтоб удобней было сгребать запятые, когда они понападают с пальм.

Сойдя на берег, мы сразу принялись трясти пальмы.

Запятые посыпались охотно. Правда, одна запятая упала на голову лоцману, пробила шляпу и вырвала клочок волос, а другая умудрилась прорваться за шиворот старпому.

Она корябалась под тельняшкой и щипалась.

Пахомыч с проклятьем вырвал её, шмякнул об камень и растоптал. Иксы и игреки отрывались с трудом, их приходилось срубать корабельными топорами, но всё-таки мы набрали целую тачку этих латинских знаков.

Впрочем, совсем недолго мы так баловались и прохлаждались с иксами и запятыми. Ненавязчивый, но всё нарастающий гром и топот послышались вдали.

– Скорее в вельбот! – крикнул капитан. – К чёрту лишние запятые! Бросайте их! Бежим! Бежим! Это Уникорн!

Немыслимый глухой рёв послышался за скалами, и мы увидели вдруг острую пику. Она вылезала из-за скалы и нарастала, нарастала, постепенно утолщаясь.

– Чёрт подери! – кричал капитан. – Я не думал, что он ещё жив! Капитан Ктесс видел его в пятом веке до нашей эры! А сейчас эра-то новая!

– Навались! Навались! – командовал Суер. – Левая – загребай! Правая – табань! Подальше от берега, а то он достанет нас! Достанет!

Матросы наваливались изо всех сил, а пика, толстенная, как сосновое бревно, и острая, как сапожное шило, всё вываливала из-за скалы.

Наконец дьявольский вывал прекратился, и мы увидели, что это не пика, а огромный рог, приделанный ко лбу мускулистого существа с бёдрами оленя, хребтиной буйвола, холкой харрабанды, рёбрами зебры, жабрами жабры, умбрами кобры и шкундрами шоколандры. У него были густые вепри, ноздри и брежни.

– Это он! – кричал капитан. – Это Уникорн! О боже правый! Какой у него страшный корн! Какой рог! Какой церос!

Да, друзья, это был Уникорн, или так называемый Моноцерос, которого русские подполковники чаще всего называют Единорогом.

Разъярённый отсутствием многих запятых, он подскакал к берегу и стал тыкать своим рогом в наш хорошо осмолённый вельбот.

Слава Создателю, что мы успели уже далеко отвалить от берега, и страшный бивень поло-
совал нейтральные воды, подкидывая в воздух акул и осьминогов.

Глава XXV

Дротики и кортики

– Да, это единственный выход, – говорил сэр Суер-Вьер, расхаживая по палубе взад и
вперёд. – Единственный.

Мы никак не могли понять, что творится с нашим капитаном, и жарили свои запятые.
Их, оказывается, очень даже легко жарить.

Получается вкуснее, чем грибы.

Только масло нужно особое. Мы жарили на масле, которое накачали на острове масляных
пчёл. Тамошние пчёлы откладывают в соты первоклассное подсолнечное масло. Забавно, что
подсолнухи на острове не растут, и пчёлы собирают масло прямо с облаков. Правда, с особых
облаков, с тех, что называются «кумулясы».

А боцман Чугайло от этих жареных запятых вообще с ума посходил.

У него как-то в голове не укладывалось, что знаки препинания можно жарить. А когда
уложилось, он нанизал запятые, как шашлык, на шампур, натолок иксов и игреков.

– А это, – говорит, – у меня будет сухой соус.

Развёл мангал и стал прокалывать запятые. Вонь стояла ужасная, а боцман ел, обливаясь
потом. Кошмарный, скажу вам, тип был наш боцман Чугайло.

– Да! Это единственный выход! – окончательно и твёрдо произнёс Суер-Вьер, стукнул
кулаком по бочке с порохом и подошёл к каюте мадам Френкель.

– Мадам! – сдержанно сказал он в закрытое дверью пространство. – Поверьте, это един-
ственный выход!

– Не знаю ничего, не желаю, – послышалось за дверью.

– Мадам! Вы мне обещали! Дело в том, что мы находимся неподалёку от острова Уни-
корн.

– Неужели уже?

– Увы.

И капитан отошёл от каюты.

На следующее утро самые дюжие матросы выстроились у дверей каюты мадам Френкель.

Дверь приоткрылась, и на пороге явилась мадам, абсолютно закутанная в своё одеяло.
Мне показалось, что одеяло даже не одно, потому что виднелись ещё какие-то квадраты и
полосочки, но в точности я не ручаюсь. Возможно, и одно, но высочайшего класса закутки.

Самой же мадам видно никак не было. Только прядеклок рыжих волос торчал из конвер-
тика, венчающего это стёганое сооружение.

Взвалив мадам на плечи, матросы понесли её к вельботу и опустили на таях в это про-
сторное судно. За нею попрыгали и мы с капитаном.

Капитан приказал нам захватить с собою разное холодное оружие, и мы взяли в основном
дротики и кортики.

– Зачем нам всё это? – расспрашивал лоцман Кацман, неуверенно размахивая дротиком.

– Уникорна колоть, – сдержанно ответил Суер.

– Сэр! – удивлённо сказал лоцман, открывая рот наподобие буквы «Э». – Сэ-Э-эр! Зачем
нам его колоть?

– Чтоб добыть его рог, – пояснил капитан. – Рог Уникорна – это ценный товар. Мы после
продадим его на рынке возле пролива Маточкин Шар.

– Да! Да! – заорали мы с Пахомычем. – Продадим рог у пролива!

– Но зачем же нам мадам Френкель, господа?

– Это приманка, лоцман. Понимаете? Бешеного Уникорна можно успокоить только видом прекрасной и молодой женщины.

– Да так ли уж она молода и прекрасна? – спрашивал надоедливый лоцман.

Тут из одеяла высунулась рука, обнажённая до плеч, вlepила лоцману пощёчину и снова вкуталась в своё одеяло.

Добравшись до берега, мы возложили мадам Френкель на бледную скалу галапагосского порфира, напоминающую ложе Амфитриты.

– Здесь, мадам, и будете разворачиваться, – сказал капитан. – Всё должно быть по плану. Как только услышите топот копыт – сразу начинайте разворачиваться... В укрытие, друзья! Готовьте дротики и кортики!

Мы нырнули в укрытие, которое состояло из беспорядочно наваленных обломков иксов и игреков, и Пахомыч сразу начал точить свой дротик.

Точил он его обломком икса, визг и скрежет раздавались ужасные.

– Прекратить точить дротик! – приказал капитан.

В этот момент и послышался чудовищный топот.

Главы XXVI–XXVII

Рог Уникорна

– Разворачивайтесь! – крикнул Суер. – Мадам, раскутывайтесь скорей!

Мадам мешкала.

Развернуть одеяло после многомесячной закутки сразу никак не удавалось.

Топот всё нарастал, нарастал.

Из-за скалы показался острый витой и спиральный рог Уникорна.

Мадам, чертыхаясь, дёрнула одеяло взад-вперёд, но вылезти из него никак не могла.

– Надо было самим её раскутать! – шептал, дрожа, лоцман. – Эх, кэп, погибнем ни за грош из-за одеяла.

Яростный Уникорн выскочил из-за скалы и первым делом, конечно, заметил нас в укрытии. Эти чёртовы иксы и игреки ни черта нас не скрывали. То оттуда, то отсюда торчали наши уши и ботинки.

Дьявольский блеск вспыхнул в глазах единорогого чудовища. Топающим шагом он направился к нам, совершенно не замечая, что на скале бьётся в одеяле наша пресловутая мадам.

Тут из укрытия выскочил лоцман Кацман и, подпрыгивая, бросился к вельботу.

Уникорн взревел.

– Дрянь! – крикнул Кацман и метнул в чудовище свой дрожащий дротик.

Дротик в Моноцероса, конечно, не попал. Он подлетел к мадам Френкель и стал как-то необъяснимо копать в её одеяле.

От этих копаний одеяло внезапно развернулось, и мадам Френкель предстала перед островом обнажённая, как свеча.

Дротик отвалился.

Мы обмерли за своими иксами, а Уникорн, с проклятьями размахивая рогом, носился за лоцманом по песчаному берегу океана. Лоцман увёртывался, как сверчок.

Уникорн сопел. Он совершенно не замечал нашей мадам Френкель, которая заманчиво поворачивалась из стороны в сторону. Понимая, что её красота пропадает даром, мадам крикнула:

– У-ни-коорн!

Страстно прозвучало в её устах это суховатое слово и особенно гортанно и обещающе – «коорн».

Зверь туповато потряс башкой, проверяя, не ослышался ли, и тут увидел мадам.

Это зрелище совершенно потрясло его. Он мелко заблеял, засеменял ресницами, завертел флюгером хвоста.

Мадам неожиданно зевнула, потянулась и вообще отвернулась в сторону. Она показывала свою фигуру то отседова, то отседова, делала ручки над головой и хохотала, виляя бедром.

Уникорн буквально разинул пасть. Ничтожно сопя, направился он к мадам Френкель и, не доходя двух шагов, рухнул перед нею на колени.

– У-ни-коорн, – шептала мадам, – иди сюда, не бойся.

Подползая к мадам Френкель, бедняга Уникорн засунул рог свой меж её груди и успокоился.

Он блаженно блеял и нервно дрожал.

Мадам щекотала его за ухом.

– Всё! – сказал Суер. – Теперь он готов. Пошли его колоть!

И мы пошли колоть Уникорна, размахивая своими дротиками и кортиками. Несмотря на дрожь, которую мы производили, Единорог ничего не слышал, намертво поражённый красотой мадам Френкель.

– Чёрт возьми! – говорил многоопытный Пахомыч. – Я и не думал, что у нас на борту имеется такая красота!

И здесь, уважаемый читатель, не дойдя ещё до описания колки Уникорна, я должен описать красоту обнажённой мадам Френкель.

Ну, скажем, пятки. Розовые пятки, круглые и тугие, как апельсины, плавно переходящие в икры, тоже тугие, хотя и не такие розовые, но набитые икрой, как рыбы самки. И колени были розовые, как апельсины, и апельсиновость колен вызывала жажду и любовь к цитрусовым, которые прежде я не очень-то привечал.

Ну а дальше, по направлению к верху, возвышался так называемый чёрный треугольник, который отрицал возможность сравнения с апельсином, но не уничтожал возникшей внезапно любви к цитрусовым.

Этот убийственный треугольник нуждался бы в более тщательном сравнении и по форме, и по содержанию, но я, поражённый редчайшими углами, шептал про себя:

– Тубероза... тубероза...

Над этой зверобойной туберозой покоился живот, полный вариаций округлого, элегантно подчёркнутый выстрелом пупка. Он манил, звал, притягивал и, в конце концов, ждал.

То же, что находилось над животом, я бы даже как-то постеснялся назвать грудями.

Я бы назвал это взрывами смысла, ретортами безумия.

Они разбегались в стороны, как галактики, в то же время собирая в единое целое тебя как личность.

Между этими галактиками торчал, как в тумане, кривой рог Уникорна.

Капитан схватил Уникорна за рог и стал отрывать его от мадам Френкель. Бедняга Уникорн упирался изо всех сил, дорвавшись до красоты.

– Колите его дротиками, оралы! – кричал Суер.

В этой нервной обстановке капитан комкал слова, называя нас вместо орлов оралами. Но мы действительно менее были орлами и более – оралами.

Дротики наши не втыкались в монстра. Пахомыч ругал механика Семёнова, который перезатупил их, пользуясь дротиками вместо отвёрток и ковырялок в разных патрубках машинного отделения. Мы переломали все дротики и кортики, но оторвать однорогое чудовище от взрывов смысла, то есть от груди нашей достопочтенной мадам, никак не удавалось.

– Он заходит всё дальше, – тревожно шептала мадам. – Капитан, мы так не договаривались.

Уникорн и вправду, что называется, дорвался. И его, в сущности, можно было понять.

– Понять-то мы его понимаем, – задумчиво говорил капитан, – но и отрывать как-то придётся.

– Выход есть, – сказал Пахомыч, – но очень сложный. Надо привязать его на буксирный канат и рвануть как следует.

– Чем же рвануть, старпом? – спросил Кацман.

– Как это чем? «Лавром»!

Решение было принято, но разгорелись жаркие споры, за какое именно место надо вязать Уникорна буксирным канатом.

– За рог! За его дивный рог! – орал лоцман.

Но тут резко воспротивилась наша покладистая, в сущности, мадам.

– От ваших буксирных канатов воняет дёгтем, – говорила она. – Попрошу вязать от меня подальше.

Подальше от мадам Френкель оказались только копыта, а самозабвенный зверь так брыкался, что вязать его пришлось за талию.

Талия его была толщиной с коньячную бочку, но мы всё-таки обхватили её канатом, задевая, к сожалению, иногда и пачкая талию мадам Френкель. Дёргая своей испачканной талией, мадам переругивалась с Пахомычем.

Наконец мы обвязали Единорога морскими узлами, подняли все паруса, разогнали «Лавра» как следует и рванули изо всех сил.

Как ни странно, это помогло. Медленно-медленно птясь, Моноцерос отъехал от мадам Френкель.

И тут сэр Суер-Вьер подошёл к чудовищу и одним взмахом корабельного топора отрубил его дивный рог.

Мадам заплакала.

– Я предательница, – твердила она. – Я тля.

– Не волнуйтесь, мадам, не волнуйтесь, – успокаивал Суер-Вьер, закутывая её в одеяло, – рог этот останется с нами на борту. Он будет вечно с вами.

Пока «Лавр» держал Уникорна на привязи, мы кинули рог, тяжёлый, как многодубовое бревно, в свой вельбот, сами попрыгали вслед за рогом и быстро довелись до фрегата.

Как только мы перерубили буксирный канат, Уникорн принялся бессмысленно скакать по пляжу. От легкости у него кружилась голова, и он падал порой на колени.

Больно было видеть, горько наблюдать эту картину, и мы с Пахомычем невольно отвернулись.

– Ничего, ничего, – успокаивал нас капитан, – у него новый рог отрастёт. Таков закон произрастаний.

И действительно, не успели мы толком отчалить и сняться с буёв, у нашего обезроженного друга стал появляться новый рог.

Вначале маленький и невзрачный, он всё удлинялся, удлинялся, и самое неприятное заключалось в том, что направлялся он в сторону «Лавра».

– Чёрт возьми! – сказал Суер. – Он растёт со скоростью большей, чем наше движение.

А рог рос и рос и уже мчался на наш корабль с дьявольской стремительностью и силой.

– Он прошибёт нашу ватерлинию! – орал Пахомыч. – Поднять паруса! Румпель под ветер! Шевелитесь, бесенята!

– Отставить, – сказал Суер. – Придётся, видимо, бодаться с ним всеми нашими мачтами.

Устрашительный рог дорос тем временем до нашего фрегата и завис над палубой, спокойно оглядываясь.

Матрос Вампиров подвесил на него гирлянду сарделек, но рог недовольно стряхнул их. Он явно искал чего-то другого.

– Мадам Френкелью не насытился, – сказал Пахомыч.

Тут снова мы вывели нашу несчастную мадам, развернули её, и грандиозный новейший рог удовлетворённо хмыкнул, улётся между реторт безумия и успокоился.

Это была, поверьте, редкая картина, и мы очень удивлялись, как рог, произрастающий на носу прибрежного животного, пересекая океан, очутился на грудях с нашего фрегата.

– Это закон чувства, – задумчиво сказал Суер-Вьер. – Как порой любопытно наблюдать такие законы в действии... Но – понаблюдали и надо плыть дальше. Бодаться мачтами нам некогда, поступим просто: закутаем мадам.

Мы закутали мадам, и рог сразу потерял ориентиры.

Разочарованно помыкался он над палубой и, подцепив-таки гирлянду сарделек, всосался обратно на остров.

А тот первый, отрубленный рог мы отполировали, трубили в него по праздникам, призывая команду к бражке, а потом продали за бутылку джина какому-то грузчику из Одессы.

Глава XXVIII Остров Большого Вна

Это был единственный остров, на который сэр Суер-Вьер решил не сходить.

– Останусь на борту, – твердил он.

– В чём дело, кэп? – спрашивали мы с лоцманом. – Всё-таки это не полагается. Открывать остров без вас как-то неудобно.

– Ничего страшного. Откроете один остров без меня.

– Но нам важно знать причины, – настаивал лоцман. – В чём причины вашего несхода на берег?

– Причины личного порядка, – отвечал Суер. – Не могу. С этого острова пахнет.

Мы принялись, но никакого запаха не ощутили.

Остров был явно вулканического происхождения.

Посредине возвышался давно, кажется, потухший вулкан. Лава изверглась из него, застыла и окаменела. Она стекала к берегу плавными грядками.

– Возьмите с собою мичмана Хренова, – рекомендовал нам капитан. – Остров унылый и гнусный, может быть, хоть мичман что-нибудь отчебучит.

На берег мы высадились в таком порядке: Пахомыч, лоцман и мичман. Я замыкал шествие, крайне огорчённый отсутствием капитана. Кроме того, мне казалось, что действительно чем-то пахнет, и я уже ругал себя, что не остался с Суером на борту.

Первым делом мы решили взобраться на вулкан и посмотреть, действует ли он или уже бездействует.

– Кажется, бездействует, – рассуждал я, – но какой-то запах испускает, значит, немного действует. Чем же это пахнет?

– Да не пахнет ничем, – успокаивал Пахомыч. – А если и пахнет, так это вулканической пемзой, ну той, которой ноги моют. Весьма специфический запах.

– А по-моему, старпом, пахнет чем-то более тонким, – спорил с ним лоцман.

Мичман Хренов вроде бы и не чувствовал никаких запахов. Ничего пока не отчебучивая, он дышал полной грудью, довольный, что его списали на берег.

Так мы продвигались по направлению к вулкану, медленно поднимаясь на его отроги. Удивляло отсутствие чего-нибудь живого, хоть бы птичка какая или травинка, – лава, лава, лава.

Отчебучил неожиданно лоцман.

– У меня что-то с животом, – сказал вдруг он. – Бурчит что-то. Это, наверно, акулья кулебяка! Наш кок Хашкин, пожалуй, её недожарил. Не могу больше, братцы!

И лоцман вдруг скинул шаровары и стремительно присел.

Этот жест лоцмана послужил неминуемым сигналом. Мы все сразу вдруг почувствовали неправильность акулей кулебяки. Пахомыч крепился, а мы с мичманом, ругая кока Хашкина, решили немедленно испытать облегчение и присели.

Оправившись чин по чину, мы продолжили восхождение.

Вдруг не выдержал Пахомыч. И этот мощный дуб внезапно рухнул, то есть повторил наши поступки.

С ним за компанию присел и лоцман.

Мы с мичманом продержались минутки две и, ругая Хашкина, вторично испытали облегчение, за нами вскорости лоцман и снова Пахомыч.

Это было какое-то чудовищное действие акулей кулебяки.

Мы продолжали восхождение, но уже приседали через каждые пять шагов по очереди. В единицу времени из всех четверых, движущихся к вулкану, был по крайней мере один приседающий.

– Боже мой, – сказал вдруг лоцман, – я всё понял! Всё это вокруг нас вовсе не вулканическая лава.

– А что же это? – воскликнули мы, смутно догадываясь.

– Это вно!

– Не может быть, – сказал мичман. – Откуда вно? Ведь здесь же нету ни одного человека. Откуда взяться вно?

И тут в недрах острова послышались какие-то взрывы и толчки. Что-то заклекотало, забурчало, забулькало.

– Назад! Назад! – закричал старпом. – Скорее в шлюпку!

В его голосе прозвучал такой неподдельный ужас, что мы кинулись к берегу.

Остров затрясся. Оглушительный взрыв раздался на вершине вулкана, и из кратера вырвалось облако удушливого газа.

– Боже мой! Боже! – орал мичман, полуоглядываясь. – Обратите внимание на форму вулкана! Это же каменная задница!

Мы бежали к шлюпке, а вулкан действовал уже вовсю. Лава, если это было можно так назвать, пёрла из жерла потоками. Она нагоняла нас, нагоняла.

Первым увяз мичман, за ним лоцман.

Только мы с Пахомычем успели вспрыгнуть в шлюпку. Лоцман и мичман прочно увязли во вне.

– Внодышащий вулкан! Внодышащий вулкан! – орал лоцман, изобретая новый географический термин. – Сэр старпом, не покидайте нас, а то мы утопнем во вне! Старпом-сэр! Стар-пом-сэр! Стар-сэр-пом!

Мичман Хренов, к удивлению, молчал и отбрыкивался от вна меланхолично.

– Бывали мы и во вне, – бурчал он, – и не раз ещё будем, так что чем-чем, а уж вном нас не удивишь. Кстати, мне кажется, что это уже не совсем чистое вно, состав его как-то переменялся. Господин старпом, бросьте мне, пожалуйста, черпак.

Пахомыч бросил ему черпак, которым мы откачивали воду со дна шлюпки, мичман черпанул вна и стал его внимательно изучать в монокль. Только тут мы заметили, что так называемая внолава заблестала под пасмурным небом тяжело, жёлто и металлически.

– Это уже не вно, – сказал Хренов, – это золото. Киньте мне корзинку.

И действительно, золото, чёрт побери, золото пёрло из жерла, сдобренное, правда, невероятнейшим запахом.

– Это не золото, – сказал Пахомыч. – Это золотое вно.

Он кинул мичману корзинку, и мичман, зажимая нос, набрал полную корзинку золотого вна.

Потом, уже на борту, он вручил эту корзинку нашему капитану.

– Похоже на золото, сэ, – сказал он. – Большая редкость, думаю, что дорого стоит.
– Отчего же такая вонь?
– Думается, что это всё-таки не совсем золото, а скорей золотое вно, – сказал мичман, – но я знаю в Москве пару банков, в которых особое чутьё на золото. Они затыкают нос, сэ, поверьте, заткнут и на этот раз.
– Вно есть вно, – сказал Суер, – даже и золотое. – И он одним ударом капитанского сапога вышиб за борт корзину с золотым вном.
Корзина, конечно, не затонула и до сих пор болтается где-то в волнах Великого Океана.

Глава XXIX Кроки и Кошаса

Открывая наши острова, мы, конечно, заносили их на карту. Это ответственнейшее дело было поручено мичману Хренову. Обычно после открывания очередного острова в кают-компанию собиралась сверхсекретная группа, в которую, кроме меня и капитана, входили старпом и лоцман. Под рюмочку кошасы мы придумывали название очередному острову, а после вместе с широтами и долготами выдавали это всё мичману. Полагалась ему и рюмочка кошасы. Взяв кошасу под мышку, мичман, хмыкая, уходил куда-то к себе и заносил всё на карту. Карту эту он почему-то называл «кроки».

– Сейчас занесу на кроки, – говорил он обычно, помахивая кошасой.

И вот, что, бывало, ни скажешь мичману, дрова пилить или картошку чистить, он всегда отнекивался:

– Кроки, кроки, у меня кроки.

Когда он не появлялся в кают-компанию на наших вечерних приёмах корвалола, мы оправдывали его:

– Кроки! Хренов делает кроки!

Как же, собственно, он их делает, толком никто не проверял.

Однажды въедливый Кацман предложил всё-таки эти кроки осмотреть. Мы заманили мичмана кошасой и предложили предьявить кроки.

Боже мой, что же это были за кроки! Я таких крок никогда не видывал: грязные, облитые какао, прожжённые пеплом сигар.

Кроме того, все острова по виду у него напоминали овал. Огурчик побольше, огурчик поменьше, то банан, а то баклажан. Мы, конечно, бывали и на таких баклажановых островах, но встречались и треугольные груши, и квадратный картофель, я уж не говорю о более сложных формах вроде кружки пива.

Мы отругали мичмана и перерисовали все острова собственноручно. Установили окончательные официальные названия всех островов и определили их формы. Вот краткий перечень:

1. Остров Валерьян Борисычей – формы кривого карандаша.
2. Остров сухой груши – яйцеобразный с деревом посредине.
3. Остров неподдельного счастья – напоминает Италию без Сицилии, сапогом кверху.
4. Остров печального пилигрима – определённой формы не имеет, более всего склоняясь очертаниями к скульптуре «Рабочий и колхозница».
5. Остров тёплых щенков – по форме напоминает двух кабанчиков вокабул, соединённых между собой хвостами.
6. Остров заброшенных мишеней – в форме офицера.
7. Остров Уникорн – по форме напоминает ланиты Хариты.
8. Остров большого вна – золотое руно с вулканическим задом.

Пожурив мичмана, капитан выдал ему новые кроки с приложением небольшого количества кошасы. А мичман снова всё перепутал: кроки выпил, а на кошасе стал красками рисовать.

Глава XXX

Остров пониженной гениальности

Этого непознанного острова, этого причудливого изобретения природы вначале просто-напросто никто не заметил.

Дело в том, что он лежал ниже уровня океана.

И значительно! Метра на четыре с половиной!

Не знаю уж, каким чудом мы не напоролись на рифы и вообще не ввалились вместе со всем нашим «Лавром Георгиевичем» в бездну этого куска суши.

А волны морские, дотекая до острова, странным образом обходили его стороной, не говоря уж о приливах и отливах.

Мы притормозили «Лавра» на гребне какого-то полудевятого вала, отдали якоря... гм... боцману Чугайле, и он, поиграв с ними, бросил якоря в воду.

К сожалению, боцман промахнулся, и один якорёк, названием «верп», залепил прямо на остров.

Наш верп, прилетевший с неба, вызвал значительный переполох среди жителей. В нижнем белье они выскочили на улицу из своих домиков, в большинстве девятиэтажных с лоджиями, и принялись скакать вокруг якоря. Некоторые решительно хватали верп наш и пытались забросить его на «Лавра».

– Сбросить верп полегче, чем закинуть на борт, – заметил Пахомыч, крайне недовольный боцманом. – Господин Чугайло, вы мне ещё ответите за этот якорь.

– Господин старпом, обратно я заброшу его играючи.

По якорной цепи боцман ловко, как шимпанзе, спустился на остров и только хотел кинуть верп, как туземцы окружили его, схватили и стали, как говорится, бить боцмана в белые груди.

Боцман машинально отвечал им тем же: хватал туземцев и бил их в белые груди.

– Сэр! Сэр! – кричали мы капитану. – Они бьют друг друга в белые груди!

– В сущности, – отвечал Суер, – в сущности, некоторые из побиваемых грудей не так уж и белы. Но, конечно, надо выручать боцмана.

Вслед за капитаном и лоцманом и мы с Пахомычем поползли вниз по якорной цепи выручать верп и боцмана.

Как только мы ступили на сушу, туземцы кинулись на нас.

– Позвольте, – сказал Суер-Вьер, – неужели на вас сверху ничего не кидали? Чего вы так разъярились?

– Кидали! Кидали! – орали туземцы. – Вечно нас забрасывают всякою дрянью!

– Верп – вещь порядочная, очень изящный якорёк, – сказал Суер. – А кто тут у вас за старшего?

Вперёд выступил невысокий туземец с подушкой в руках.

– Позвольте представиться, – поклонился ему капитан. – Суер-Вьер.

Туземец протянул руку:

– Калий Оротат.

– Боже мой! – сказал Суер. – Неужели Калий? Калий Оротат? Гениальный поэт? Это так?

– Да здесь все поэты, – недовольно поморщился Калий Оротат. – Да вы что, разве не слыхали про нас? Это ведь остров пониженной гениальности. Нас сюда забросили катапультной. Из разных концов планеты. Но в большинстве пишут на русском. Даже вон тот парень, по национальности сервант, и тот пишет на русском. Эй, сервант, почитай что-нибудь достойным господам.

– Прямо не знаю, что и почитать, – сказал сервант. – У меня много философской лирики – циклы верлибров, лимерики, танки...

– Почитайте нам что-нибудь из философской лирики, – предложил лоцман Кацман, глотнув мадеры.

Сервант поклонился:

Остров есть на окяне,
А кругом – вода.
Пальмы стройными киями,
Тигры, овода.

Я хочу на остров дальний
Топоров послать,
Полям блеск пирамидальный
Дабы порубать.

Чтоб горели топорами
Яхонты селитр,
Открывая штопорами
Керосину литр.

Чтобы штопором топорить
Окаянный мир,
Чтобы штормом откупорить
Океанный жир!

– Ну это же совсем неплохо! – воскликнул Суер, похлопывая серванта по плечу. – Какая рифма: «тигры – овода»! А как топоры горели?! Мне даже очень понравилось.

– А мне – так про керосину литр, – встрял неожиданно Чугайло. – Только не пойму, почему керосину. Напишите лучше «самогону литр»!

– А мне так очень много философии послышалось в слове «селитра», – сказал лоцман. – И в штопоре такая глубокая, я бы даже сказал – спиральная, философия, ведь не только искусство, но и история человека развивается по спирали. Неплохо, очень неплохо.

– Может быть, и неплохо, – скептически прищурился Калий Оротат, – но разве гениально? Не очень гениально, не очень. А если и гениально, то как-то пониженно, вы чувствуете? В этом-то вся загвоздка. Все наши ребята пишут неплохо и даже порой гениально, но... но... как-то пониженно, вот что обидно.

– Перестаньте сокрушаться, Калий, – улыбнулся капитан. – Гениальность, даже и пониженная, всё-таки гениальность. Радоваться надо. Почитайте теперь вы, а мы оценим вашу гениальность.

– Извольте слушать, – поклонился поэт.

Ты не бойся, но знай:
В этой грустной судьбе
На корявых обкусанных лапах
Приближаются сзади и сбоку к тебе
Зависть, Злоба, Запах.

Напряжённое сердце держи и молчи,

Но готовься, посматривай в оба:
Зарождаются днём, дозревают в ночи
Зависть, Запах, Злоба.

Нержавеющий кольт между тем заряжай,
Но держи под подушкой покаместь.
Видишь Запах – по Злобе, не целясь, стреляй,
Попадёшь обязательно в Зависть.

Не убьёшь, но – стреляй!
Не удушишь – души!
Не горюй и под крышкою гроба.
Поползут по следам твоей грустной души
Зависть, Запах, Злоба.

– Бог мой! – сказал Суер, прижимая поэта к груди. – Калий! Это гениально!

– Вы думаете? – смутился Оротат.

– Чувствую! – воскликнул Суер. – Ведь всегда было «ЗЗЖ», а вы создали три «З». Потрясающе! «Зависть, Злоба, Жадность» – вот о чём писали великие гуманисты, а вы нашли самое ёмкое – «Запах»! Какие пласты мысли, образа, чувства!

– Да-да, – поддержал капитана лоцман Кацман. – Гениально!

– А не пониженно ли? – жалобно спрашивал поэт.

– Повышенно! – орал Чугайло. – Всё хреновина! Повышенно, Колька! Молоток! Не бзди горохом!

– Эх, – вздыхал поэт, – я понимаю, вы добрые люди, хотите меня поддержать, но я и сам чувствую... пониженно. Всё-таки пониженно. Обидно ужасно. Обидно. А ничего поделать не могу. Что ни напишу – вроде бы гениально, а после чувствую: пониженно, пониженно. Ужасные муки, капитан.

Между прочим, пока Калий читал и жаловался, я заметил, что из толпы туземных поэтов всё время то вычленились, то вчленивались обратно какие-то пятнистые собакоиды, напоминающие гиенопардов.

– Это они, – прошептал вдруг Калий Оротат, хватая за рукав нашего капитана, – это они, три ужасные «Зэ», они постоянно овеществляются, верней, оживотновляются, становятся собакоидами и гиенопардами. Постоянно терзают меня. Вот почему я всё время ношу подушку.

Тут первый собакоид – чёрный с красными и жёлтыми звёздами на боках – бросился к поэту, хотел схватить за горло, но Калий выхватил из-под подушки кольт и расстрелял монстра тремя выстрелами.

Другой псопард – жёлтый с чёрными и красными звёздами – подкрался к нашему капитану, но боцман схватил верп и одним ударом размозжил плоскую балду с зубами.

Красный гиенопёс – с чёрными и жёлтыми звёздами – подскакал к Пахомычу и, как шприц, впился в чугунную ляжку старпома.

Она оказалась настолько тверда, что морда-игла обломилась, а старпом схватил поганую шавку за хвост и швырнул её куда-то в полуподвалы.

– Беспокоюсь, сэр, – наклонился старпом к капитану, – как бы в этих местах наша собственная гениальность не понизилась. Не пора ли на «Лавра»?

– Прощайте, Калий! – сказал капитан, обнимая поэта. – И поверьте мне: гениальность, даже пониженная, всегда всё-таки лучше повышенной бездарности.

Боцман Чугайло схватил якорь, все мы уцепились за цепь, и боцман вместе с самим собою и с нами метнул верп обратно на «Лавра».

Сверху, с гребня полудеятого вала, мы бросили прощальный взор свой на остров пониженной гениальности.

Там, далеко внизу, по улицам и переулкам метался Калий Оротат, а за ним гнались вновь ожившие пятнистые собакоиды.

Часть вторая Грот

Глава XXXI Блуждающая подошва

Лёгкий бриз надувал паруса нашего фрегата.

Мы неслись на зюйд-зюйд-вест.

Так говорил наш капитан сэр Суер-Выер, а мы верили нашему сэру Суеру-Выеру.

– Фок-стаксели травить налево! – раздалось с капитанского мостика.

Вмиг оборвалось шестнадцать храпов, и тридцать три мозолистые подошвы выбили на палубе утреннюю зорю.

Только мадам Френкель не выбила зорю. Она плотнее закуталась в своё одеяло.

– Это становится навязчивым, – недовольно шепнул мне сэр Суер-Выер.

– Совершенно с вами согласен, кэп, – подтвердил я. – Невыносимо слушать этот шелест одеял.

– Шелест? – удивился капитан. – Я говорю про тридцать третью подошву. Никак не пойму: откуда она берётся?

– Позвольте догадаться, сэр, – сказал лоцман Кацман. – Это одноногий призрак. Мы подхватили его на отдалённых островах вместе с хей-морроем.

– Давно пора пересчитать подошвы, – проворчал старпом. – Похоже, у кого-то из матросов нога раздваивается.

– Эх, Пахомыч, Пахомыч, – засмеялся капитан, – раздваиваются только личности.

– Но извините, сэр, – заметил я, – бывают на свете такие – блуждающие подошвы. Возможно, это одна из них.

– Подошвы обычно блуждают парами, – встрял лоцман, – левая и правая, а эта вообще не поймёшь какая. Что-то среднее и прямое.

– Возможно, она совмещает в себе левизну и правоту одновременно, – сказал я, – так бывает в среде подошв.

– Не знаю, зачем нам на «Лавре» блуждающая подошва, – сказал Пахомыч. – К тому же она ничего не делает по хозяйству. Только зорю и выбивает. Найду, нащекочу как следует и за борт выброшу.

– Попрошу её не трогать, – сказал капитан. – Не так уж много на свете блуждающих подошв, которые охотно выбивают зорю. Если ей хочется – пускай выбивает.

По мудрому призыву капитана мы не трогали нашу блуждающую подошву и только слушали по утрам, как она выбивает зорю.

Чем она занималась в другое время суток, мне совершенно не известно, наверно, спала где-нибудь в клотике.

Боцман однажды наткнулся на спящую блуждающую подошву, схватил её и дал подошвой по уху зазевавшемуся матросу Веслоухову.

Но потом аккуратно положил её обратно в клотик.

Глава XXXII

Остров голых женщин

Никаких женщин мы не смогли различить поначалу даже в самую сильную телескопическую трубу. Да и то сказать: у трубы топталось столько матросов, что окуляры отпотевали.

Наконец на песчаный бережок вышли две дамы в резиновых сапогах, кашпо и телогрейках. Они имели золотые на носу пенсне.

Заприметив нашего «Лавра», дамы принялись раздеваться.

Мы крепились у телескопа, как вдруг боцман Чугайло содрал с головы фуражку, шмякнул ею об палубу и прямо с борта кинулся в океан.

Ввинчиваясь в воду, как мохнатый шуруп, он с рычанием поплыл к острову.

Мы быстро сплели из корабельного каната лассо, метнули и вытащили боцмана обратно на «Лавра».

Тут неожиданно напрягся матрос Вампиров. Сжал губы, побледнел и вывалился за борт.

Мы мигом метнули лассо, но в момент покрытия Вампиров предательски нырнул, и лассо вернулось на борт пустым, как ведро.

Тщательно прячась за волнами, Вампиров приближался к женщинам. Мы метали и метали лассо, но находчивый матрос всякий раз нырял, и наш адский аркан приносил лишь медуз и электрических скатов. Правда, на семьдесят четвёртом броске притащил он и тарелочку горячих щей с профитролями.

Выскочив на песок, Вампиров, простирая длани, бросился к голым женщинам. В этот момент наше зверское лассо ухватило всё-таки за ногу находчивого матроса, проволокло по песку и задним ходом втащило обратно на корабль.

И вдруг на берегу рядом с женщинами объявились два подозрительных типа. Ими оказались мичман Хренов и механик Семёнов.

Втайне от нас дружки спрыгнули в океан с другого борта и, не дыша, проплыли к острову под водой. Не говоря лишнего слова, они увлекли хохочущих женщин в заросли карбонария и челесты.

Мы как следует наострили лассо и метнули его в эти заросли, надеясь, что оно само найдёт себе пищу.

И оно нашло.

Притащило на борт два золотых пенсне.

Как два тонколапых краба, пенсне забегали по палубе, корябались и бренчали, пока матросы не засунули их в банку с водой.

Им насыпали в банку хлебных крошек, и пенсне успокоились. Они плавали в банке, поклёвывая крошки.

Из зарослей же карбонария слышался неумный хохот. Это сильно раздражало нас, и мы снова метнули лассо. На этот раз петля притащила что-то плотное.

Какой-то бочонок, оснащённый десятком пробок, обмотанных проволокой, как на бутылках шампанского, хлопал себя по животу крылышками, подпрыгивал на палубе, и внутри у него что-то булькало.

– Что за бочонок? – сказал старпом. – Что в нём? Не понимаю.

– Э, да что вы, Пахомыч, – улыбнулся капитан. – Совершенно очевидно – это неумный хохот. Вы слышите?

В зарослях всё стихло.

– Ихний неумный хохот? – удивлялся старпом. – В виде бочонка?

– Совершенно очевидно.

– Отчего же мы не хохочем?

– Это же чужой неуёмный хохот. К тому же и пробки закупорены. Не вздумайте их открывать, а то мы с ног до головы будем в хохоте. Он такой шипучий, что лучше с ним не связываться. Отпустите, отпустите его на волю, не мучьте.

И мы отпустили крылатый бочонок.

Он пролепетал что-то крыльями, подскочил и барражирующим полётом понёсся к острову. Долетев до кустов карбонария, он сам из себя вышиб все пробки, хлынула пена, и взрыв хохота потряс окрестность.

– Уберите к чёртовой матери наше лассо, – сказал капитан. – Старпом, спускайте шлюпку.

Глава XXXIII Блеск пощёчин

Прихватив с собою на остров богатые дары – перец, лакрицу, бефстроганов, – мы погрузились в шлюпку.

Надо сказать, что никто из нас не выказывал признаков сугубого волнения или беспокойства. Немало понаоткрывали мы островов, и остров каких-то там голых женщин нас не смущал и не напугивал. Лёгкое возбуждение, которое всегда испытываешь в ожидании неведомого, подхлестывало нас, как попутный ветерок.

– Как прикажете, сэр? – спрашивал Пахомыч капитана. – Отобрать голых женщин у мичмана с механиком?

– Да не стоит, – отвечал благодушный капитан. – Пусть отдыхают от тяжёлых матросских служб.

– Надо отнять! – возмущался лоцман.

– Успокойтесь, Кацман! Неужто вы думаете, что на этом острове всего две голые женщины? Поверьте, найдётся и для нас что-нибудь.

– Первую – мне, – неожиданно потребовал лоцман. – Это, в конце концов, я провёл «Лавра» к острову.

– Пожалуйста, пожалуйста, – согласился капитан, – не будем спорить. Берите первую.

– И возьму, – настаивал лоцман. – Я давно уже мечтаю о счастливом душестроении.

Так, дружески беседуя, мы обошли заросли карбонария, откуда слышались крики:

– Ну, Хренов! Ты не прав!

За карбонарием располагалась пёстрая лагуна.

Там по песку разбросаны были маленькие ручные зеркала. Они блестели на солнце и пускали в разные стороны пронзительных зайцев.

На краю лагуны лежала голая женщина.

– Вот она! – закричал лоцман. – Моя, сэр, моя! Мы так договаривались.

Лоцман подбежал к женщине и, недолго думая, схватил её за колено.

– Моя голая женщина, моя, – дрожал он, поглаживая колено.

Дремавшая до этого женщина приоткрыла очи.

– Это ещё кто такое? – спросила она, разглядывая лоцмана.

– Это я – лоцман Кацман.

– Попрошу без хамства, – сказала женщина. – Ты кто такой?

– Я же говорю: лоцман Кацман.

Тут женщина приподнялась, подкрасила губы и, вздрогнув грудью, закатила лоцману пощёчину.

– Я предупреждала, – сказала она. – Перестань сквернословить. Ты кто такой?

Лоцман внутренне сжался.

– Я тот, – прошептал он, —...

– Который?
– Ну тот... кто призван насладиться твоим роскошным телом.
Женщина кокетливо хихикнула.
– А я-то думала, – посмеивалась она, – а я-то думала...
– Что ты думала, радость моя?
– А я думала, что ты – лоцман Кацман.
– Наконец-то, – вздохнул лоцман. – Конечно, я и есть лоцман Кацман.
Женщина нахмурилась.
– Не сквернословь! – сказала она и снова закатила лоцману пощёчину.
– Как-то неловко наблюдать их наслаждение, кэп, – заметил я. – Кто знает, как далеко они зайдут.
– Оставим их, – согласился капитан, и мы двинулись по краю лагуны, направляясь к дюнам.
Шагов через двадцать мы обнаружили новую голую женщину. Она мыла бутылки в океанском прибое.
– Ну? – спросил капитан. – А эту кому?
– Только не мне, – заметил я. – Мы сюда наслаждаться приехали, а не посуду сдавать.
– Когда же это бутылки мешали наслаждениям? – резонно спросила дама, игриво полуобернувшись к нам.
Этот её внезапный полуоборот, океанская пена и блики портвейна на розовой коже внезапно пронзили меня, и я потянул уже руку, как вдруг старпом сказал:
– А мне эта баба так что вполне подходит. Милая, хозяйственная. Перемоем бутылки и сдавать понесём. А есть ли у вас, баба, хоть какие приёмные пункты?
– Полно, – отвечала голая женщина, обнимая старпома, – да только сейчас все за тарой поехали.
– А почём бутылки идут? – спрашивал Пахомыч, впиваясь в её уста.
– А по-разному, – отвечала она, обвивая плечи старшего помощника. – Четвертинки – по десять, водочные – по двадцать, а от шампанского не принимают, гады!
– Э-хэ, – вздохнул капитан, – как тяжело даются эти путешествия: забываешь порой не только обо всём святом, но и о простом будничном, человеческом. Ну ладно, следующая женщина – твоя.
– Я готов уступить, сэр, – отвечал я. – Это ведь не очередь за билетами в Нальчик.
– Нет-нет, – улыбался Суер, – капитан сходит на берег последним. Даже на берег страсти.
Так что следующая – твоя.
Я неожиданно разволновался.
Дело в том, что я опасался какого-нибудь монстра с шестью грудями или чего-нибудь в этом роде. А чего-нибудь в таком роде вполне могло появиться в этом благословенном краю.
Тревожно оглядывался я, осматривался по сторонам, готовый каждую секунду ретироваться в сторону карбонария.
– Да, брат мой, – говорил капитан, – следующая – твоя. Но что-то не видно этой следующей. Постой, а что это шевелится там на скале?
На скале, к которой мы неумолимо приближались, сидели три женщины, голые, как какие-то гагары.

Глава XXXIV

Задача, решённая сэром

– О господи! – вздохнул капитан, вытирая внезапный пот. – Проклятье! Следующая твоя, но какая из них следующая? С какого края считать?

– Не знаю, капитан, – тревожно шептал я, пожирая женщин глазами, – справа, наверно.
– Это почему же справа? Обычно считают слева.
– В разных странах по-разному, сэр, – терялся я, прерывисто дыша.
– Чтоб не спорить попусту, возьмём из середины, – сказал Суер-Вьер. – Средняя твоя.
– Простите, капитан, – сказал я, – я не возражаю против средней, но в нашем споре есть и другое звено, которое мы недооценили.

– Что ещё за звено? – раздражился внезапно Суер.
– Дело в том, – тянул я, – дело в том, что мы не только не знаем, какая следующая, то есть моя, но не знаем и какая ваша. К тому же имеется и одна лишняя.

– Лишних женщин, мой друг, не бывает, – сказал Суер-Вьер. – Как и мужчин. Лишними бывают только люди. Впрочем, ты, как всегда, прав. Куда девать третью? Не Чугайле же её везти?! Давай-ка глотнём джину.

Мы сели на песочек, глотнули джину и продолжили диалог. В голове моей от джина нечто прояснилось, и я держал между делом такую речь:

– Капитан! Вы сказали, что следующая – моя, а ваше слово в наших условиях, конечно, закон. Но вспомним: что такое женщина? Это, конечно, явление природы. Итак, у нас было первое явление – оно досталось лоцману, второе – старпому, и тут возникло третье, состоящее сразу из трёх женщин. Так нельзя ли ваши слова истолковать так: следующее – твоё. Тогда вопрос абсолютно решён. Все три – мои.

– Не слишком ли жирно? – строго спросил капитан. – Не зарывайся. Ты, конечно, на особом положении, на «Лавре» тебя уважают, но твоя – одна. Таковы условия игры... Это уж мне... как капитану полагается две.

– Ну что же, сэр. Вы капитан, вам и решать. Попрошу отделить мою долю от группы её сотоварищей.

– Сейчас отделим, – сказал капитан, встал и, заложив руки за спину, принялся дотошно изучать женщин.

– М-да... – говорил он как бы про себя, – м-да-с, задачка-с... Но с другой стороны, с другой-то стороны, я всегда был справедлив, поровну делил с экипажем все тяготы и невзгоды, поэтому, как благородный человек, я не могу позволить себе лишнего. Итак, одна – твоя, другая – моя, а третья – лишняя.

– Вряд ли, дорогой сэр, вряд ли кто из них захочет быть лишней. В конце концов, мы этим можем обидеть вполне достойную особу. Это не украсит нас с вами, сэр, нет, не украсит. Пойди-ка скажи прямо в лицо человеку: ты – лишний. Это же оскорбление!

– Тьфу! – плюнул капитан. – Какого чёрта мы не взяли боцмана? Ладно, пусть будет потвоему. Явление так явление: следующее – твоё! Забирай всех троих, а я пошёл дальше.

– Вот это гениально, сэр! – обрадовался я. – Я всегда говорил, что вы – гений. Девочки! Спускайтесь ко мне, у меня тут найдётся для вас кое-что вроде шерри-брэнди!

– Стоп! – сказал Суер.

– В чём дело, кэп?

– Ты неправильно оценил мой поступок. Ты назвал его гениальным. Нет – это добрый, это благородный поступок, но – не гениальный.

– В данной ситуации это вполне уместное преувеличение, сэр, – потупился я.

– А как бы хотелось найти гениальное решение! Да, теперь я понимаю Калия Оротата. Всё вроде бы хорошо, но – не гениально. Прощай, друг, насладись как следует на свежем воздухе. Я пошёл дальше.

– Постойте, сэр. Эти женщины – мои, но следующие – ваши. Я беспокоюсь, что ждёт вас впереди, ведь там на какой-нибудь берёзе могут сидеть сразу пять или десять голых женщин. Это может печально кончиться.

– Как-нибудь разберусь.

Сэр Суер-Вьер застегнул китель, стряхнул с рукавов пылинки и, откозыряв дамам по-капитански, направился прочь.

Он прошёл пять шагов и вдруг круто развернулся.

– Идти мне дальше незачем, – с неожиданной строгостью во взоре сказал он. – За эти пять шагов я решил задачу: одна женщина – твоя, а две – мои.

– Это малогениально, сэр. Вы сами были за справедливость.

– Все справедливо. Итак, послушай: одну женщину – тебе, другую – Суеру, а третью – Вьеру.

Глава XXXV

Бездна наслаждений

Благородные дамы всё это время внимательно слушали нас, хотя и не проронили ни слова. Их веское молчание подчёркивало природное благородство.

Когда же капитан закончил, крайняя справа, недаром отмеченная мной, повела плечом.

– Уважаемые господа! – проговорила она. – Мы с удовольствием выслушали ваши учёные доводы и насладились философским спором. Позвольте и нам принять участие в поучительной беседе.

– Просим, просим, – расшаркались мы с капитаном.

– Прежде всего позвольте представиться. Меня зовут Фора, а это мои подруги – Фара и Фура. Итак, ваша первая задачка: какая женщина следующая? Так вот, следующая – я. Почему я? Очень просто: считать надо не слева и не справа, а с той стороны, с какой вы подошли. Вы подошли с моей стороны, следовательно, я и принадлежу этому достойному джентльмену, чья очередь. – И Фора состроила мне глазки. – К сожалению, он не капитан, и это омрачает дело. Но с другой стороны, я хочу иметь цельного мужчину, и этот факт дело упрощает.

– Какая ерунда, – фыркнула Фара, сидящая посередине, – считать надо не с края, с которого они подошли, а с первого взора. Так вот, этот джентльмен – не капитан первым обратил свой взор именно ко мне. Я прекрасно заметила, с каким наслаждением глаза его бродили по моему прекрасному телу. Именно я, Фара, а не Фора, принадлежу ему.

Выслушивая Фару, я невольно яростно краснел, никак не ожидая, что из-за меня разгорится сыр-бор. Нет, этот сыр-бор был мне бесконечно душевно близок, но капитан... я видел, что он мрачнеет и...

– Что за чушь? – сказала Фора. – И как ты докажешь, что он бросил свой взор именно на тебя? Если хочешь знать, дура, у него взор всеобщий, во всяком случае очень обширный. Он охватывает всех женщин и страстно скользит по ним. И я всю кожу чувствовала это скольжение.

– Интересно, а меня-то здесь будут слушать? – раздражённо сказала Фура. – Кто считает с краю? Кто считает с первого взгляда? Только идиотки. Считать надо не с краю и не со взгляда, считать надо с первого поцелуя. Вот когда этот господин вопьётся кому-нибудь из нас в сахарные уста, тут и начнётся настоящий счёт.

– Это верно! – неожиданно воскликнула Фора.

Она легко соскочила со скалы, подбежала ко мне и сказала:

– Впивайся скорей!

И я, конечно, незамедлительно впился.

– Так и знала, что Фора обскачет нас на повороте, – сказала Фара с печалью, – видно, я ей сильно понравился. – Ладно, придётся покориться судьбе. Ну что ж, я готова служить Суеру, тем более что это первая половина капитана. Суер, я твоя!

– Ну а я не собираюсь служить второй половине сомнительной фамилии, – сказала Фура. – Нет, Вьер, я не твоя! Если б мне досталась первая половина, то есть Суер, я бы ещё

подумала, а уж Выер – нет, увольте, я лучше пойду собирать опёнки. Пусть Суер наслаждается с Фарой, а Выер болтается без дела!

– Как же так! – воскликнула Фора. – Как это мы можем позволить Выеру болтаться без дела? Какой-никакой, а всё-таки Выер. Чего в нём такого уж плохого? Ну, Выер, ну и что? Не так уж мы богаты, чтоб разбрасываться Выерами налево и направо.

– А мне Суера достаточно, – сказала Фара, – а до Выера и дела нет. Кому нужен – пускай берёт.

– Спать с Выером! Какой кошмар! – сказала Фура, возводя очи к небу. – Отдавать свою чистоту второй половинке капитана! Нет, нет! Увольте!

– Перестань паясничать, Фура, – сказала Фора. – Вчера ещё ныла: мне бы хоть какого Выера... Твоя мечта сбылась! Забирай Выера и не мешай нашим наслаждениям!

Тут Фора обняла меня и трепетно увлекла в дюны.

Фара кинулась к Суеру, а Фура топталась на месте, не зная, с какого бока к Выеру приступить.

Но тут Выер, не будь дурак, сам приступил к ней, да так ловко, что она взвизгнула.

А нам с Форой было уже не до них.

Адские наслаждения – вот что стало предметом нашего неусыпного внимания и заботы.

Мы падали в бездну наслаждений и старались эту бездну углубить, расширить и благоустроить.

В конце концов нам удалось создать очень и очень приличную бездну наслаждений, и только к закату мы начали из неё потихоньку выбираться.

Выбравшись из бездны, мы вернулись на берег океана.

Там уже сидели Фара с Суером и Выер с Фурой.

Фура с Выером, к счастью, вполне примирились, непрерывно чмокались и строили друг другу куры.

– А Выер был не так уж плох, – смеялась Фура, раскладывая на салфетке салаты и копчёности. – Ещё и неизвестно, какая половина капитана интереснее!

– Знаешь, милый, – сказала Фора, обнимая меня, – это очень правильно, что вы не пошли дальше и остались с нами. Там, за скалами, живёт голая женщина с шестью грудями. Её звать Гортензия. Очень опасное существо.

Глава XXXVI Гортензия

Утомлённые салатом и копчёностями, подруги наши скоро задремали, и мы с капитаном отползли от салфетки в сторонку и, прячась за кустами челесты, постепенно ретировались.

– Послушайте, кэп, – сказал я, – там, за скалами, живёт женщина с шестью грудями. Таким первопроходцам, как мы с вами, даже неловко пройти мимо этого феномена. Надо бы вернуться, посмотреть, в чём там дело.

– А ног-то у неё сколько? – спросил Суер.

– Вроде бы две.

– Ну ладно, давай поглядим на неё хоть с полчасика.

Обогнув скалы, которые в основном состояли из обломков моржового глаза, мы вышли на берег лимонного лимана.

В лучах заката к нам спиной сидела на берегу голая женщина.

– Добрый вечер, мэм! – покашлял у неё за спиной Суер.

– Добрый вечер, сэр, – ответила женщина, не оборачиваясь.

– Ну что? – шепнул Суер. – Что ты скажешь?

– Пока ничего не могу сказать. Не пойму, сколько у неё грудей. Не зайти ли сбоку?

- Неудобно, – шептал капитан, – сама повернётся.
- А вообще-то, приятный вечер, мэм, – галантно продолжал сэр Суер-Выер. – Не хотите ли развлечься? Выпить шерри или сыграть партию в серсо?
- Мне недосуг, – ответила женщина.
- Ну хоть повернитесь к нам, – предложил капитан.
- А это зачем? Вы что, хотите посчитать, сколько у меня грудей?
- О, что вы, мэм, мы люди благовоспитанные...
- А если не хотите считать, что же мне поворачиваться?
- Суер растерялся.
- Чёрт возьми, – шепнул он, – сидит как монумент. По количеству спины, там действительно должно быть полно грудей. Шесть уместится точно.
- Я всё вытягивал шею, чтоб посчитать, но ничего не получалось.
- Ничего не вижу, сэр, – шептал я. – Не то что шести, и двух-то не видать.
- Женщина смотрела в океан. Полированного тёплого мрамора были её плавные плечи, крутые локти и плотная спина.
- Тяжёлые волосы, ниспадающие на квадраты лопаток, не дрогнули под порывами ветерка. Ствол позвоночника был прям, как пальма.
- Хорошо сидит, – шепнул Суер. – Мощно!.. Но страшно подумать, что будет дальше?! А вдруг обернётся, и придётся считать груди!.. Кошмар!
- Ничего страшного, сэр, – потихоньку успокаивал я капитана. – Шесть – это не так уж много.
- Госпожа Гортензия! – сказал Суер. – Мы много слышали о вас и по глупости захотели посмотреть. Простите, мы не хотели вас обидеть.
- Гортензия медленно повернула голову вправо, и стал виден её медный профиль.
- Я привыкла, – внятно сказала она.
- Извините, мэм. К чему вы привыкли, не понимаю?
- Сижу здесь с шестью грудями, а всякие идиоты за спиной ходят.
- И она снова отвернулась к пространству океана.
- Мы с капитаном совершенно поникли.
- Выбравшись из бездны наслаждений, мы пока соображали туго и не могли осознать сразу той силы и вечности, которая сидела к нам спиной. Мы-то думали, что шесть грудей – это так просто: тяп-ляп! – можно выпить шерри, хохотать и тунеядствовать, а тут – литая бронза, скала, гранит, монумент, гора, вселенная.
- Я бы повернулась к вам, – сказала вдруг Гортензия, – но мне не хочется менять позу. Вы понимаете? Некоторые люди, имеющие позу, охотно её меняют, а с потерей позы теряют и лицо.
- Госпожа, – сказал Суер, – поза есть поза. Но важна суть дела. Позвольте один вопрос. Вот вы имеете шесть грудей, но на всё это богатство имеется хоть один младенец?
- Гортензия повернула голову влево, и тут профиль оказался платиновым.
- Сэээр, – сказала она, – а вы можете представить себе младенца, вскормленного шестью грудями?
- Нет, – чистосердечно признался капитан.
- А между тем такой младенец имеется.
- О боже! Вскормленный шестью грудями! Какой ужас! Невиданный богатырь! Как его имя?
- Ю.
- Ю?
- Ю.
- Всего одна буква! Ю! Какого же он пола?

– Уважаемый сэр, – внимательно сказала госпожа, – подумайте-ка, какого рода буква «Ю»?

– Женского, – немедленно ответил Суер.

– А мне кажется, мужского, – встрял наконец я.

– Почему же это? – раздражённо спросил Суер. – Всем ясно, что все гласные – женского рода, а согласные – мужского.

– Извините, сэр, конечно, вы – капитан, вам виднее, но я придерживаюсь совсем другого мнения. Я не стану сейчас толковать о согласных, это, в сущности, должно быть многотомное исследование, но насчёт гласных позвольте высказаться немедленно. Так вот я считаю, что каждая гласная имеет свой род:

А – женского рода,

О – среднего,

Е – женского,

Ё – среднего,

И – женского,

Й – мужского,

Ы – среднего, сильно склоняющегося к мужскому,

У – женского с намёком на средний,

Э – среднего,

Ю – мужского и

Я – женского.

– Все это высказано убедительно, – сказал Суер-Вьер, – но и как-то странно. Похоже или на белиберду, или на научное открытие, правда подсознательное. Но насчёт буквы, или, верней, звука «Ю», я совершенно не согласен. «Ю» – как нежно, как женственно звучит.

– Нежно, возможно, – завёлся вдруг я, – но ведь и мужественное может звучать нежно, чёрт подери! А что вы все привыкли – «Бэ» да «Вэ», «Гэ» да «Дэ». «Ю» – это сказано. Даже рисунок, даже написание буквы «Ю» выглядит чрезвычайно мужественно. Там ведь есть палка и кружочек, причём они соединены чёрточкой.

– Ну и что?

– Да как же так, сэр? Палка и кружочек, вы вдумайтесь! Палка и кружочек, да ещё они соединены чёрточкой! Это же целый мир, сэр! Это вселенная, это намёк на продолжение рода и вечность всего сущего!

Гортензия неожиданно засмеялась.

– Вы недалеки от истины, – сказала она, – но всё равно истина вам никогда не откроется. Вы ещё много откроете островов, ведь, в сущности, каждый шаг – открытие острова, а толку не будет. Возможно, вы и доплывёте до Острова Истины, возможно... А теперь приготовьтесь! Мне пришла блажь изменить позу!..

– Постойте, мэм, не беспокойтесь, – сказал вдруг торопливо сэр Суер-Вьер. – Не надо, не надо, мы и так верим, а видеть не обязательно...

– Да, да, госпожа, – поддержал я капитана, – умоляю вас... расскажите лучше, как найти младенца по имени Ю, а позу оставьте...

– Есть такой остров цветущих младенцев, запомните... а позу придётся менять, придётся. Приготовьтесь же...

Медленно-медленно шевельнулось её плечо, локоть пошёл в сторону, явилась одна грудь, другая, третья... и мы с капитаном, ослеплённые, пали на песок.

Впоследствии сэр Суер-Вьер уверял, что наблюдал семь грудей, я же, досчитав до пяти, потерял сознание.

Глава XXXVII

Ихнее лицо

Втянув головы в плечи, как плетью болтая руками, по берегу океана бродили мичман Хренов и механик Семёнов. В стороне валялась кучка полосок от тельняшки, которая и оказалась лоцманом Кацманом.

Старпом Пахомыч что-то бодро обрасопливал в сторонке.

– Ну как, друзья?! – спросил Суер. – Насладились ли вы?

– Так точно, сэр! – хрипло прокричали Хренов и Семёнов. – Отлично насладились! Спасибо за заботу, сэр!

– Будете ещё острова-то открывать?

Вернувшись на «Лавра», долгое время мы всё-таки не могли прийти в себя, потрясённые островом голых женщин. Высаживаться на острова, на которых таких женщин не обреталось, как-то не тянуло.

Наконец мы заметили в бинокляр некоторый безымянный островок. Там росли стройные сосны и над ними клубился отличный сосновый воздух.

– Сосновый воздух – полезная вещь, – сказал Суер-Вьер. – Не высадиться ли?

И мы решили прогуляться просто так, ради воздуха, под соснами, по песочку, в зарослях вереска.

Спустили шлюпку, открыли остров и начали прогуливаться, нюхая воздух.

– Под соснами всегда хороший воздух, – говорил Суер.

– Много фитонцидов, – вlepил вдруг Пахомыч.

– Чего?

– А что?

– Чего много?

– Гм... извините, сэр. Много воздушных витаминов, не так ли?

– Отличный воздух, – поддержал я старпома, – приятно нюхается.

– Настоящий нюхательный воздух, – поддержал нас всех и лоцман Кацман.

Так мы гуляли, так болтали, и вдруг я почувствовал что-то неладное.

Воздух был отличный, все мы дружны и согласны, и всё-таки происходило нечто, что крайне трудно объяснить. Я-то это заметил, а спутники мои, к удивлению, ничего не замечали. Они по-прежнему восхваляли воздух.

– Тонкопарфюмированный! – восклицал лоцман.

– Не щиплет глаза! – восторгался старпом.

– Нет, вы знаете, – захлебывался от восторга лоцман, – вы знаете, что это за воздух, этот воздух – озапачехонный!

– Чего-чего? Какой?

– А что? О-за-па-че-хонный! – сказал вдруг старпом, поясняя лоцмана.

Капитан почему-то молчал, а я снова остро почувствовал... нет, невозможно объяснить... впрочем, ладно. Я почувствовал, что сливаюсь с капитаном в одно лицо.

Повторяю: в одно лицо.

Это было совершенно неожиданно.

Я даже затормозил, ухватился руками за сосну, но лицо Суера влекло меня неудержимо, и я совершенно против воли стал с ним сливаться, совершенно забывая идиотское слово «озапачехонный».

К изумлению, лицо капитана совершенно не возражало. Оно сливалось с моим просто и естественно, как сливаются струи Арагвы и Куры.

Всё же я чувствовал себя Арагвой и тормозил, тормозил и даже оглянулся.

Боже мой! Лоцман и Пахомыч уже слились в одно лицо!

Это была не Кура и не Арагва! Деликатность лоцмана и махаонство старпома, слившись, превратились в моховое болото, из которого торчали их торфяные уши и носы! Отмечу, что, слившись в одно лицо, они костыляли каждый на своих двоих!

Я хотел поподробней осмотреть их, как вдруг капитан гаркнул мне в ухо:

– Ну ты что? Будешь сливаться в одно лицо или нет?

– Кэп, – бормотал я. – Капитансэр! Я чувствую, что сливаюсь с вами в одно лицо. И я не против, поверьте, но я это испытываю впервые в жизни и не знаю, как себя вести.

– Что мы с тобой? Ерунда! – припечатал Суер. – Целые нации сливаются порой в одно лицо и даже разные народы, потом-то попробуй-ка разлей. А ты меня неплохо знаешь, надеюсь, доверяешь и запросто можешь сливаться.

– Кэп, – оправдывался я, хватаясь за сосну, – нации – хрен с ними, давайте хоть мы удержимся!

– Невозможно, – сказал капитан, – отпусти сосну. Будем иметь одно лицо на двоих – не так уж страшно.

В голове моей помутилось, я потерял на миг сознание... и слился с капитаном в одно лицо.

– Скажи спасибо, что не с боцманом Чугайло, – сказала бывшему мне наше общее теперь лицо.

Слившиеся в одно лицо Пахомыч и лоцман смотрели на нас с превеликим изумлением. Тут наше лицо достало зеркало, не помню уж, из моего или капитанского кармана, и стало себя разглядывать.

Ничего, вообще-то, вполне терпимо, я ожидал худшего. Правда, при всей моей любви к капитану меня неожиданно покоробили его усы в сочетании с моими прекрасными глазами, но так, в целом, неплохо... И ещё появилось странное ощущение, что мы хоть и слились в одно лицо, но всё-таки в нём присутствовал и какой-то бывший я.

– Перестань вертеться и нервничать, – сказала наше лицо бывшему мне. – Слился так слился, и нечего валять дурака. Бывшее твоё лицо уже никого не интересует. Гуляй!

Некоторое время наше лицо с капитаном и ихнее лицо Кацмана и старпома бесцельно бродили под соснами.

Потом ихнее лицо разложило для чего-то костёр из сосновых шишек.

Это нашему лицу не понравилось, и оно стало затаптывать костёр четырьмя ногами.

Ихнее лицо разлилось и ударило в наше четырьмя кулаками.

Наше в ответ дало им в глаз.

Так мы топтались в дыму и пепле шишечного костра.

– Это всё бывало не раз, – сказала наконец наше лицо ихнему. – Слившиеся в одно лицо любят наносить взаимные удары. Но в нашем лице есть признаки капитана. Поэтому слушай нашу команду: немедленно в шлюпку!

Старпомолоцман, или, так сказать, Пахомнейший Кацман, то есть ихнее лицо, неожиданно подчинилось и направилось к шлюпке. За ним двинулось и наше лицо.

В шлюпке мы сумбурно хватались за какие-то вёсла, что-то гребли. Неожиданно нашему лицу пришла в голову важная мысль.

– Слившееся надо разлить, – сказала наше лицо, а ихнее заулыбалось и достало из-под банки спиртовую бутылку. «Пианино».

Лица разлили по одной. Выпили.

Потом наше выпило, а ихнее пропустило.

Тогда наше тяпнуло, а ихнее как-то дико чокнулось стаканами.

И тут явление произошло! Неожиданное!

Все мы, бывшие четверо, внезапно стали неудержимо сливаться в одно общее лицо на четверых.

Как оно выглядело со стороны, я не видел, но соображал, что получается нечто мутное и большое. В общем, четверное. Эдакая кварта с ушами во все стороны.

И тут бывший я, который ещё теплился в тайниках общего лица, понял, что плавание кончилось и мы никогда не доберёмся до «Лавра Георгиевича», течение отнесёт нас от фрегата, от острова и от самих себя.

В кварте нашей рыхлой и обширной что-то захрипело, закашляло, как сквозь вату пробилился голос бывшего сэра Суера-Выера:

– Приказываю закусить! Немедленно закусить!

– Мне сала, сала, – запищал где-то в молочной мгле бывший лоцман Кацман.

– Огурчика малосоленного, – жалобно провыл норд-вест старпома.

Солёная волна ахнула в четверное наше лицо, и разница во вкусе к закуске сделала своё дело. С одной стороны послышался хруст огурца, зашмякало сало, бывший я предпочёл крабные палочки под майонезом, а Суер – сухофрукты.

Закусывающие лица потихонечку расплзлись в стороны, как медузы, зазевали и, чихнув, обрели прежние границы.

Протерев глаза, я понял, что мы не так уж далеко отплыли в открытый океан. Совсем рядом с нами покачивался на волнах остров слияния в одно лицо и твёрдо, как скала, стоял в океане «Лавр».

Когда мы подплыли к «Лавру», все признаки наших слияний прошли без следа, и матросы ничего не заметили. Они только болтали, что у капитана флюс, а это были следы моего нордического подбородка.

Странное последствие мучило меня несколько лет. Мне все снилось, что я – Арагва.

Глава XXXVIII

Возвращение на остров голых женщин

Боцман Чугайло очень обиделся, что его не взяли на остров голых женщин.

– Гады! – орал он в камбузе. – Высадили меня на остров сухой груши, а к голым женщинам сами поплыли!

Так он распинался, так бодал рогом мачту, что Суер не выдержал.

– Так и знал, – мрачно сказал он, – что от этого острова нам не отвязаться. Разворачивайся, Пахомыч.

«Лавр Георгиевич» сменил галс и двинулся по океану вспять.

Эти манёвры боцмана обеспокоили.

– Куда это вы плывёте? – орал он, прыгая с бака на полубак.

– Везём вас, боцман, на остров голых женщин.

– Да что я, бык, что ли? – ревел боцман. – На заклятие, что ль, меня?

Короче, когда мы подплыли к острову, боцман Чугайло категорически отказался от схода на берег.

– Один не пойду! – твердил он. – Отпустите со мной сотоварища, ну хуть бы матроса Вампирова.

Голые женщины между тем прыгали по берегам и дружно скандировали:

– Чугайлу нам! Чугайлу! Даёшь боцмана!

– А Вампирова не хотите? – орал с борта Чугайло.

– Тащи и Вампирова, хрен с ним! – кричали в ответ женщины.

Обсуждаемый Вампиров метался по палубе, посылая дамам воздушные поцелуи.

К сожалению, долетев до берега, поцелуи в дам не попадали и большею частью зарывались в песок. Правда, две какие-то особенно шустрые дамы быстренько раскопали один поцелуй и заглотили, разорвав пополам.

Вся эта возня с поцелуями Суеру не понравилась.

– Вампирова связать и бросить в трюм, – приказал капитан. – Я очень не люблю, когда на песчаных пляжах валяются всякие пробки, бутылки, обрывки бумажек и поцелуев. Пошлём с боцманом лоцмана как более опытного.

Вампирова охотно связали, а боцмана и лоцмана бросили в ялик. Лоцман, как более опытный, прихватил с собою патефон.

– Голые женщины любят повеселиться! – уверял он.

Как только боцман с лоцманом выскочили на берег, голые женщины стали прыгать вокруг них и танцевать известный танец «Корни Гонолулу».

Они сладостно извивались и текли, как струи, обволакивая боцмана и лоцмана. Наши дураки растерянно уселись на песок и стали крутить патефон.

– Потанцуйте с нами! – кричали голые женщины.

Лоцман, как более опытный, крепился, а Чугайло стал притоптывать дубовым сапогом. Это было ошибкой. Боцманский сапог до того насмешил голых женщин, что они хором кинулись его снимать.

Боцман ржал и пытался хватать женщин, но они увёртывались и сыпали ему за шиворот песок.

– Иди ко мне, косуля! – орал Чугайло.

– Ко мне, ко мне, – пищал и Кацман, накручивая патефон.

– Чёрт бы их побрал! – ругался Суер, глядя в подозрную трубу. – Эти дураки совершенно не умеют обращаться с голыми женщинами.

Отвернувшись, сэр Суер спустился в кают-компанию, я же остался на палубе, наблюдая с интересом за происходящим.

– Что это за странные звуки доносятся с острова? – крикнул из кают-компании капитан.

– Извините, сэр! Это рычит Чугайло.

– Неужели дорвался?

– Пытается, сэр.

Боцман, надо сказать, демонстрировал редкое рвение, и вдруг совершенно неожиданно он, как бы это сказать... оттопырился.

Девушки растерялись, а боцман оттопыривался всё сильнее и сильнее.

– Что там происходит? – спрашивал из кают-компании сэр Суер-Вьер.

– Да ничего особенного, капитан... Чугайло... немного оттопырился.

– Вот всё-таки скотина, – неожиданно сказал капитан. – И сильно?

– Да, примерно на семьдесят гектопаскалей.

– А что с лоцманом? – спрашивал капитан.

Вот это был неприятный, скажу вам, вопрос.

С лоцманом происходило неладное. Потрясённый поведением боцмана, Кацман ошпелерился. Докладывать об этом капитану не хотелось. Ну скажите на милость, что может почувствовать капитан, которому докладывают, что боцман оттопырился, а лоцман ошпелерился?

Голые между тем женщины подхватили наших героев и, размахивая ими, как флагами, вскачь увлекли в прерии.

Вечером они всё-таки вернули нам нечто, что капитан впоследствии назвал одним метким капитанским словом: «блоцман».

Глава XXXIX

Остров посланных на ...

Необычной, какой-то некеанической красоты, высоты, изящной длины открылся нам вдруг остров, стоящий посреди океана.

Казалось, он вулканического происхождения, потом казалось – нет. И всё же что-то вулканическое угадывалось в его мощных очертаниях.

Когда мы подплыли поближе, то с удивлением обнаружили, что остров весь уставлен людьми. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и, казалось, втиснуться между ними не было никакой возможности.

Подведя «Лавра» поближе, старпом крикнул в мегафон:

– Кто вы?

Островитяне обрадовались нашему неожиданному любопытству и дружно прокричали:

– Мы – посланные на...

– Ничего не понимаю, – сказал Суер, – давайте подойдём к острову с зюйда.

«Лавра» привели к другому берегу, и старпом снова проревел в трубу:

– Кто вы?

– Мы – посланные на..., – дружно ответствовали островитяне.

– Приходится констатировать, – пожал плечами Суер, – что это действительно люди, посланные на...

– А за что вас послали? – крикнул старпом.

– А по разным причинам, – дружелюбно поясняли островитяне, – а больше без причин.

– Ну и что вы теперь делаете?

– А ничего особенного. Стоим на этом каменном. ю посреди океана. Иногда хлебопашествуем. Бортничаем. Выращиваем сахарную свёклу.

– Но позвольте, – развивал беседу сэра Суер-Выер, – признаться, меня самого не раз посылали на... Но что-то я не вижу среди вас, так сказать, себя. Я тут, на корабле, а вы – на острове.

– О, что вы, капитан, – ответствовали посланцы, – где-то между нами, конечно, имеется не только вы, но и вся ваша команда.

– Эй, ребята, – крикнул кто-то из посланцев, – нет ли среди нас Суера-Выера или кого-нибудь из команды этого фрегата?

К нашему изумлению, островитяне слегка пораздвинулись и к берегу протиснулись семь или восемь Суеров-Выеров в капитанских фуражках.

За Суерами продирались лоцманы Кацманы, а за ними пятнадцать штук меня.

Наши двойники замахали нам пилотками, восклицая:

– Да-да, это мы... А мы – это вы, посланные на... Вас посылают, а мы тут отдуваемся, сахарную свёклу выращиваем.

За Суером, за лоцманом, за мною стала продираться к берегу, пожалуй что, вся наша команда.

– Наши приехали, наши, – радостно гомонили они. – Хоть поглядеть на братьев.

Были тут, конечно, и многочисленные Хреновы, и многократные Семёновы, но особенно много оказалось боцманов Чугайло. Он измерялся сотнями.

Это неожиданно понравилось капитану.

– Позовите боцмана, – приказал он.

Чугайло явился на палубу в каких-то полупортах, в одной подтяжке, крайне раздражённый тем, что его разбудили.

– В чём дело, кэп? – ревел он. – Чья вахта? Поспать не дадут! В чём дело?

– А дело в том, господин Чугайло, что я хотел бы послать вас на...

И тут Суер недолго думая взял да и послал. И что же вы думаете?

Среди островитян немедленно объявился новенький боцман в полупортах и подтяжке.

А старый Чугайло, хоть и посланный, остался стоять на борту. Тут все наперебой стали посылать боцмана на... и на острове становилось всё больше и больше боцманов.

Чугайло терпел-терпел, да вдруг взял да и всех нас послал на..., и мы тут же очутились на берегу, хотя и оставались на борту.

Тут на нас разобиделись островитяне.

– И так места нет, – бубнили они, – а вы друг друга всё посылаете и посылаете. А ведь вы не одни на свете. Вся планета, а в особенности Московская область, то и дело посылает кого-нибудь на... Если уж вы так хотите, то пошлите нам кого-нибудь из чиновных сановников или руководителей банкионерных обществ.

Ну, мы не стали чиниться и дружно послали пару сановников и с десятков руководителей другого ранга.

Островитяне охотно потеснились, и наши посланцы дружно выстроились в их рядах.

Надо сказать, что они тут же стали демократичны, жали другим посланным руки и всячески братались.

– С посланными нам всё ясно, – сказал капитан, – но интересуется ещё и судьба посланных. Неужели для них особый остров?

– Что вы, что вы, капитан. Пославшие тоже тут, среди нас. Ведь любой посланный тут же посланного посылает. Так что у нас большое равенство. Настоящая демократия, сэр!

– Ах, – сказал Суер, – надо отплывать, но всё-таки напоследок я очень хочу послать на... такого-то товарища, вроде господина... Разрешите, братцы!

Мы дружно разрешили, и капитан послал.

Я крепился-крепился, а потом последовал примеру нашего великого капитана: взял да и послал одного там на... Послал, но тут же пожалел, такой уж у меня характер. Но отозвать посланного обратно, как вы сами понимаете, было уже невозможно.

Глава XL

Остров Лёши Мезинова

– ...и прочая суета, – сказал Суер, погружая уголь своего тела в топку вместительного кресла.

Тулумбасы гудели...

Они гудели всю ночь, и под утро Суер выкинул шлак своего тела из сытого чрева топки вместительного кресла и сказал:

– Не чувствую морального права. Не чувствую!

– Да ладно, бросьте, кэп, – заныл Кацман. – Мало ли островов, на которых мы не побывали? Плюнем и на этот.

– Проплыть мимо острова Лёши Мезинова – это кошунство, – шептал капитан. – Старпом! Сушите шлюпки!

– Всё высушено, сэр, – безмолвно отвечивал Пахомыч. – Не надо ли чего обрасопить?

– Не надо, – отвечал капитан, – Лёша сам обрасопит кого захочет.

Остров Лёши Мезинова формой своей напоминал двуспальную кровать с пододеяльником. Но это сбоку, а сверху – станцию Кучино.

На берегу топтались два человека, которые и били в тулумбасы. Один из них, кроме тулумбасов, держал на груди атлетическую штангу. Это и был сам Лёша Мезинов. Рядом с ним в майорском мундире махал тулумбасом его брат Бес.

На остров мы поплыли вдвоём с капитаном.

– Я Лёшу боюсь, – сказал лоцман.

– Весьма они строгие, – соглашался старпом.

Но Лёша не был никаким строгим. Он бросил штангу в океан, крепко обнял нас с капитаном и только шепнул мне на ухо:

– Бесу много не наливай.

И я много не налил, но Бес скоро пал на песок и заснул богатырским майорским сном в отставке.

Суер же Вьер между тем с Лёшею смотрели друг на друга, узнавая и не узнавая.

– Суер! Ты ли? – толкал его Лёша в грудь кулаком.

– Да, Меша, это я, – шептал капитан, вспоминая старую кличку островитянина.

– А помнишь каннибала по имени Ганнибал?

– Как забыть, Меша, – отвечал капитан, – он мне ведь яйца чуть не отгрыз, и если б я не растворился тогда в лазури...

– А ты здорово растворился в лазури, – говорил Лёша. – Это редко кто умеет – в лазури растворяться.

– Но и вы мне здорово помогли раствориться, – смеялся Суер. – Жалко, что тебя нету в нашем новом плаванье.

– Да ничего, вы с Дяем доплывёте до конца, – говорил Лёша, вспоминая мою старейшую кличку. – Конечно, я не знал, что вы попадёте на остров голых женщин, а то бы поплыл вместе с вами.

– Ради тебя мы снова готовы вернуться! – уверял Суер. – Правда, Дяй?

– Сэр, – отвечал я, – конечно вернемся. Возможно, Лёша растолкует нам смысл младенца по имени Ю.

– Этот смысл вам откроется, – успокаивал Лёша, – а ради меня на остров голых женщин возвращаться не стоит, я всё-таки не боцман Чугайло. Давайте лучше сядем на берегу и вспомним былое.

И мы сели и стали вспоминать.

Мы вспоминали о том нашем первом плаванье, в которое мы когда-то пустились втроём: Лёша, Суер и я. С нами были тогда ещё эфиоп Яшка, главный махалоопахальщик, Дик Зелёная Кофта и Билл Рванный Жиллет. На фрегате «Корабль» мы открыли остров каннибалов да и один завалищенький островок с кладом. Вспомнился и текст записки, запечатанной во флаконе Мумма:

Каменище найдите,
Сто раз поверните,
Под камнем сим черпай
Асьгнации, Чепай.

Надо отметить, что автор записки имел в виду не героя гражданской войны В. И. Чапаева, а английского кладоискателя Тчепая.

– А помните Аллевопээгу? – спросил Лёша.

– Песнь джунглей свела меня тогда с ума, – невольно вздрогнул капитан.

– Я и сейчас дрожу, – признался Лёша. – Давайте же подождем вместе и споём эту заунывную песнь. Ностальгически.

И мы запели песнь в честь Аллевопээги – вечного странника.

ООуэ, балява!
Звери выходят из нор.

Вечному страннику слава,

Вечносидящим позор.

ООуэ, рассоха!
Росомаха приносит жуть.
До последней миазмы вздоха
Руку отдам ножу.

ООуэ, синега!
Встаёт над горами страх!
Век тебе, о Аллевопээга!
Бегать на тощих ногах.

ООуэ, как мудры!
Дети законов тьмы.
Люди приходят утром.
Ночью приходим мы.

Так мы пели и дрожали, как вдруг с океана донёлся пронзительный клич.

– Что это? – вздрогнул Суер.

– Не знаю, – шептал я.

Вихляющее каноэ приближалось к острову. Одинокая фигура правила парус.

– Неужели? – сказал Лёша. – Неужели она с вами?

Да, это была мадам Френкель.

– Идиоты, – обругала она нас с капитаном, – поплыли к Лёше, а меня не взяли. Пришлось раскутываться самой.

– Мадам! – кричал и плакал Лёша Мезинов. – Как вы странны!

– А помнишь, как мы плавали вместе? – всхлипывала мадам. – Я за всё плаванье ни разу не раскуталась, а вот эти волки, – кивнула она на нас с капитаном, – совсем обо мне забыли. Кутаюсь так, что мачты дрожат, а эти ноль внимания.

– Мадам! – приглашал Лёша. – Закутайтесь в одеяло и ложитесь вот здесь рядышком на песок.

– Нечего ей здесь особо кутаться, – строго сказал Суер. – Ты уж, Лёша, прости, но мы должны продолжить плаванье. Ты сам решил остаться на этом острове, и мы завели новый фрегат. В шлюпку! А то мы здесь растаем от ностальгии.

Что поделаться? Пришлось нам с мадам прыгать в шлюпку, обнимая на прощанье старого друга.

– Одного не понимаю, – говорил мне капитан, – почему всё-таки в том первом плаваньи тебя называли Дяй.

– Извините, сэр, это усечённое.

– Что – усечённое?

– Слово, сэр.

– Что ещё за слово, которое усекается таким странным образом? «Лентяй»?

– Извините, сэр, тогда бы было – Тяй.

– Да ну, – сказала мадам Френкель, – скорей всего, что-нибудь гадкое, ну вроде «негодяй».

– Дяй – гордое имя, – пришлось пояснить мне. – С нами тогда плавал некий кок Евгений Немченко. Он-то и усек искомое слово. Дяй – великое усекновение прекрасного русского слова «разгильдяй»⁴.

Глава XLI Вампир

– Ты знаешь, чего мне кажется? – сказал как-то Суер-Вьер. – Мне кажется, что у нас на борту завёлся энергетический вампир.

– Помилуй бог, что вы говорите, сэр?!

– Чувствую, что кто-то сосёт энергию. Сосёт и сосёт. Ты не догадываешься, кто это?

– Не Хренов ли?

– Да нет, – поморщился капитан. – Хренов, конечно, вампир, но вампир интеллектуальный. Сосёт интеллект своими идиотскими выходками. Здесь замешан кто-то другой.

– Кто же это, сэр?

– Конечно, Кацман.

– Помилуйте, сэр. Как только еврей – так обязательно вампир энергетический. Кацман – порядочный человек.

Я тревожно оглядел палубу. Лоцман Кацман в этот момент стоял на корме и пил свой утренний пиво.

– Ничего вампирического, сэр, – доложил я. – Пьёт пиво, правда энергично.

– Пиво и энергетика вполне совместимы, – сказал Суер. – но против Кацмана у меня есть серьёзные улики и доказательства. В последнее время, например, я никак не могу произнести свою любимую команду.

– Фок-стаксели травить налево?

– Вот именно! Только взбегу на капитанский мостик, крикну «Фок» – а дальше не могу. Он пожирает мою энергию вместе со стакселями.

– Теперь и я вспоминаю, сэр, – сказал я. – Утром встану, бывало, полон энергии, выпью коньячку, закушу минтаем – энергии до хрена! Но только подойду к лоцману – бац! – энергия начинает падать. Падает и падает, приходится снова коньячку. Мне и в голову не приходило, что это всё лоцман.

– Давай-ка спросим у Пахомыча, что он думает на этот счёт, – сказал капитан. – Эй, старпом! Прошу вас, оставьте волонтёров и подойдите к нам, а волонтёры пусть пока валяются, после приберём.

– В чём дело, сэр? – спросил Пахомыч, недовольный, что его оторвали от связки волон-тёров, которая каталась по палубе, волнуемая качкой.

– Важный вопрос, старпом! Скажите-ка, как у вас дела с энергией?

– Всё в порядке, сэр, – ответил старательный Пахомыч.

– Не чувствуете ли вы, что кто-то её пьёт?

– Никак нет, сэр, не чувствую! – прокричал Пахомыч и снова вернулся к связке волон-тёров, которая в этот момент встала на дыбы, торча во все стороны.

– Ясное дело, – сказал Суер, – кому нужна его дубовая энергия? Да она просто-напросто невкусна. Нет уж, пить так пить! Нервную, тонкую, умную энергию – вот что любят энергетические вампиры! Старпом! – крикнул капитан. – Да бросьте вы к чёртовой матери этих волон-тёров! Соберите всех в кают-компании, пригласите также Хренова и Семёнова.

Через минуту мы все собрались в кают-компании и расселись вокруг овального стола под опахалами.

---

⁴ Главу, посвящённую Лёше Мезинову, я посвящаю Розе Харитоновой.

Стюард Мак-Кингсли наполнил наши кружки отличной манилой.

– Лоцману попрошу не наливать, – неожиданно приказал капитан.

– Что такое, кэп? – удивился Кацман.

– А вы сами не догадываетесь?

– Кэп! Кэп! Сэр! – заволновался лоцман. – Ничего не понимаю.

– Зачем вам манила?! Вы ведь пьёте совсем другое!

– Сэр! Клянусь! Сегодня только мой утренний пиво.

– Перестаньте притворяться, лоцман! Вы пьёте энергию.

Лоцман нахмурился и неодобрительно осмотрел овальный стол и наши опахала.

– Вот вы скажите нам, Хренов, – продолжал капитан, – пил у вас лоцман энергию или не пил?

– Конечно пил, – отвечал мичман. – А я думаю, ладно, пускай себе пьёт, не жалко. А что, разве это не полагается, сэр? Если нет – вы прикажите, я ему больше не дам ни капельки. Энергия моя, принадлежит только мне, нашей общей идее и, конечно, моему капитану.

– А у вас, Семёнов, пил он или нет?

– Немного, сэр. Он, бывало, у Хренова напьётся и до меня уже доходит полностью наполненный. Да к тому же у меня всё вахты, вахты...

– Вот видите, Кацман. Два твёрдых свидетеля. Так что не юлите, признавайтесь: пьёте энергию или нет?

Лоцман печально покраснел, стукнул кулаком по столу и надвинул себе на лоб опахало. Он молчал как туча.

– Извините, сэр, – сказал старпом, – а ведь у нас на борту есть хороший специалист по вампирам.

– Кто это? – вздрогнул капитан.

– Как кто? Матрос Вампиров.

– Тьфу ты чёрт! – плюнул капитан. – А мне и в голову не приходило. Зовите его скорей!

Оказавшись в кают-компании, матрос растерялся. Он стоял навытяжку до тех пор, пока не хлопнул кружала манилы.

– Матрос! – строго сказал капитан. – Осмотрите всех внимательно и скажите, кто тут из нас вампир. Подчеркиваю – энергетический!

Вампиров застеснялся. Он мялся и бубнил себе под нос:

– Служу рачительно... пекчусь... заботюсь... Своего дедушку никогда не видел... Папа работал в милиции... его реабилитировали... пили больше первач... гюйсы задраил в точности... А если до вампира, так это лоцман Кацман.

Лоцман мелко задрожал, скинул опахало и припёр его к стенке.

– Капитан, – сказал он, – прикажите налить мне манилы, а то, клянусь, сейчас же выпью всю вашу энергию. Для меня это пара пустяков!

Капитан кивнул, и Мак-Кингсли нацедил лоцману нашего любимого свинцового напитка.

– Ваше здоровье, джентльмены, – сказал лоцман, опрокидывая кружало. – Итак, сэр, вы спрашиваете, пью ли я энергию? Приходится согласиться: пью!

– Ай-яй-яй! – неожиданно расстроился Пахомыч. – Лоцман-лоцман, старый друг – и вдруг оказался энергетический клоп! Блоха! Комар!

– Овод! – грозно произнёс лоцман.

Он оглядел всех, как истый энергетический овод-вампир, и членораздельно пояснил:

– Пил, пью и буду пить!

– А мы не дадим! – дружно заорали Хренов и Семёнов.

– Дадите как миленькие! А вы что хотите, кэп, чтоб я проводил «Лавра Георгиевича» через рифы и мели, психологические коридоры, кораллы прозы, треугольники дееспричастных оборотов – и при этом не пил энергию? Только на одном пиве? В то время когда на борту име-

ются лица, пьющие всё подряд: пиво, водку, манилу, энергию, суть души, армянский коньяк, интеллект, лошадиную мочу, слёзы женщин и детей, кровь поэтов, казеиновый клей, политуру, нектар, жизненные силы! Подумать только! Немножечко энергии Хренова! Какое преступление! Вот уж, простите, кэп, действительно – хреновина! Нет, капитан! Япил энергию и буду пить! Я должен довести нашего «Лавра» до правильного берега.

Лоцман вытер лоб, махнул манилы и в ярости сломал опахало пополам.

– Сэр, – заметил я, – лоцман прав.

Суер-Выер задумался, взял сломанное лоцманом опахало и сложил его на составные части. Потом он подошёл к лоцману и поцеловал его.

– Пей, – сказал капитан. – Пей, вампир, нашу энергию. Но доведи «Лавра» до правильного берега, до Острова Истины. Попрошу только об одном: не урезать больше мою любимую команду!

И Суер жестом распустил собрание.

С тех пор лоцман Кацман свободно бродил по фрегату ипил нашу энергию как хотел, но и Суера больше не обижал.

В любое время дня и суток наш капитан легко взлетал на мостик, свободно выкрикивая любимую команду:

– Фок-стаксели травить налево!

Глава XLII Остров Сциапод

Приближаясь к острову Сциапод, мы несколько раз производили рекогносцировку и ещё кое-какие действия.

Наши кое-какие действия сердили капитана, и он просил нас таких действий не производить.

Но мы всё производили и производили.

Тут Суер плюнул и произвёл такое действие, что некоторые из нас внезапно облысели и действия производить бросили.

– Вот и молодцы, – похвалил нас капитан, – а то всё производите и производите... Посмотрите-ка лучше в подзорную трубу, что это там виднеется на острове.

Я посмотрел в трубу и в зарослях кривандий заприметил большую человеческую подошву голой ноги.

Как некая крыша сарая или пагоды, сверкала она среди пальм и кактус⁵.

Пятка подошвы была обращена на зюйд, а мысок – на север. Подошва слегка поворачивалась то с зюйда на вест, то с норда на север.

– Вёсла на воду! – крикнул капитан.

Старпом кинул вёсла на воду, и мы посыпались в шлюпку.

– Курс на пятку! – кричал Суер. – Праруля!

Вогнав наши вёсла в песок прибрежного ила, мы выскочили на берег и побежали в сторону подошвы, которая легко угадывалась среди пальм и кнуций.

– Осторожнее! – предостерегал Суер. – Не спугните его. Он раним и легко убегаем.

Но мы всё равно, как скоты, шумно ломали лианы и пили воду из растений кривандий, откуда хлестал жидкий голландский сыр.

Наши шумные отсасывания не испугали подошву, и мы вышли на поляну, на которой находился невиданный нами прежде Сциапод.

---

⁵ Это не опечатка, так в пергаменте. Кстати, именно этот остров посвящается Игорю Яковлевичу Соколову, который это дело понимает.

Прекрасная улыбка мелькнула на его бородатом лице, когда он увидел нас. Детские глаза его ни на секунду не затуманились, и мы поняли, что наблюдаем действительную редкость, которая случайно сохранилась под небом Великого Океана.

Действительно, как прекрасен был Сциапод, как невинен и скромн был он, лежащий на спине!

Его единственная нога с огромною подошвой обращена была прямо к солнцу, и, как зонтом, он прикрывался ею от палящих лучей раскалённого светила.

– О двуногейшие господа! – воскликнул он, когда мы приблизились. – Прошу вас скорее в тень моей подошвы, ибо даже ваши достойные ноги, собранные воедино, не смогут своими подошвами произвести тени, моей ноге подобной.

Мы достали пиво, виски, помидоры и уселись вокруг Сциапода в тени его великой и одинокой ноги.

– Ну как? – добродушно спрашивал нас одноногий монстр. – В тени-то полегче будет?

– Весьма и весьма сладостная тень, – отвечал тенелюбивый лоцман Кацман. – В тени вашей подошвы куда приятней, чем под тентами ресторана «Савой-Берлиндер».

– А почему у вас всего одна нога? – спрашивал Пахомыч. – Что это? Боевые действия или хирургия?

– Да нет, – весело отвечал Сциапод, – мы, Сциаподы, рождаемся с одной ногой, чем и отличаемся от вас, двуногих, от трёхногих марсиан, восьминогих моллюсков, а также от разных сорока- и тысяченожек.

– Но простите, милостивый государь, – сказал Суер, – с ногою всё ясно, но интересуется один вопрос: чем вы, собственно, занимаетесь?

– Как то есть чем? – засмеялся Сциапод. – Лежу здесь и ногой от солнца прикрываюсь.

– А чем снискиваете хлеб свой насущный?

– Позвольте, господа, а зачем мне хлеб? Вот вы сидите в моей тени, пьёте пиво, виски, а мне ведь даже шампанского не предложили. Впрочем, я не обижаюсь. Никому ещё не приходило в голову, что Сциаподам нужно что-нибудь, кроме тени их ноги. Поверьте, я только защищаюсь от солнца, а на шампанское не рассчитываю.

– Так, значит, вы не сеете и не жнёте? – строго спросил Суер.

– Не сею, – добродушно разъяснял Сциапод, – и жать не умею. Но поверьте, дружок, не так уж просто следить за продвижением светила и поворачивать свою подошву вовремя. Это тоже работа, правда приятная и не нарушающая сущность моей души.

– Чёрт возьми! – воскликнул Кацман. – У меня на борту столько работы, и вся она нарушает сущность: то рифы обходи, то корябай дно лотом, то нюхай плотность волны, то клейкость морской пены – сплошной невроз. Не попробовать ли идею Сциапода?

Тут лоцман снял галош, вышел на солнышко и задрал пятку к лучам нашего дневного ярила.

К сожалению, тенью подошвы он не сумел прикрыть хотя бы собственное ухо.

– Не обратим внимания на эту глупость, – предложил Суер, – виски, пиво, жара. Рассмотрим поступок лоцмана как лечебную физкультуру, а сами тем временем предложим шампанского достойному другу, который, как выяснилось, не сеет.

– Не сеет, не сеет, – проворчал Пахомыч. – Небось отвези его куда-нибудь в Орехово-Зуево – сразу бы засеял и зажал.

Суер поднёс шампанского работнику своей подошвы, Сциапод с удовольствием пригубил и тут же предложил:

– Я вижу, что вы достойные посетители и открыватели новых островов. Прошу вас, залезайте все на мою подошву, и я покачаю вас над вершинами пальм и кривандий.

И мы, захватив пиво и помидоры, забрались на раскалённую подошву.

Только тут я понял, что, кроме необходимой Сциаподу тени, он получает нужнейшее для его ноги тепло. Нога у него очевидно была мерзлячка.

Мы славно попили на подошве пивка и кидались помидорами в пролетающих попугаев.

Только под вечер попрощались мы с нашим единогогим другом, обещая прислать ему грубый шерстяной носок на более промозглые времена.

Глава XLIII Бодрость и пустота

Не сразу, далеко не сразу разобрали мы, что это за прямоугольники стоят повсюду на взгорках, дорогах и просто на траве открываемого нами нового острова.

К прямоугольникам же, большей частью деревянным, приделаны были какие-то штуки вроде дверей с ручками бронзового литья.

Только потом мы догадались, что это действительно двери, а прямоугольники – дверные косяки.

К удивлению, никаких сооружений – домов, гаражей или сараев, – к которым эти косяки были бы пристроены, видно не было. Косяки стояли сами по себе, и двери были распахнуты. Они поскрипывали под морским ветерком, раскачиваясь на петлях.

Кое-где над открытыми дверями прямо в небе висели окна, также раскрытые настежь. На окнах колыхались занавесочки.

– Обычная островная чертовня, – сказал Пахомыч, зевнув в сторону острова. – Какой-то болван понаставил всюду косяков. Но вот как он в небо окна подвесил?

– На вашем месте, старпом, я бы поостерёгся называть болваном неизвестное пока лицо, – сказал Суер-Вьер. – А вдруг да это Божественный промысел?

– Свят, свят, – дрогнул Пахомыч. – Да зачем же Господу заниматься такими пустяками, как дверные косяки?

– Косяки здесь ни при чём, – сказал Суер, – главное – двери. Открытая дверь – это знак, это приглашение войти. Давайте же войдём в эти двери, раз уж нас приглашают.

– Ломиться в открытую дверь... – поморщился лоцман, – да нет... неинтересно...

– Извините, кэп, – сказал Пахомыч, – я тоже останусь на борту, меня немного беспокоит наш суперкарго.

– Чего такое? – не понял капитан.

– Да разве вы не помните, сэр? Суперкарго, заведующий грузом.

– Груз – дело серьёзное, – согласился капитан.

Так на этот раз и получилось, что вместо старпома и лоцмана с нами на остров отправился мичман Хренов.

Оказавшись на берегу, Хренов взбудоражился.

– Мои ноги чувят сушу! – потрясённо вскрикивал он.

Спотыкаясь, мичман вбежал в ближайшую открытую дверь, кругом обежал косяк и кинулся нам навстречу.

– Я вошёл в открытую дверь! Я вошёл в открытую дверь! – кричал он, подпрыгивая как ягнёнок.

Вслед за мичманом и мы с капитаном вошли в открытую дверь.

– Ну и что ты чувствуешь? – спросил меня капитан, когда мы оказались по другую сторону.

– Пока неясно, сэр. Кажется, прибавилось немного бодрости.

– Вот именно! – кричал надоедливый Хренов. – Именно бодрости! Бежим к другой двери!

Посетив следующую открытую дверь, мичман почувствовал совсем необыкновенный прилив бодрости.

– Мне чего-то очень хочется! – вскрикивал он. – Я чувствую такую бодрость, такую зверскую бодрость!

– Чего именно хочется? – строго спросил капитан.

– Сам не знаю точно. Но, пожалуй, я бы хотел иметь почётный диплом Королевского общества дантистов, два чемодана барахла, мулатку дезабилье и собрание сочинений Декарта.

– Вполне понятные желания, – сказал Суер. – Даже удивительно, к каким великим замыслам приводит порой прилив бодрости. А тебе, друг мой, – обратился Суер ко мне, – ничего не хочется?

– Хотелось бы ясности, сэр. Обычно, когдаходишь в открытую дверь, тебя что-то ожидает. Ну, скажем, бифштекс с луком или девушка с персиками. А здесь нету ничего – только бодрость и пустота.

– Но это тоже немало, – отвечал капитан. – Бодрость и пустота – целая философия. К тому же пустота, наполненная бодростью, – это не совсем чистая пустота, это пустота взбодрённая.

– Извините, сэр, – возразил я, – но на хрена мне бодрость в абсолютной пустоте? В пустоте я и без бодрости хорош. Бодрость всегда хочется к чему-нибудь применить.

– Да, да, кэп! – закричал и Хренов. – Давайте применим нашу бодрость, чего ей зря пропадать?

– Пожалуйста, – сказал Суер, – применяйте. Вон ещё одна открытая дверь, можете войти. Хренов, а за ним и мы с капитаном вошли в очередную открытую дверь.

– И здесь ничего нету, – сказал мичман, – а бодрости до хрена. Прямо не знаю, что и делать.

Мичман пригорюнился и сел на порог, подперев щёку кулачком.

– Сломать, к чёртовой матери, все эти двери! – сказал он. – Вот и применение бодрости! – И он пнул ногою косяк.

– Стоп! – сказал капитан. – Это уже бодрость, переходящая в варварство. Ладно, мичман, закройте глаза и считайте до двадцати семи. С окончанием счёта прошу войти вон в ту открытую дверь.

Мичман послушно закрыл глаза, а капитан подмигнул мне, и мы обошли следующий дверной косяк и уселись на травку. Я достал из бушлата бутылку «Айгешата», лук, соль, крутые яйца и расставил бокалы.

Аккуратно просчитав положенное, мичман открыл глаза и вошёл в открытую дверь.

– Ага! – закричали мы с капитаном. – Хренов пришёл!

– Вот это дверь! – восхищался мичман. – Яйца! «Айгешат»! Вот уж бодрость так бодрость!

Мы хлебнули, съели по яйцу.

– Ну а теперь, мичман, ваша очередь ожидать нас за открытой дверью!

– Идёт! Считайте до десяти и валите вон в ту квартиру напротив.

Честно прикрыв глаза, мы с капитаном досчитали до десяти и вошли в дверь, за которой таился Хренов. Он лежал на травке и, когда увидел нас, засиял от радости.

– А вот и вы! – закричал он. – А я-то вас давненько поджидаю! Скорее выкладывайте, что принесли.

– Погодите, в чём дело? – сказал я. – Мы вас встречали по-честному, а у вас даже стол не накрыт.

– А зачем его накрывать? Я же знаю, что у вас есть остатки «Айгешата».

– Мы его допили по дороге, – мрачно сказал я.

– Да как же это вы успели? – расстроился мичман. – Надо было до трёх считать.

Мичман поник, прилив бодрости сменился отливом.

– Всё, – сказал он, – больше я ни в какую открытую дверь не пойду.

Он уселся на песочек на берегу, а мы с капитаном всё-таки прошли ещё несколько дверей, и за каждой нас ничто не ожидало, кроме травы и мелких цветочков, океанской дали и прохладного ветерка.

– А это куда важней, чем «Айгешат» с яйцами, – пояснял капитан.

– Я с вами согласен, сэр, – говорил я, – но остатки «Айгешата» всё равно Хренову не отдам.

– Давай сами допьём его за какой-нибудь дверью.

И мы вошли в очередную дверь и чудесно позавтракали, овеваемые ветром и отделённые от мичмана десятками открытых дверей.

– Мы совсем забыли про окна, – сказал Суер-Вьер, допивая последний глоток креплёного напитка. – Надо бы заглянуть хотя бы в одно окно, посмотреть, что там, за окном. Всё-таки интересно.

– Высоковато, сэр. Никак не дотянуться.

– Давай-ка я заберусь к тебе на плечи.

И капитан забрался ко мне на плечи, заглянул в окно.

– Ну, что вы там видите, сэр? – кряхтя, спрашивал я.

– Много-много интересного, – рассказывал капитан. – Я вижу камин, в котором пылает полено, вазы с цветами, бифштекс с луком и девушку с персиками.

– Ну а девушка-то, что она делает?

– Улыбается, на бифштекс приглашает.

– Так залезайте в окно, сэр, а мне потом какую-нибудь верёвку кинете.

– Подсади ещё немного.

Капитан подтянулся, повис на подоконнике и скрылся в глубинах окна.

Я, конечно, чрезвычайно опасался, что достойный сэр свалится по другую сторону подоконника и расшибётся о землю. Но подобного не произошло.

Сэр Суер-Вьер исчез, а окно по-прежнему висело в воздухе, и колыхались его занавесочки.

Некоторое время я растерянно стоял под окном, осознавая исчезновение капитана.

Вдруг из окна высунулась рука и кинула мне верёвочную лестницу.

И я полез по этому трапу наверх⁶.

Глава XLIV

Ступеньки и персики

Поднявшись ступенек на десять, я хотел уж заглянуть в окно, приподнял голову. Боже! Что это?!

Окно осталось на том же расстоянии от меня, что и прежде.

Я шагнул ещё наверх и заметил, что с каждым моим шагом из окна вываливается новая ступенька. Тяжестью своего шага я вытягиваю её.

Бодрость моя внезапно закончилась, и прибавилось в душе пустоты.

– Сэр! – закричал я. – Придержите ступеньки! Вываливаются.

Ответа не последовало.

– Сэр! Капитан! Забейте там какой-нибудь гвоздь, чтобы они не вываливались.

Занавески шуршали, простые ситцевые занавесочки с подзорами и кружевами.

– Мне надоели эти игрушки, сэр! – закричал я. – Спускаюсь вниз к Хренову!

---

⁶ Этот трап и всё движение наверх посвящается моему любимому другу Юлию Киму.

Я глянул вниз, и – о Господь милосердный! – очень и очень высоко болтался я над землёй, причём по-прежнему стоял на первой ступеньке.

А внизу, далеко-далеко-далеко, лежал остров со всеми своими косяками, где-то в канавке дремал Хренов, я видел насквозь океан, его потайные бездны и прибрежные пляжи, плантации медуз и кораллов, на горизонте торчали мачты нашего «Лавра». На фок-мачте курил матрос Вампиров.

– Эгей! – закричал я. – Эге-гей! Хренов! Вампиров! Ээээээээй!

Ни Хренов, ни Вампиров меня не заметили.

Зато неожиданно приметил злостная чайка. Какая-то рябая и клочковатая, с каменным лицом, она накинута на меня и стала терзать мою печень.

Я врезал ей под рёбра. Кувыркаясь, чайка отпала в океан.

На крик чайки из окна высунулся Суер-Вьер.

– Ну ты чего там? – спросил он. – Завис, что ли?

– Так точно, уважаемый сэр, завис.

– Да ты лезь вверх.

– Ступеньки вываливаются, сэр, из окна.

– Какие ступеньки?

– Да вот эти, сэр, на которых я стою.

– А ты что, разве на ступеньках стоишь?

– Как же так, сэр, вы же сами мне их выбросили.

– Я выбросил? Ничего я не выбрасывал.

– А на чём же я тогда повис?

– Сам не понимаю, – сказал Суер, приглядываясь. – Ты и вправду на чём-то висишь, а что это такое – не пойму. Клевер, что ли?

– Какой ещё, к чёрту, клевер? Это верёвочная лестница!

– Да? – удивился Суер. – Странно. Очень уж похоже на клевер.

– Дорогой сэр! – взмолился я. – Положение отчаянное. Погибаю над бездной. Протяните мне чего-нибудь, руку какую-нибудь или буксирный канат.

– Чего ты на этот клевер залез, никак не пойму. А помочь-то я тебе никак не могу. Дело в том, что я нахожусь в четвёртом измерении, а ты всё ещё в третьем. Я до тебя, извини, даже доплюнуть не могу. Измерения разные.

– Но вы хоть попробуйте, сэр!

– Ну, из измерения в измерение плевать я, конечно, не стану. Попробую бросить тебе персик.

– Бросайте скорее, сэр!

Капитан вынул из-за пазухи персик с красным пушистым лбом, обнюхал его и кинул ко мне. Пролетев с полметра, дивный лобастый плод всосался обратно в окно.

– Ты чего это там персиками кидаешься? – послышался из окна сердитый женский голос. – Будешь кидаться – вышвырну к чёртовой матери из нашего измерения.

– Кто это там, сэр? – прошептал я.

– Да эта самая девушка с персиками.

– И что она делает?

– Персики ест, – махнул мне рукой капитан. – Ты повиси пока, потерпи, сейчас что-нибудь придумаем. Главное, чтоб клевер не обломился.

– Какой ещё, к чёрту, клевер! Ну ладно, клевер так клевер. Пускай. А персиков-то у вас ещё много?

– Полное корыто. И два ведра. – И капитан исчез за занавеской.

Тускло цеплялся я за верёвочный трап, раздумывая: а не отпустить ли его, в конце концов? Когда-нибудь, а отпустить придётся...

– Многие личности в четвёртом измерении теряют лицо, – слышалось меж тем из окна, – их портит лёгкая жизнь, вседоступность и ненаказуемость, шальные деньги... Но я, к примеру, не потеряла. Я и в предыдущих трёх измерениях занималась этим же делом, то есть ела персики.

– Но возникает вопрос: где вы достаёте такую прорву персиков? – спрашивал капитан.

– Персики имеются здесь в изобилии. Стоит только ударить кувалдой по зубилу – и персики передо мной.

– А бутылочку вермута можете ударить?

– Да это полная чепуха, – засмеялась девушка. – Вам белого или красного?

– И того и другого.

Послышалось мелодичное постукивание, потом грохот, топот, мыльный лоп, и по восторженным крикам капитана: «Вот это кувалдочка!» – я понял, что желаемое превратилось там у них в действительность.

– Кэп, загибаюсь...

– Слушай, – сказала девушка с персиками, – кто это там за окном всё время скулит?

– Да это там один мой друг болтается.

– А зачем?

– Пытается в четвёртое измерение залезть, но ни хрена у него не выходит.

Тут из окна высунулись очаровательные космы.

– Эй, ты, – крикнула девушка, – ты чего это на столбе сидишь?

– Разве на столбе уже? – удивился капитан, высовываясь рядом. – Он же был на клевере.

Капитан пригляделся повнимательней.

– Да нет, – сказал он, – вроде бы по-прежнему на клевере.

– На каком ещё клевере? – спросила девушка.

– Ну, на том, что под осиной растёт, – туманно пояснил капитан.

– Откуда же тогда столб?

– Какой столб?

– Да вот этот, телеграфный?

– Дамы и господа! – взмолился я. – Уважаемые друзья из четвёртого измерения! Хрен с ним, со столбом и с клевером, втащите же меня в четвёртое измерение, я сильно продрог на ветру, да и чайки, засранки, клюются.

– Тут нужны хорошие клещи, – сказала девушка, вытянула наружу кузнечные клещи-хваталки, протянула ко мне и... Невиданные брызги мыслей вылетели из-под моих надбровных дуг.

Под блеск, под клёкот, под свист и улюлюканье этих брызг я и всосался в четвёртое измерение.

Глава XLV

Стол из четвёртого измерения

Сыр и колбаса, вермут красный и белый в графинчиках, свежие огурчики, отварная картошка, свиная тушёнка – бог весть чего только не стояло на столе в четвёртом измерении! Стол этот напоминал немного и рабочее место слесаря-лекальщика с завода «Красный пролетарий». Я уж не говорю о разных молотках и гаечных ключах, повсюду на столе на этом валялись кривые гвозди, шайбы и пассатижи, тиски, отвёртки. В консервных же банках явно отмачивались в керосине ржавые болты и гайки.

А сам стол был и круглым, и зеркальным, прямоугольным и письменным, ромбовидным, трёхсотшестидесятиградусным, и чёрт его знает, где он оканчивался и сколько у него было ножек. Вы будете смеяться, но одна его створка, накрытая крахмальной скатертью, сто-

яла боком, ну как стена на полу, и я смело ставил на неё фужер с вермутом, и напиток не проливался.

Поначалу именно это упражнение понравилось мне в четвёртом измерении. Я то и дело наливал себе вермута: глотну – и поставлю на эту стенку, глотну – и поставлю.

Капитан и девушка с персиками очень смеялись и советовали подвесить фужер с вермутом прямо в воздух, а вермут мысленно засосать.

Я так и сделал. И что же вы думаете: фужер повис чин чинарём, а вермут хлынул струёй, да прямо в рот капитану.

– Я тебя мысленно опередил! – кричал Суер. – Туго соображаешь!

Но тут я взял да и опередил капитана и засосал сразу изо всех бутылок. Начался такой потоп, что девушка с персиками рассердилась.

– Всю скатерть мне испоганил, – ругалась она, – вермут не отстирывается!

– А вы что же, в четвёртом измерении, неужто стираете?

– Стирают, друг мой, во всех измерениях, – строго пояснила девушка с персиками. – А то я знаю таких: придут в гости, грязи понатопчут, посуду перебьют, засрут, прости господи, всё измерение, потом два дня скреби да оттирайся!

– Извините, госпожа, – сказал я, – никак не предполагал такого. Но позвольте один вопрос. Вкус этого вермута показался мне чрезвычайно знаком.

– Вермут как вермут, – сказал капитан, – ничего особенного.

– Позвольте возразить, сэр. Этот вермут напоминает мне напиток, который изготавливал я сам, добавляя в него спирту, рому и джину.

– И кажется, виски, – засмеялась девушка. – Конечно, это тот самый вермут, который вы пили на острове тёплых щенков.

– Как же это так?

– А так. В этом ведь и смысл нашего измерения. Здесь всё перепуталось, и в первую очередь время.

– Очень интересно и поучительно, – сказал я. – А могу я сейчас потребовать бутылочку кошасы, которую в своё время мичман Хренов выпил один, подло спрятавшись в кочегарке?

– Пожалуйста, но тогда мичману в прошлом ничего не достанется.

– И пускай не достанется! Ведь он спёр её из кают-компанияи.

– Ну, как хотите.

Девушка поковырялась отвёрткой в банке с ржавыми гайками – и бутылочка кошасы, оплетённая соломкой, явилась перед нами.

Мы с капитаном смеялись как жеребцы, представляя себе мичмана, который спрятался в прошлом в кочегарке, вдруг – бац! – кошасы нету!

– Афронт! – кричал Суер. – Афронт!

– Ладно, – сказал я, – пожалеем мичмана. Вернём ему полбутылки обратно.

Благородно отпили мы полбутылки, а остатки назад мичману вернули, в прошлое, в кочегарку. Вот он небось удивился в прошлом, когда снова кошасу получил.

– Давай что-нибудь в прошлом с Чугайлой устроим, – сказал капитан.

– С ним и в настоящем можно устроить. Лучше вызовем кого из прошлого, ну, к примеру, Калия Оротата, хороший он парень.

– Ну нет, – сказала девушка с персиками, – эдак вы сюда целый полк голых женщин понагоните. Я против.

Мы призадумались, и я внимательно глянул туда, в даль стола. Кажется, там и было прошлое. Поначалу я видел стены и зеркала, реки и фрегаты, вдруг Лаврушинский переулок, ресторан-поплавок возле кинотеатра «Ударник», трамвай на Малой Пироговке, Хоромный тупик, толпы, толпы, кто-то читает стихи.

Вдруг что-то искривилось, что-то изменилось, замелькал туннель, какой-то коридор, больничные палаты... Бог мой! Неужто будущее?!

– Извините, мамзель, – сказал я, смахивая со лба остатки прошлого, – а как насчёт будущего? Нельзя ли какое-нибудь видение оттуда? Ну хоть рюмочку перцовки?

– Пожалуйста, – сказала девушка с персиками, оглядывая меня с каким-то лёгким подозрением, – но тогда вы в будущем эту рюмочку не выпьете. А вдруг у вас в будущем перцовки не предвидится?

– М-да, вот это вопрос, – сказал Суер. – Но давай попробуем. Рискнём. И мне тоже рюмочку! Итак, просим две рюмки перцовки из будущего: одну мне, другую ему.

– Пожалуйста.

Девушка съела персик, с какими-то зловещими брызгами надкусила второй, взяла в руки керосиновую лампу и взболтала её, как бутылку. Из лампы – чёрт подери! – потекла перцовка, да прямо в рюмки. Ровно две штуки по тридцать пять грамм.

Мы с капитаном облегчённо вздохнули и тяпнули.

– Может, по второй? – спросил я.

– Эх вы, – вздохнула девушка, – да что вы всё одно и то же: то вермут, то перцовка, то в прошлом, то в будущем. Я уж думаю: лезут в окно, так, значит, приличные люди, или синьоры, или кабальеро, а эти чёрт знает что – им бы лишь всё выпить в прошлом и в будущем. Подумали бы о душе, о любви...

– Извините, мадам, но и вы – всё персики, персики... Это ведь те самые персики, которые вы ели в начале двадцатого века? Не так ли?

– Увы, это так, – печально вздохнула девушка. А ведь прекрасным, друзья, было её лицо, и глаза такие ласковые, внимательные. Те несколько грубых слов, которые произнесла она, как-то не вязались с этим её великим обликом, и я сказал ей об этом.

– Ничего не поделаешь, – сказала девушка, – поднахваталась здесь, в четвёртом измерении. Да и в окно лезет порой бог знает кто... да и там, на земле, висит картина Валентина Серова, на меня всё смотрят, смотрят. Это ведь ужасно утомительно, когда на тебя всё смотрят, смотрят... Великие артисты и натурщики понимают это, а художники не понимают, им-то лишь бы нас написать.

– Любопытно, – сказал капитан. – Ну а те, про которых написано не на холсте, а в книге?

– Тоже кошмар. Тут ко мне заходила Наташа Ростова. Огрубела, скажу вам. Просто мучается, когда про неё бесконечно читают. Пить стала, опустилась, за собой не следит.

– Печален ваш рассказ, – сказал Суер. – Я и не думал, что в четвёртом измерении такие острые и вполне человеческие проблемы.

– Увы, четвёртое измерение их даже добавляет, – вздохнула девушка. – Легче всего в двухмерном мире, поверьте, ведь я изображена на плоскости. Но удивителен этот самый путь в четвёртое измерение. Он ведёт из третьего во второе, а уж потом в четвёртое.

– Капитан, – сказал я, – девушка с персиками. Пожалейте... Выкиньте меня, к чёртовой матери, в третье измерение, только чтоб я не расшибся. Где там ваша кувалда? Или отвёрткой можно?

– Обойдётесь без инструментов, – сказала девушка. – Печать четвёртого измерения будет лежать на вас ещё пять минут. Смело вылетайте через окно. За пять минут доберётесь куда хотите.

Я глотнул ещё вермуту, схватил персик и кинулся в окно, а за мной сэр Суер-Вьер. Как два гордых аэроплана, полетели мы над дверными косяками. Спотыкаясь, наступая на дремлющего мичмана Хренова, благополучно приземлились.

Потом мы долго стояли под окном, на котором всё колыхались занавески, но девушка с персиками так и не выглянула помахать нам на прощанье рукой.

Глава XLVI

Трепет

В тяжёлых плаваниях, в дальних странствиях всякое бывает: голод и мор, жажда пресной воды, миллюзии и фураж. Но поверьте, никто не ожидал, что на семьсот сорок второй день плавания механик Семёнов вообразит себя флагом.

– Я хочу развеяться! – кричал он, взбираясь на мачту. – Я должен трепетать на ветру, осеняя вас с самых высоких позиций.

Мы терпеливо ждали, когда же он долезет до флагового места.

И вот он долез, сбросил на палубу наш старый добрый флаг и принялся над нами развеяться, всячески называя себя подлинным флагом и частично знаменем с некоторым намёком на штандарт.

– Ладно, – сказал капитан, – в конце концов, мы можем сменить наш старый добрый флаг на механика Семёнова. Пусть Семёнов развеивается, пусть будет флагом, – но кто же, чёрт возьми, будет у нас механиком?

Некоторое время мы надеялись, что Семёнову надоест трепетать на ветру, но ему не надоело.

– В деле трепетанья я неутомим, – кричал он сверху.

– Хрен с ним, пускай трепещет, – сказал Суер. – Уберите в рундук наш старый добрый флаг.

Мы убрали в рундук наш старый добрый флаг и занялись обычными судовыми трудами: пришивали пуговицы, развязывали морские узлы, варили в котлах моллюсков.

Через некоторое время мы и позабыли, что у нас вместо флага механик Семёнов. Трепещет и развеивается.

Семёнову это не понравилось.

– Эй, вы! – кричал он сверху. – Поглядите-ка на меня! Смотрите, как я здорово на ветру трепещу.

Но мы не обращали вниманья, насмотрелись уже на его дёрганья и ужимки.

– Вы должны восхищаться своим новым флагом, – орал Семёнов. – А то ползаете, как улитки!

– Давайте повосхищаемся немного, – сказал Хренов, дружок Семёнова, – жалко всё-таки его, дурака.

– Повосхищайтесь, повосхищайтесь, – по-отечески разрешил нам Суер-Вьер.

Ну, мы бросили швабры и моллюсков и покричали наверх:

– О! О! Какой у нас флаг! Как мы восхищаемся! Мы в полном восторге! Посылаем наверх своё восхищение!

Семёнов смеялся от счастья как дитя и трепетал, трепетал.

Вскорости пробиты стклянки – это стюард Мак-Кингсли призывал нас к полдневной чарке спирта. Обычно стклянка со спиртом вместе с чарками выносилась на палубу.

– Знаете что, – сказал Суер, – давайте на этот раз выпьем наши чарки в кают-компании. Неудобно, знаете, пить спирт под нашим новым флагом.

– Почему же, сэр? – спрашивали матросы.

– Боюсь, что флагу захочется выпить, а это может нарушить его душевное равновесие. Да и трепетать выпимши труднее.

– А по-моему, легче, сэр, – сказал вдруг матрос Петров-Лодкин.

– А вы что, выпимши много трепетали?

Флаг наш, то есть механик Семёнов, перестал в это время трепетать и внимательнейшим образом прислушивался к разговору.

– Наш новый флаг, как вы сами замечаете, неплохо трепещет и не похмеляясь, – сказал Суер. – Так что спирт может ему повредить. Кроме того, я настаиваю на соблюдении нравственной чистоты нашего флага. А то сегодня выпьет, завтра закурит, а дальше что?

– Да, да, вы правы, сэр, – воскликнули мы, – не будем нарушать его душевное и нравственное состояние. Флаг есть флаг, давайте спустимся скорее в кают-компанию, тем более что там имеются в вазах хрустящие сухарики.

И мы спустились в кают-компанию, выпили по чарке с сухариками, и тут раздался стук в дверь.

– Ей-богу! Это механик! – вскричали некоторые из нас.

– Стюард, отоприте! – велел капитан.

– Да ну его, сэр! Пускай трепещет.

– Впустите, впустите его...

Стюард отложил засов, и в кают-компанию, шевелясь, трепеща и вздрагивая, внезапно вошёл наш старый добрый флаг. К изумлению, он был в кирзовых сапогах и в телогрейке, очевидно почерпнутых в рундуке.

– Попрошу спирту, сэр, – сказал он. – Я столько дней трепетал вместо механика, так промёрз под ветрами, овевающими нашего «Лавра», что чарка полагается мне по праву.

– Впервые вижу, чтоб флаги пили спирт, – отчеканил Суер. – Но что поделаешь? Налейте ему.

Наш старый добрый флаг тяпнул рюмку-чарку, захрустнул сухариком и вернулся обратно в рундук.

Ну а механик Семёнов трепетал над нами ещё несколько дней, пока два дурашливых альбатроса не сшибли его с мачты.

Падение его было поучительным для многих.

Описав светосексуальную траекторию, раскидывая вихры, махры, хухры и штормовки, механик вороном пролетел над полубаком, свистнул в кулак и рухнул как раз в машинное отделение, где немедленно и приступил к исполнению своих прямых обязанностей.

Глава XLVII Пожар любви

– В конце концов, капитан, это начинает утомлять, – говорил старпом, когда мы все собрались в кают-компанию на послеполуденный спиричуэлс. – Наше плавание носит бесцельный характер. Конечно, мы открыли много новых островов, но это чистая география с этнографическим оттенком. Мы не обогатились ни на копейку. А ведь вы обещали, что нас ожидает богатство.

– Видимо, дорогой сэр имел в виду нравственное богатство, – с прохладной ехидцей сказал Кацман, – богатство душевного уклада.

– Но я и нравственно ни хрена не обогатился! – воскликнул Пахомыч. – А взять экипаж! К примеру, Вампирова или Хренова! А Чугайло? Вот уж где нравственность ниже румпеля.

– Извините, старпом, – сказал капитан, – давайте разберёмся, чего бы вам всё-таки хотелось: богатства душевной жизни или чистогана? Что вам надо?

– Драгоценных камней, – отвечивал Пахомыч. – Я хочу ими украсить свой брачный чертог.

– Да, да, – слабовольно подхватили мы, – нам бы всем хотелось украсить наши брачные чертоги!

– А у вас что, есть такие чертоги?

– Нет, у нас пока нету, но... в принципе...

– Вряд ли, – сказал капитан, – вряд ли кто из вас может рассчитывать на подобные чертоги и в принципе, но... что ж, украшение чертогов – дело благородное. Как только увидим остров с драгоценными камнями – бросим якорь.

После этого достопримечательного разговора мы долго бороздили океан, набрали раз на остров халцедонов, которые обстреляли нас из малокалиберных винтовок, но больше ничего такого, хотя бы полудрагоценного, мы среди волн не замечали.

Наконец открылся небольшой островок, который сплошь состоял из камней различной величины.

– Драгоценные они или нет – неизвестно, – сказал Суер, – но давайте проверим.

Чёрные и красные камни-голыши целиком заполняли остров. Все они были округлой формы и напоминали продолговатые яйца. Казалось, груда продолговатых яиц лежит среди океанских волн. Были там камни величиной с дом, были с колесо, с глаз кашалота. Камни образовывали некую пирамиду, и на самой вершине её стояли два особенно крупных камня – чёрный и красный.

– Ничего драгоценного в этих камнях нету, – говорил лоцман, выпрыгивая из шлюпки на берег. – Это просто гранит.

– Явный лабрадор, – сказал и старпом, приподнимая один небольшой камень. – Просто лабрадор, ничего ценного.

Он оглядел камень и отбросил в сторону. Вдруг в той стороне, куда он бросил камень, послышалось шипенье.

– Змея! – подпрыгнул Кацман.

– Дым! – крикнул старпом.

Шипящий по-змеиному, но как-то с надрывом и контральто, от камней поднимался дым. И я заметил, что брошенный старпомом кусок лабрадорита слегка подпрыгивает, лёжа на другом камне красновато-розового оттенка. Меж ними возникали искры, искры и дым.

Дым усиливался, подпрыгивание превратилось в яростные скачки, мелькнули язычки пламени, ракетные вспышки искр, пламя, пламя дрожало и металось и вдруг разделилось на две ровные половины. Два языка пламени поднимались от камней всё выше, выше, и вот уже из них образовались две фигуры – мужская и женская.

Они были сделаны из огня! Как же жаростно, как пламенно они обнимались, целовались, оглаживали друг друга! Жар! Жар! Пожар любви охватил остров! Они заходили всё дальше-дальше, огненные руки, бёдра, плечи играли, пульсировали, перенакалялись...

– Кхе-кхе... – кашлянул капитан.

Огненные любовники на миг приостановили свои поцелуи.

– Кто-то, кажется, кашляет, – сказал огненный мужчина.

– Да нет, милый, тебе показалось. – И женщина снова страстно прильнула к нему.

Капитан кашлянул сильнее.

– Извините, – сказал огненный мужчина, заметив наконец наши фигуры, – это вы кашляете, чтоб оторвать нас от любовных игр?

– Вот именно, – подтвердил Суер. – Всего один вопрос: вы камни, люди или огонь?

– И то, и другое, и третье, – отвечал огненный. – Весь наш остров наполнен камнями разного рода. Я – камень мужской, а вот она – женщина. Кстати, как тебя зовут, дорогая?

– Анит, – улыбнулась огненная женщина. – Мы давно мечтали друг о друге, но никак не могли воссоединиться. Ведь камни не двигаются или двигаются в очень редких случаях, к примеру при извержении вулкана. То-то тогда бывает любовь!

– Это я вас воссоединил! – похвастался старпом. – А что, приятель, нет ли у вас каких драгоценностей или бриллиантов?

– Знаете что, – сказал огненный мужчина, – нам с вами болтать некогда. Ведь мы стораем, у нас нет времени. Так что извините нас, господа, мы делом займёмся.

И они снова слились в любовной и огненной игре.

Обнимаясь, обвиваясь, обволакиваясь, они поднимались всё выше и выше в небо, удлинялись их руки и ноги, дым и пар, как белые и чёрные нимбусы, стояли у них над общей теперь головой, раздался крик боли и счастья, взрыв и... они растаяли, вместе с остатками дыма улетели в небеса. Только дух опалённых кедровых шишек расстелился над островом.

Потрясённые картиной огненной эротики, мы долго сидели, задумавшись над тщетой.

– Попробуем ещё разок, – сказал старпом. – Хотелось бы получить ответ насчёт драгоценностей.

Он взял в руки очередной камень и шепнул ему на ухо:

– Слушай, камень, внимательно! Сейчас я тебя брошу, и как только ты воспламенишься, немедленно скажи мне: есть на острове драгоценности или бриллианты? Или нет? А дальше дуй свою любовь. Пойми, мне надо украсить свой брачный чертог.

Старпом кинул камень в грудку других камней.

Брошенный долго скакал, отгалкиваясь боками то от одного камня, то от другого. Вдруг приник к какому-то, и снова явились брызги искр, дым, шипенье, пламя и в пламени – новые огненные мужчина и женщина.

Как мы ни кашляли, как ни кричали, эти двое не обращали на нас внимания, они сгорали, обнимая друг друга, уходили всё выше в небо, в нимбы, в бездну, и наконец откуда-то из заподнебесья раздался слабый крик:

– Бриллиантов нету!

– А где они? А где? – кричал старпом, но огненные любовники пропали в космических сферах.

– Надо бы ещё попробовать, – вздохнул старпом. – Интересно, где же всё-таки бриллианты?

– Так вы весь остров сожжёте, – сказал капитан. – Ладно, пробуйте в третий раз. Последний⁷.

Глава XLVIII В рассол!

Старпом взял в руки третий камушек и только размахнулся, как лоцман сказал:

– Позвольте, а что это у вас всё старпом да старпом камни бросает? Дайте и мне попробовать, я тоже люблю наблюдать огненные любовные игры. Пахомыч, отдай булыжник!

– Да здесь их полно, – отвечал старпом. – Бери да бросай!

– Передайте этот булыжник лоцману, – приказал капитан. – Я не позволю сжечь в любовной игре весь этот остров. К тому же посмотрите-ка на те два главных камня, которые венчают всю эту пирамиду.

Да, мы совсем забыли про два огромных камня, чёрный и красный, – крупнейшие яйца на макушке острова.

– Смотрите, какая между ними узкая щель, – продолжал капитан. – Не дай бог их сдвинуть – представляете себе, что тут начнётся?! Догадываетесь? Так что, лоцман, кидайте этот небольшой булыжник – и хорош.

Лоцман схватил булыжник и шмякнул им в какой-то камень неподалёку от нас.

Слишком уж близко ударил лоцман, и сам ошпарился, и нам пришлось отбежать на несколько шагов.

С шипеньем и клёкотом явились перед нами новые фигуры: мужчина и женщина. Они кинулись друг к другу, но тут же отпрянули в стороны.

---

⁷ Остров и благородный разум нашего капитана посвящён Якову Акиму.

Мужчина снова кинулся к ней, но женщина оттолкнула.

– Нет-нет, – повторяла огненная женщина, – я с тобой обниматься и сгорать на пару не собираюсь.

– В чём дело? – сокрушался огненный человек.

– Ты мне совсем не нравишься. В тебе больше дыму, чем огня.

И действительно, новоявленный воспламенившийся пылал не так активно, он скорее тлел, и если до колен ноги его были раскалены как угли, то выше он совсем терялся в дыму и в копоти.

– Коптишь, брат, слишком коптишь небо, – объясняла женщина. – Я лучше сольюсь в игре с кем-нибудь из этих джентльменов, ну хотя бы с тем, кто бросил в меня камень. Вполне приличный человек, и, кажется, лоцман. Сейчас возьму сожму и сожгу его в своих любовных объятьях.

И она, играя призрачным алым бедром, направилась к лоцману.

– О нет! Только не это! – вскричал потрясённый лоцман. – Я не люблю огненных ристалищ, терпеть такой любви не могу! У меня уже была одна, которая сожгла всю душу, хватит! Целуйте капитана или старпома! Да и чин-то у меня маленький. Всего-навсего лоцман!

– О нет! – твердила женщина, протягивая к лоцману жаркие длани. – Ты бросил в меня камень! Ты разбудил! Ты!

– Эй, девушка! – крикнул старпом. – Извините, вы не подскажете нам, где тут у вас драгоценности? А?

– Вот они, драгоценности, – говорила девушка, оглаживая свои бёдра, чресла, перси, ланиты, флегмы, железы и шоры. – Вот перлы!

– А другие? – крикнул старпом.

– А другие у него, – указала она на лоцмана огненным пальцем и буквально ринулась к нему. Шлейф раскалённой пыли взметнулся над нами, а лоцман как сидел, так неожиданно и подпрыгнул и бросился в воды океана.

Он вынырнул довольно далеко от берега, как следует отфыркался и закричал:

– Иди сюда, кобылка моя! Иди сюда, о полная перлов! О, какие объятья я тебе приготовил! Волна! О волна – солёная перина моей любви, сотканной из крови, пота, соли и огня! Прими мою огненную подругу!

– Фу, подонок, – плюнула огненная любовница. – Какой у вас, оказывается, хитроумный и противный лоцман. Такой действительно проведёт караван верблюдов в игольное ушко. Спрятался от жара сердца в солёный холодок. В рассол! В рассол!

Огорчённая, металась она, заламывая руки, и наконец всосалась обратно в камень.

– Ну а мне-то что ж теперь делать? – ныл дымный мужчина. – Куда мне деваться? Никто меня не любит, никому я не нужен. Поджарьте хоть на мне шашлык или вскипятите чайник.

Ну, мы добродушно повесили чайник на нос дымному мужчине, дождались, пока он закипит, заварили Краснодарского и долго сидели вокруг обиженного судьбой любовника, как будто возле костра.

Попили чайку, спели несколько песен.

– Подвесьте ещё чего-нибудь, подвесьте, сварите, накалите, просушите. Я хочу быть полезным.

– Нечего, брат, нам больше вешать, – сказал старпом. – Извини. Была бы уха, мы бы тебе уху на ухо повесили.

К вечеру отправились мы на «Лавра» и долго смотрели с борта, как дотлевают на берегу неудачный любовник.

Глава XLIX Ненависть⁸

– Я что-то ненавижу, а что именно – позабыл, – обмолвился однажды лоцман Кацман.

Глава L Вёдра и альбомы (остров Гербарий)

– Эх, Старпомыч, – рассмеялся капитан, – зато многое находим! Подумаешь, ерунда: кто ищет, тот всегда найдёт. Он знает, что ищет, и находит это. Для меня эта поговорка устарела. Я ничего не ищу – я только нахожу!

– Эй, на острове! – крикнул Пахомыч, изрядно притормозив ручным кабельстаном.

– Чего изволите? – высунулся всё тот же борджовый лик.

– Ну как вы тут? Засушиваете, что ли?

– Не всегда, – послышалось в ответ, – только если уж очень мокрые.

– А потом чего делаете?

– В вёдра складываем.

– В какие ещё вёдра?

– В эмалированные. С крышкой.

– А не в альбомы?

– В какие альбомы?

– Вот хрен морской, – плюнул Пахомыч. – Ты ведь сам орал: «Гербарий! Гербарий!» Какого же чёрта гербарий в вёдра? А? В альбомы надо!

– Да? – удивился борджовый. – А у нас всё больше в вёдра.

– Ну вот, кэп, – вздохнул старпом, вытирая плот собла⁹. – Изволите видеть... добороздились... гербарий хренов...

Демонкратии

Солить мы их не стали, а просто нанизали на суровые нитки и развесили между мачтами сушить.

Они долго болтались под солёным морским солнцем, хорошо провялились, и мы любили, бывало, выпить портеру и закусить вяленным гербом¹⁰.

---

⁸ Тут необходимо заметить, что с прозой происходят явления, которые можно сравнить с тектоническими. Короче, произошло известное прозотрясение, которое и привело к полному исчезновению этой главы, кроме первой фразы. Пласт прозы рухнул, сжатый и т. д.

⁹ Так в пергаменте.

¹⁰ Глава «Остров Гербарий» сильно пострадала в результате наводнения в Питере в 1983 году, хотя и находилась в это время в Москве*. * Ввиду особой ценности каждого слова «Пергамент» редакция, используя последние достижения науки и техники, а также благодаря героизму своих сотрудников, сумела восстановить не только главу «Остров Гербарий», размытую в Москве питерским наводнением, но и главу «Ненависть», пострадавшую при прозотрясении. Полный текст глав см. в «Приложении». – *Примеч. ред.*

– Галочки! – ревел капитан. – К чёртовой матери эту галочку! Вы уволены и списаны на берег.

– На какой же берег, сэр? – уныло толковал старпом. – Придём в Сингапур, тогда...

– Вот на этот самый, – приказывал Суер, – на этот, на котором ничего нет. Пускай теперь на нём будет списанный старпом! Давайте-давайте, не тяните! Считайте свои рубли, ставьте галочку – и долой...

Задыхаясь от гнева, Суер спустился в кают-компанию. С палубы слышно было, как он сильно булькнул горлом в недрах фрегата.

– Вермут! – догадался матрос Петров-Лодкин.

– Что ещё? – гневно переспросил старпом.

– Ах, извините, старп! Херес!

– То-то же, дубина! – в сердцах сказал Пахомыч, присел на корточки и стал считать деньги.

– Слез он на берег или нет? – слышалось из недр.

– Слезает, сэр, слезает, – крикнул я. – Сейчас досчитает до двух миллиардов.

– Галочку поставил?

– Ещё нет, сэр! Вот-вот поставит!

В недрах фрегата слышался орлиный клёкот, и новая эпилепсия капитанского гнева потрясла фрегат.

Один рубль тяжело на палубе шевельнулся, зацепил краешком вторую бумажку, третью... Некоторое время недосчитанные рубли неистово толкались, напоздали друг на друга, обволакивали, тёрлись друг о друга с хрустом, складывались в пачки и рассыпались и вдруг сорвались с места и взрывом охватили мачты.

Они летели

к небу

длинной струёй,

завивались в смерчи,

всасываясь в бездонные дыры

между облаками.

– Ставьте же скорее галку, старп! Скорее галку! – орал Петров-Лодкин.

Старпом, задыхаясь, дёргал гусиным пером и никак не мог попасть своей галочкой в нужную графу.

– Помоги же! – умолял он меня.

Я содрал с него двенадцать процентов и сунул какую-то галку в графу.

– Всё в порядке, сэр! – крикнул я. – Галочку поставили!

– Вон! – проревел Суер, и порыв капитанского гнева вынес нашего Пахомыча на остров, на котором до этого совершенно ничего не было.

Глава ЛП

Остров, на котором совершенно ничего не было

Жёсткие судороги капитанского гнева по-прежнему сотрясали корабль, хотя Пахомыча уже не было на борту.

Понимая, что порыв угасает, мы всё-таки опасались новых приступов и все, кроме вахтенных, распозлились по своим каютам.

Я спрятался за хром-срам-штевень, наблюдая за Пахомычем.

Старпом прохаживался по острову, на котором совершенно ничего не было. Растерянно как-то и близоручко бродил он с матросским сундучком в руке. В сундучке лежало его жалованье и полный расчёт.

– Эгей! – крикнул я.

– Эй! – отозвался старпом.

– Ну что там, на острове-то?

– А ничего, – отвечал старпом. – Ничего нету.

– Неужели совсем ничего?

– Да вроде ничего... Как-то непонятно, не по-людски...

– Ну, может, хоть что-нибудь там есть?

– Да пока ничего не видно, – отвечал Пахомыч.

– Ну а то, на чём вы стоите, что это такое? Не земля ли?

– Чёрт его знает, – отвечал старпом. – Вроде не земля... такое какое-то... ничто.

– Может, песок или торф?

– Да что ты говоришь, – обиделся Пахомыч, – какой песок? Ни черта тут нету.

– Ну а воздух-то там есть? – спросил я.

– Какой ещё воздух?

– Ну, которым ты дышишь, старый хрен!

– Дышу?.. Не знаю, не чувствую... кажется, и не дышу даже, во всяком случае, воздуха-то не видать.

– Эва, удивил, – вмешался неожиданно мичман Хренов, который, оказывается, сидя в бочке, прислушивался к разговору. – Воздуха нигде не видать. Он же прозрачный. Отвечайте толком: есть там воздух или нет?

– Нету, – твёрдо решил старпом, – и воздуха нету.

– Ну уж это тогда вообще, – сказал лоцман Кацман. – Заслали нашего старпома... Эй, Пахомыч, да, может, там где-нибудь пивной бар или бренди продают?

– Да нету ничего, – уныло отвечал старпом. – Главное – денег до хрена, а тратить не на что. Я уж хотел было где-нибудь сушек купить или сухарей, а ничего нигде нету.

– Пустота, значит, – сказал Хренов.

– И пустоты вроде нету, – отвечал Пахомыч.

– Натура абхоррет вакуум, – сказал Кацман. – Природа не терпит пустоты.

– Оказывается, терпит, – сказал Пахомыч. – Натура терпит даже и отсутствие пустоты. Вот я сейчас и нахожусь там, где ничего нету, даже пустоты. Только я тут и сундук с деньгами.

– Этого вполне достаточно, – сказал вдруг наш капитан сэр Суер-Вьер, неожиданно появляясь на палубе. – Пахомыч с деньгами – это уже бог знает сколько! Несчастный остров, на котором совершенно ничего не было, вдруг так многообразно разбогател. В сундуке полно денег, а в Пахомыче бездна разума. Даже на острове Цейлон нет подобного богатства... Впрочем, не думайте, что я так уж быстро остыл. Да, да, не думайте! Поостыл немного – это верно, да и то скажите спасибо хересу.

– Сэр, – сказал Пахомыч, – дозвоьте вернуться на корабль и поблагодарить херес лично, с глазу на глаз.

– Ничего, не беспокойтесь, я ему передам ваши приветы... а вам, старпом, я вот что посоветую... поищите как следует, вдруг да и найдёте на этом острове что-нибудь.

– Что именно искать, сэр?

– А вот этого я не знаю. Не может же быть, что на нём совершенно ничего нет. Должно быть хоть что-нибудь в каких-нибудь кустах.

– Да нету же и кустов, сэр! – воскликнул старп со слезами в горле.

– Ищите! – настоятельно порекомендовал капитан. – А если ничего не найдёте, так и останетесь на этом острове как единственный признак наличия чего-то в пространстве.

– Сэр! Сэр! Я лучше здесь оставлю рубль! Этого вполне достаточно! Пространство будет заполнено!

– Одним рублём? – усмехнулся Суер. – Нет, старпом... ищите!

– Сэр! – негромко сказал я. – Это ведь невыполнимая задача. Ведь нету совершенно ничего. Посмотрите на него, сэр.

Пахомыч действительно бродил по острову, шарил, как слепец, рукою в пространстве, придерживая левой сундучок.

– Ты думаешь, что он ничего не найдёт? – спросил капитан, скептически оглядывая меня.

– Да ведь невозможно, сэр! На острове совершенно ничего нет: ни земли, ни травинки, ни воздуха... ни даже пустоты... только ничто.

– Да? Ну тогда ответь мне на один вопрос. На острове ничего нет, а как же мы его видим?

– Я и сам в недоумении, сэр. Вроде ничего нету, а мы что-то видим.

– В том-то и дело. Мы видим НЕЧТО. Подчёркиваю: видим НЕЧТО. Только не знаем, как это называется, но оно ЕСТЬ!

Я вперился в пространство, пытаюсь разобраться, что же я, собственно, вижу.

И видел какой-то вроде бы остров, зигзаги и точки, звёздочки в крапинку или мокрые капельки, туманные полосы, оранжевую суету сует,

шелуху шёпота,

чешую неясных движений,

какое-то вливание...

действительно, НЕЧТО, а вот что именно – неясно.

– Ну и что ты скажешь? – спрашивал капитан. – Как всё это объяснить? Как назвать?

– Затрудняюсь, сэр. НЕЧТО – самое точное слово.

– И даже очень хорошее слово, – сказал капитан. – Хорошее, потому что – точное! Понял? Нам кажется, что НЕЧТО – расплывчатое слово, не может быть точным, а оно – точное! А теперь я выскажу тебе одну свою великую догадку: во всяком НЕЧТО имеется ЧТО-ТО.

Капитан закончил своё могучее рассуждение, и не успел я ещё осмыслить его, как на острове, на котором ничего не было, послышался какой-то шум, всхлипыванья, плач и сдавленный крик Пахомыча:

– Нашёл!

Глава ЛШ Ё моё

О Боже, Боже, Боже мой!

Спаси и сохрани нас, ищущих, не знающих что и видящих НЕЧТО, не понимая, что это такое!

Не во тьме,

не во мгле,

не в свете,

не в пустоте,

не в наполненности,

не в тумане и не в пелене, а только в том, что можно было бы назвать НЕЧТО, стоял наш старпом и кричал полушёпотом:

– Нашёл! Нашёл!

Сундучок с деньгами, полный свой расчёт и жалованье, он грубовато пнул пяткой и прижимал к груди найденное, какой-то белый свёрток или даже большой кулёк.

– Сахар, что ли? – сказал было Хренов, но тут же фрикусил безык.

Сэр Суер-Выер определённо растерялся.

Я лично видел, как пальцы его сжимались и разжимались, как будто искали что-то возле карманов брюк.

Находка старпома, очевидно, потрясла его, а может, ещё сильнее потрясла собственная догадка: там, где ничего нет, всё-таки что-то имеется или может вдруг зародиться, возникнуть и явиться перед нашим взором.

– Лафет! Лафет! – шептал капитан, нервничая пальцами у брюк.

Никто из нас никак не мог догадаться, о чём это бессознательно бормочет сэр, мы растерянно переглядывались, наконец меня осенило, и я пододвинул капитану пушечный лафет, на который он и присел в изнеможении.

Да, я понимал эту внезапную опустошённость и бессилие капитана. Порыв гнева измотал его до основания, великая догадка и находка старпома вовне осязаемого потрясли разум.

Он знал,
он догадывался,
он предвидел,
он ожидал и жаждал этого
и всё-таки был потрясён!

И все мы были потрясены, но, конечно, не с такой силой, ибо разум наш был форматом поменьше, пожиже, похилей. Жидкий разумом Хренов даже вынул фляжку из нательного пиджака и глотнул бормотухи.

– Шлюпку! – скомандовал я. – Шлюпку за старпомом!

Матросы во главе с Веслоуховым бросились выполнять команду, скинули шлюпку, заплюхали вёслами. Сэр Суер-Вьер благодарно сжал моё запястье. Рука у него была влажная, горячая и сухая.

Шлюпка повернулась, развернулась и вот уже двинулась обратно к «Лавру». На носу стоял старпом, полный смысла и одухотворённости. Белый свёрток он прижимал к груди.

Сундучок свой с деньгами он совершенно забросил, и остров, на котором ничего не было, запросто мог оказаться островом рублей, да матрос Вампиров в последний момент подхватил сундучок с собою в шлюпку, и остров остался в своём первозданном виде, если, конечно, не считать свёртка, везомого на «Лавра».

Торжественно взошёл на борт наш тёртый старпом и протянул находку капитану.

Суер принял её с поклоном, быстро развернул белые материи, и мы увидели младенца. Завернутый в одеяло, он спал, доверчиво прижимаясь к жёсткому кителю нашего сэркапитана.

– О! – восклицали мы. – О!

– У! – сказал Чугайло, тыча в младенца своим дубовым пальцем.

– А? – спрашивал лоцман Кацман.

– Э, – тянул мичман Хренов.

– Ы! – выпятился Вампиров.

– И, – хихикнул Петров-Лодкин.

– Е, – предложил стюард Мак-Кингсли, вынося поднос фужеров сахры.

– Ё, – добавил я, почесав в затылке. – Ё моё.

– Ю! – воскликнул капитан, догадываясь, кого мы заимели на борту.

Он поднял высоко находку, показывая команде, и тут уж младенцу ничего не оставалось, как немедленно проснуться, открыть глазки,

зевнуть,
почесаться,
потянуться,
сморщить носик,
нахмурить лобик
и отверзть уста:

– Я!

Глава LIV

Род

Скрип и шелест,
шлёп и гомон,
тыканье пальцами,
засаленные конфетки «Каракум», объедки пирогов с морковью, крики «тю-тю-тю» – всё это тянулось, вертелось и приплясывало вокруг капитана с ребёнком на руках.

Всякий мало-мальски приличный член экипажа строил харю, надеясь такую харю младенца развлечь.

Боцман же Чугайло скакал козлом, приставив ко лбу обгрызенные свои указательные пальцы:

– Идёт коза бодучая!!!

Без тени улыбки строгими серыми глазами рассматривал младенец нашу немытую публику.

В этой всеобщей галиматье первым пришёл в себя наш тёртый старпом.

– Поднять концы! – приказал он. – Отнять со дна грузилы и якоря. Подымите также чугунную рельсу, которую мы скидывали для усиления груза, а ту тыщепудовую гирию, которая усиливала рельсу, хрен с ней, можете не подымать!

Матросы быстро выполнили указ, лёгкий бриз подхватил паруса нашего фрегата, и мы самым благополучным образом понеслись, как обычно, на зюйд-зюйд-вест.

Старпом беспокойно оглядывался на остров, на котором ничего не было, и вид у него был тревожный, будто он чего-то украл.

И действительно, если вдуматься в смысл дела, в поступке старпома было что-то преступноватое: обнаружил младенца, схватил, уволок. А если оставил сундук с деньгами, так уж надо было его оставлять, а не передоверять Вампирову.

Спасибо, что лёгкий бриз быстро оттащил «Лавра» в сторону, да ведь и без тыщепудовой гири тащилось легче! Стал бы старпом раскидываться направо и налево тыщепудовыми гириями?! О, вряд ли! Старп чувствовал себя виновным.

В скором времени остров, на котором ничего не было, растаял за линией горизонта.

Младенец оглядел фрегат самым внимательным образом, осмысленно измерил глазом расстояние между мачтами, выпростал из-под одеяла ручонку, обвёл всё вокруг пальчиком и сказал своё первое слово:

– Лавр!

Подумавши, добавил:

– Георгиевич!

– Ну, едрить твои котелки! – закричали матросы. – Ну его к едрене фене! Какой смышлёный несмышлённыш!

Сэр Суер-Вьер всё ещё не мог прийти в себя, и мне пришлось взять на себя инициативу. Я поприветствовал малютку изысканным поклоном и сказал:

– Господин Ю! Каким образом вы угадали название фрегата?

Младенец трезво оглядел меня и отчётливо вымолвил:

– Дураку ясно, что это не крейсер «Аврора». Расстояние между мачтами указывает, что это и не фрегат «Паллада». Остаётся одно – «Лавр Георгиевич».

– Блестящее браво! – сказал я. – Позвольте ещё один, но, извините, не совсем скромный вопрос. Так вот, задолго до вашего появления на борту мы поспорили, какого рода буква «Ю». Хотелось бы узнать ваше мнение.

– Можете меня развернуть, – сказал молодой господин.

Мне стало неловко, и сэр Суер-Выер неодобрительно повёл плечом.

– Ну, тогда я сам развернусь, – сказал младенец. – Гипотезу надо доказывать. Тут дело научное.

Он развернулся, и все увидели, что в своё время я был неукоснительно прав.

– Очень хорошо, – сказал мудрый Суер, – я проиграл в споре. Однако любопытно, верно ли мой друг определил род и других гласных.

– С точностью до гранулы миллиграмма, – подтвердил милейший господин Ю. – Но мне и самому любопытно, – продолжал он, – сумеет ли наш друг определить и род всех согласных?

– Не думаю, что сейчас время подобных рассуждений и определений, – заметил Суер-Выер. – Согласитесь, мы только что нашли вас там, где ничего нет. Вас породило Нечто, а мы тут болтаем о звуках и о буквах. Нам бы сейчас задуматься о Великом Нечто, о Конце и, конечно, о Начале.

– В Начале было Слово, – улыбнулся младенец, – а в Конце, очевидно, Слова уже не будет. Но об этом мы ещё подумаем позже, а Слово, как известно, состоит из звуков, которые изображаются буквами. Не так уж важно, но любопытно определить род гласных и согласных звуков. Начинайте же, дорогой мэтр, а мы послушаем. Вначале только запретите матросам курить эти противные гаванские сигары из города Калязина.

Чугайло растолкал сигары по матросам, и я начал:

– Поверьте, я не тороплюсь. Всё, что я скажу, – это плоды долгих размышлений и тщательного взвеса на весах подсознания, сознания, знания и умения подмечать невидимое. В принципе я могу определить род букв, как латинских, так и американских, но сейчас речь идёт о буквах славянских, принятых в современном русском языке, определение рода которых я и предлагаю:

Б – мужского рода,

В – женского,

Г – среднего,

Д – мужского,

Ж – женского,

З – женского,

К – мужского,

Л – женского,

М – женского,

Н – среднего,

П – мужского,

Р – среднего,

С – женского,

Т – мужского,

Ф – среднего,

Х – женского,

Ц – среднего,

Ч – среднего,

Ш – женского,

Щ – мужского.

– Очень и очень много спорного, – сказал сэр Суер-Выер. – Почему «Х» женского рода? В чём дело? Почему «Щ» – мужского, когда видна явная баба? Не понимаю, не принимаю, требую массу уточнений и дополнительных доказательств. Нужна настоящая проверка!

– Извините, сэр, но как-то неловко задирать буквам юбки. Я слышу и читаю их рисунок.

Младенец господин Ю засмеялся и так говорил:

– В русском алфавите осталось только два знака, нерастолкованных вами. Это твёрдый и мягкий знаки. Скажите, пожалуйста, какого они рода?

– Дело проще пареной репы. Твёрдый знак – женского, а мягкий – мужского рода.

– Bravo! – воскликнул младенец-господин. – Позвольте закончить дело таким философским пассажем: правы все мы, так или иначе воспринимающие букву-звук, для кого она – среднего, для кого – женского, для кого – мужского рода. В этом истина. Каждая буква несёт в себе единство трёх родов, триединство. Все три рода в одной букве! Поэтому-то каждая буква – гениальна! А теперь давайте займёмся тем, для чего созданы буквы.

– Чем же это? Чем? – спрашивал поражённый нашей философией старпом.

– Буквы созданы для того, чтоб ими играть. Давайте поиграем: пусть каждый член экипажа назовёт свою любимую букву.

– А! – ахнул старпом. Он отделался первым и свободно вздохнул. Кроме того, ясно было, что эта открытая буква соответствует его прямой натуре. За ним покатались и остальные буквы и персонажи, пока не доехали до «З». Никто не решался её полюбить. Я даже не знаю почему. Какая-то заминка в подсознании.

– Зе, – заявил наконец матрос Зализняк.

– И, – икнул механик Семёнов.

– Й, – икнул вслед за ним и Хренов.

– Вот это уже совсем непонятно, – сказал Суер-Выер. – С чего это вы, Хренов, любите «и» краткое?

– А что, разве нельзя, кэп?

– Можно, но непонятно. Объяснитесь.

– Видите ли, кэп. Я эту букву обожаю, потому что с неё ничего никогда не начинается. С других букв как начнут, как поедут, а тут всё спокойно, душа не болит.

– Прекрасно, – сказал капитан, – но доиграем в другой раз. Меня интересует, что делать с этим младенцем. Надо найти ему место. Кем он, собственно, будет числиться?

– Юнгой! – крикнул младенец.

– Да, друг, – сказал Суер, обнимая меня, – когда НЕЧТО породило младенца – это было гениально! И даже пока он рассуждал на своём уровне, всё было неплохо. Но вот он превращается в юнгу! Нечто породило юнгу! Кошмарный сон! Вот она, настоящая пониженная гениальность! НЕЧТО – и вдруг какой-то юнга, фырк, бырк, тюрк, шурк, кунштюк. О горе нам! НЕЧТО порождает нечто!

Главы LV–LVI

Крюк

Младенец-господин-юнга-Ю соскочил с бочки, сбросил одеяло и, оказавшись нагим, заявил:

– Я наг, сэр! Где ваш кастелян?

– Спился! – гаркнул Чугайло.

– И где теперь?

– Утопили!

– Подать ему тельняшку и штаны, – приказал старпом.

Боцман сбегал в рундук, притащил тельняшку, усевшую после многотысячных стирок, и выполосканные до предела брюки клёш.

Младенец облачился, превратился в юнгу и тут же принялся скакать и летать, как воробушек, по мачтам.

– Какое счастье! – кричал он. – Теперь я юнга! Я всю жизнь об этом мечтал! Быть юнгой на таком великом корабле, как «Лавр Георгиевич», под водительством сэра Суера-Выера!

Гениальная судьба для молодого человека! НЕЧТО породило юнга! Пусть оно и дальше порождает юнг, кассиров, трактористов и парикмахеров. Впрочем, вы немного ошиблись, капитан. Меня породило не НЕЧТО. Мою маму зовут Гортензия, а вот папа... действительно неизвестен. Не знаю, где папа, не знаю. Может быть, и найдётся на островах Великого Океана!

– Госпожа Гортензия говорила, что вы на острове цветущих младенцев, а мы обрели вас совсем в другом месте.

– Вы знаете, – сказал юнга, – эти цветущие младенцы обрыдли мне до невозможности! Толстощёкие и круглопузые, вечно они ссорятся из-за трёхколёсных велосипедов, я и перебрался в другое место. К тому же я был там самым худосочным и слабеньким. Они все обжираются самым бессовестным образом, едят всё подряд – и колбасу, и сардельки, курятину и сыр пошехонский, а мне всё капуста отварная, овсянка да овсянка – аллергия, сэр, диатез.

– Странно даже, что у такой могучей мамы столь худосочное дитя, – заметил Суер.

– Вы имеете в виду шесть грудей? – засмеялся мальчик. – Ну и что? Ведь в них содержится только смысл, а вовсе не здоровье.

– Какой же смысл?

– Ну, в данном случае:

РАЗУМ,

ДОБРОДЕТЕЛЬ,

ВЕЗЕНИЕ,

ПРЕДВИДЕНИЕ,

ОСТОРОЖНОСТЬ и, к сожалению,

ТРУСОСТЬ.

Увы, последняя, шестая грудь немного меня разочаровала, да ещё эти цветущие младенцы здорово напугали своими игрушками и криком, а так, в остальном, я в порядке.

– Странно, – сказал капитан. – Какие необычные качества. А где же ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ?

– У меня их нету, – просто ответил юнга. – К тому же вовсе не у всех они встречаются. Большинство вскормлены двугрудыми мамами, так что в каждом человеке есть всего два качества – у всех разные, но всего два. Не буду называть имён, но и здесь, у вас на борту, я наблюдаю людей, в которых соединяются порой самые разные и странные качества:

в одном – ЖАДНОСТЬ И ЛЮБОПЫТСТВО,

в другом – БЕДНОСТЬ И ПОРОК,

в третьем – ГЛУПОСТЬ И ВОЗВЫШЕННОСТЬ ДУШИ,

в четвёртом – ЛЮБОВЬ И МЕЛОЧНОСТЬ,

в пятом – ПРОЦВЕТАНИЕ И КРЮК.

– Гм, гм, гм, – прервал капитан. – Крюк?

– Именно крюк.

– Но крюк – это не качество, это предмет.

– Предмет? Какой предмет?

– Вы что, никогда не видели крюк?

– Не видел, только чувствовал в других.

– Боцман, покажите юнге крюк.

– Извините, сэр, – подскочил Чугайло, – какой крюк?

– Всё равно... какой-нибудь крюк, да и подцепите на него что-нибудь.

– Чем подцепить, сэр?

– Чёрт вас побери, чем угодно, лебёдкой, краном, провались пропадом!

Боцман заскакал по палубе, двигая подзатыльниками направо и налево:

– Живо! – орал он. – Тащите сюда крюк! Шевелись, скотина!

Матросы забегали по судну в поисках крюка. Найти им, кажется, никакого крюка не удалось.

– Извините, сэр! – задыхаясь, крикнул боцман. – Крюка нету!

– Как это нету?

– Нигде нету, сэр!

Тут боцман подскочил к матросу Вампирову и врезал ему по зубам:

– Где крюк, сука?

– Да не брал я, не брал!

– А кто брал? Говори!

– Не скажу, – процедил Вампиров.

Боцман уж и скакал, и орал, и дрался, сулился рублем – матрос молчал.

– Пытать его! – орал боцман. – Тащите скуловорот!

– Пусть кэп прикажет, – сказал наконец матрос. – Тогда скажу.

– Говорите, матрос, – приказал Суер-Вьер. – Кто взял крюк?

– Извините, сэр, но это вы взяли.

– Я? – изумился капитан. – Когда?

– Две вахты назад, сэр. Я как раз драил рынду, когда вы выскочили из каюты с криком: «Я вижу истину!» Схватили крюк, привязали его на верёвку и стали шарить в волнах океана и сильно ругались.

– Не может быть, – сказал Суер. – Я ругался?

– Сильно ругались, сэр! «Никак не подцепляется, зараза!» – вот вы что говорили. А я ещё вас спросил, что вы подцепляете, а вы и сказали: «Да истину эту, ети её мать!» Так и сказали, сэр!

Сэр Суер-Вьер мрачно прошёлся по палубе.

– Все по вахтам! – приказал он.

Грознее тучи ходил капитан, и я не знаю, чем бы кончилось дело с этим крюком, если бы вперёдсмотрящий Ящиков не крикнул вдруг:

– Земля!

Глава LVII Название и форма

Две крутобёдрые скалы выросли вдруг перед нами из крошечных пучин.

Валунный перешеек объединял их в одно целое, но волны, набегаая, то и дело разъединяли их. То соединят, то разъединят, то соединят, то разъединят...

– Какой-то остров соединений и разъединений, – хмыкнул Хренов. – Всё это напоминает мне простую коно...

– Хватит, Хренов, – резко прервал капитан. – Никого не интересует, что это вам напоминает. А если потомкам будет любопытно, что именно мичман Хренов называет «простой коно...», пусть сами догадываются.

Пристать к этому острову, состоящему из двух скал, было невозможно. Разбиваясь о каменные подошвы, волны рокотали как-то особенно, и казалось, что они толкуют о чём-то, бормочут и разговаривают.

Наш корабельный священник Фалл Фаллыч, которого матросы по простоте душевной называли чаще Пал Палычем, умиленно вслушивался в смысл гортанной морской речи.

– Вот-вот запоют, родимые, – шептал он, – ангельские песни... Капитан, вы столько понаоткрывали островов, а я всё в кают-часовне, из кают-часовни в кель-каюту, разрешите и мне открыть вот этот остров и дать ему название.

– Вообще-то, батюшка, – сказал капитан, – ваше возникновение несколько неожиданно. Мы даже и не подозревали, что вы на борту. Но раз уж вы возникли – открывайте, мы не возражаем. Но назвать остров пока трудно. Мы не знаем, кто на нём живёт и что вообще здесь происходит.

– Это не важно! – сказал Фалл Фаллыч. – Я по наитию!

– Валяйте, батя, – сказал капитан.

– Это очень просто, – сказал Фалл Фаллыч. – Назовём его **ОСТРОВ РАЗГОВОРА ДВУХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ БРАТЬЕВ С НЕБОМ**.

– Шикарно, – сказал капитан. – Тонко и умно, но не длинновато ли? И где вы видите равноапостольных братьев?

– Да вот они, две эти вечные скалы. Они и объясняются с Небом посредством бурления вод, рокота пенных волн, пения звонкой гальки.

– И вы уверены, что они разговаривают с Небом? А может, между собой?

Фалл Палыч прислушался, вытянув шею к равноапостольным скалам.

– Они толкуют о любви и вере, – сказал он, – о страсти и грехе. В их речах звучит очень много философских размышлений. Да, они говорят между собой, но Небо их слышит!

– Назовите просто: **ОСТРОВ РАЗГОВОР**.

– А насчёт равноапостольных братьев?

– Опустите, батюшка, от греха, да и не поймёшь, кто тут из них Кирилл, кто Мефодий.

– Разговор, – сморщил носик Пал Фаллыч. – Фю, фю... Диалог! Вот слово! Где мой жезл? Длиннющий жезл с острым наконечником и набалдашником, украшенный золотом и камнями – слава богу, не крюк! – быстро нашёлся и с поклоном был подан служителю культа.

Надо сказать, что к этому торжественному моменту на палубе собралась вся команда. Все с интересом ожидали, как наш поп станет нарекать и открывать остров.

– Слушай меня, о Остров! – сказал Фалл Фаллыч и возложил с борта на берег свой могучий жезл. – Нарекаю тебя: **ОСТРОВ ДИАЛОГ**. А вы, о Скалы, говорите между собой о вере и страсти, о добропорядочности и о вечном блаженстве, о высокой нра...

– Хорош, – прервал священника капитан. – Хватит, батя, нарекли – и достаточно, и закончим на высокой нра... и пускай потомки думают, что это такое. Название «Остров диалог», конечно, никуда не годится, и мне придётся из всей вашей речи вычленить действительно сильное название. Итак, этот остров называется – **ОСТРОВ ВЫСОКОЙ НРА...**

Глава LVIII

Драма жизни¹¹

Между тем на левой скале что-то закрипело, открылась дверь из пещеры, и на свет божий вышел человек в брюках с карманами и в пиджаке без карман.

Он стал потягиваться,

крякать,

зевать,

протира́ть очи,

икать,

чесаться по всему телу и в затылке,

хлопать себя по лбу,

ковырять в носу,

хвататься за сердце с криком: «Корвалолу!»,

сморкаться,

---

¹¹ Великому другу, названому брату Виктору Белову посвящается.

чихать,
пердеть так, что с гор срывались камни,
и выделять разные прочие номера и коленца.

Мы только надеялись, что он не заблюет, но он вполне скромно поссал в пролив.

Короче, человек этот не был похож на равноапостольного брата, потому что явно был с похмелья. Даже с борта нашего фрегата чувствовался могучий запах прерванного сном богатырского перегара.

На другой же скале, как раз напротив, открылась другая дверь, и новый из пещеры явился человек. У этого карманов на брюках не было, карманы были на клетчатом жилете, а в руках он держал рентгеновский снимок, который с интересом разглядывал против солнца.

– Ты ль это предо мною, Гена? – крикнул Похмельный.

Гена не отвечал.

Рентгеновский снимок занимал его внимание чрезмерно. Гена хмыкал и прищуривался, разглядывая его, шептал себе под нос: «Ой-ёй-ёй!», детально изучал какие-то детали и хватался иногда за свои собственные кости. Глянет на снимок, почешет во лбу – и хват за ту самую кость, что увидел на снимке.

– Ты ль это предо мною, Гена?

Гена молчал, нервно трогая берцовую свою кость. Она его чем-то явно не устраивала, то ли величиной, то ли прочностью.

– Ты ль это предо мною, Гена? – яростно уже закричал Похмельный, и только тут Гена оторвался от плёнки.

– Да, это я, – ответил он. – Иду с рентгена.

И тут перед нами была разыграна величайшая драма жизни, которую возможно записать только в драматических принципах письма. То есть вот так:

Басов и Гена

(пьеса)

Басов. – Ты ль это предо мною, Гена?

Гена. – Да, это я. Иду с рентгена.

Басов. – Туберкулёз?

Гена. – Да нет, пустяк.

Ходил просвечивать костяк.

Вот погляди на плёнку эту.

Что видишь?

Басов. – Признаки скелету!

Ужели этот строй костей —

Твоих вместилище страстей?

Гена. – Да, это так!

Зимой и летом

Я этим пользуюсь скелетом.

Басов. – Ну, друг, с такую арматурой

Широкой надо быть натурой!

Пойдём в киоск «Вина-Воды»,

Ведь протекают наши годы!

Гена. – Да, всё течёт!
И с каждым летом

Вместе. – Всё больше шансов
Стать скелетом!

С этими мрачными словами други – а назвать их можно было только так – други! – обнявшись, удалились за каменные кулисы.

Бурные аплодисменты потрясли фрегат, многие плакали, шупали друг другу кости, пробовали на прочность лбы и колени.

Великие артисты много раз выходили на поклон, выскакивали с книксенами в коленях.

Мы просили сыграть спектакль ещё парочку раз, и они с наслаждением его повторяли, причём каждый раз играли всё лучше и лучше, и на восемнадцатый, по-моему, раз заключительные строчки: «Всё больше шансов стать скелетом!» – орал уже в диких конвульсиях, подающих, правда, надежду на скорую встречу с кагором.

Наконец Басов сказал:

– Мы можем разыграть ещё один спектакль, только бабу нужно. У нас в труппе была заслуженная артистка, да теперь играет в Театре Советской армии. Савельева Рая. Не видали? У вас-то на корабле есть хоть какая баба?

– Да есть одна, в одеяле завёрнутая. Ни за что не согласится.

– Это в артистки-то сходить не согласится?

К удивлению, мадам Френкель действительно выперлась на палубу, в одеяле женского цвета, в клеточку, усыпанную конскими каштанами. Одеяло это элегантно подчёркивало её многообразную фигуру.

– Перебирайтесь на берег, мадам.

– Да ладно, чего там, я и отсюда сыграю.

– Да ведь надо выучить роль.

– Знаем роль. Я этот спектакль сто раз видела, правда в постановке Петра Наумовича.

– Как, вы знаете великого Фоменко?

– И не один раз, – с достоинством ответила поднаторевшая на «Лавре» мадам.

И они сыграли спектакль. Басов – на своей скале, Гена – на своей, а мадам на палубе нашего фрегата.

Глава LIX Судьба художника

Начал дело Гена, который, как мы поняли, был великий мим.

Во всём спектакле он не сказал ни слова, ибо изображал великого художника. Это была немая преамбула, чистая пластика, шарм.

Он писал картину, накидываясь на холст,

ломая кисти,

скрипя зубами,

тщательно размешивая краску

на палитре,

сипел,

хрипел,

смазывал изображённое пятернёй,

взъерошивал волосы,

глядел на холст в кулак,

поворачивался к картине задом и глядел
на неё между ног,
тёр картиной землю,
с дикими скачками, гримасничая
и кривляясь, выл, когда получался удачный мазок,
рвал на себе
волосы от малейшей неудачи,
пытался повеситься на мольберте,
но срывался,
много раз плакал,
разрезал холст, но потом всё аккуратно заштопал,
хохотал от счастья и катался по земле от восторга,
снова всё затирал и начинал сначала,
закалывался кистью,
грыз палитру,
мочился под мольберт,
отбегал от картины на пять шагов и, зажмурившись,
кидался на неё,
растопырив кисти, как бык рога,
в общем, это был тяжелейший поединок гения и культуры.
Наконец он отошёл от картины, опустив голову.
Он победил, он выиграл великий поединок.
С этого момента и началось то, что можно написать в виде
Басов и Зоя
(пьеса)

Басов. – Под вечер на лугу
Усталый Верещагин
Кисть опустил
И сделал шаг назад.

Зоя. – Кисть опустил
Усталый Верещагин
И сделал шаг назад
Под вечер на лугу.

Басов (*раздражаясь*). – Да, шаг назад!
Но боже! Сколь огромный
Обычный шаг назад
Дал миру скок вперёд!

Зоя (*восторженно*). – Обычный шаг назад,
Но боже! Сколь огромный
Тот шаг назад
Дал миру скок вперёд!

Басов. – Слова мои, зараза, повторяешь?
Ты вдумайся в значенье этих слов!

Зоя. – Дай мармеладу, Басов!

Басов. – Мармеладу?

Зоя (*твёрдо*). – Да, мармеладу!

Басов (*гневно*). – Мармеладу дать???!!!

Зоя (*к публике*). – Он мармелад для женщины жалеет!

Басов. – Ты что сказала, стерва? Повтори!

Зоя. – Под вечер на лугу
Усталый Верещагин
Кисть опустил
И сделал шаг назад.

И снова шторм аплодисментов, крики «браво» с ударением на оба слога и комментарии:

– А ведь не дал мырмилату (Чугайло).

– А чего она повторяет! Думай сама! (старпом)

– Я бы дал, если б она дала! (Фалл Фаллыч)

– Кисть рано опустил (Суер).

– Но всё-таки Верещагин сильно писал черепа! Молодец! (Петров-Лодкин)

Пока мы все так комментировали, на сцене разыгрался второй акт.

Басов и Зоя

(*второй акт пьесы*)

Басов. – Ну всё!
Теперь конец!
Теперь терпеть не буду!
Теперь я не дурак!

Зоя. – Молчи!

Басов. – Теперь конец!
Теперь я не дурак!
Теперь терпеть не буду!
Был круглым дураком!

Зоя. – Молчи!

Басов. – Терпел всю жизнь!
Теперь я не дурак!
Терпеть?
Теперь не буду!
Теперь я не дурак!
Теперь...

Зоя. – Молчи, говно!

Глава LX

Иоанн Грозный убивает своего сына¹²

– Мысленно обнимаю вас, друзья, – говорил Суер, растроганно благодаря актёров. – Мысленно посылаю вам море цветов. Меня поражает, как правильно мы назвали остров. Вижу, ясно вижу очень много высокой нра... на ваших берегах. А теперь сыграйте нам последнюю пьесу, и пусть это будет про Ивана Грозного. Нам известно, что эта великая вещь, не испорченная Шекспиром, имеется у вас в репертуаре. Сыграйте же, а мы незаметно отплывём, не прощаясь, по-английски...

Иоанн Грозный убивает своего сына

Трагедия

(Сцена представляет собой интерьер знаменитой картины Ильи Ефимовича Репина. СЫН сидит на ковре, играет. Врывается ИОАНН ГРОЗНЫЙ. Он быстр в бледном гневе.)

Сын. – Отец! Что с вами?

Иоанн. – На колени!

Сын. – За что?

Ну ладно.

Стою.

Вот.

Иоанн. – Подлец!

Сын. – К чему такие пени?

Иоанн. – Ты обесчестил честь мою!

Сын. – Отец!

Не надо жезла трогать!

Не троньте жезл!

Пускай стоит!

Зачем вам жезл?

Ведь даже ноготь

Десницы царской устршит!

Как нынче грозны ваши очи.

Слепит сиянье царских глаз.

Оставьте жезл, отец!

Иоанн. – Короче!

Меня ты предал!

Сын. – Предал? Аз?

Иоанн. – Ты продал душу супостату!

---

¹² Юрию Визбору – другу души моей, которого всегда угнетала судьба сына и веселила бодрость отца.

Стал отвратительным козлом!

Сын. – Оставьте жезл!
Прошу вас, тату!
Отец!
Не балуйте жезлом!

Иоанн. – Ты без ножа меня зарезал!
Засранец!

Сын. – Батя!
Бросьте жезл!

Иоанн. – Не брошу!
Понял???

Сын. – Батя!
Бросьте!

Иоанн. – Ты строил козни мне назло!

Сын. – Отец! Неловко!
В доме – гости...

Иоанн. – Засранец!

Сын. – Батя!
Брось жезло!..

Кровь
Занавесь

Глава LXI

Остров, обозначенный на карте

– Вы знаете, капитан! – воскликнул однажды утром лоцман Кацман. – Мы совсем неподалёку от острова, обозначенного на карте! Всего каких-нибудь десятков морских миль. Может, заглянем, а? А то мы всё время открываем острова необозначенные, можно ведь и на обозначенный иногда поглядеть.

– Вообще-то, здравая мысль, – согласился сэр Суер-Вьер. – А как он называется?

– Что? – спросил Кацман.

– Остров как называется?

– Понимаете, сэр, остров-то на карте виден, а вот название заляпано.

– Чем ещё, чёрт возьми, заляпано?

– Хреновым, скорей всего. Не карта, а лошадь в яблоках.

– Не знаю, – сказал Суер, – стоит ли заглядывать на этот остров. На карте он обозначен, а название неизвестно.

– Да вы не беспокойтесь насчёт названия, сэр, – сказал Кацман. – Мы ведь только на остров глянем – враз догадаемся, как он называется.

– Ну ладно, заглянем на этот остров, – сказал Суер. – Посмотрим, стоило ли, в сущности, его на карте обозначать. Сколько там до него, лоцман?

– Теперь уж всего два лье, сэр.

– Это недалеко. Возьмите льевей, старпом!

– Льево руля! – крикнул Стархомыч.

– Не понимаю, в чём дело, – сказал капитан. – Заснул, что ли, вперёдсмотрящий? Остров давно должен быть виден.

– Ящиков! – гаркнул боцман. – Спишь, сучья лапа?

– Никак нет, господин боцман. Смотрю!

– А чего ж не орешь «Земля! Земля!»?

– Не вижу!

– А ты протри очко, кобылий хрящ!

– Да вы сами посмотрите, – обиделся вперёдсмотрящий. – Не видать же ничего.

Мы посмотрели вперёд, но, как и Ящиков, земли нигде не заметили. Болталась на воде деревянная посуда, в которой сидели два каких-то морских хвоща.

– Где же остров? – удивлялся лоцман. – Долгота и широта совпадают, а острова нет!

– Эй, на лодке! – крикнул в мегафон старпом. – Где тут у вас остров?

– Какой остров? – спросили хвощи.

– Да этот, обозначенный на карте.

– А как он называется?

– Да не поймешь. У нас на карте название чем-то заляпано.

– А-а... так это вы не волнуйтесь, – отвечали с лодки. – У этого острова на всех картах название чем-то заляпано. На нашей тоже.

– А как же он называется?

– Да хрен его знает, название-то заляпано.

– Ну ладно, – сказал старпом, – заляпано так заляпано, а где сам-то остров?

– Остров-то? Да вы мимо проехали.

– Как это – проехали?

– Уж это мы не знаем, а только проехали. Остров-то лежит вон там, поправее.

– Разворачивайтесь, старпом. Давайте на правый галс.

«Лавра» развернули, прошли ещё парочку лье туда-сюда, туда-сюда. Никакого острова видно не было. Только в лодке сидел какой-то лопух в кепке.

– Эй! – крикнул старпом. – Где тут у вас остров?

– Да ничего, – отвечал лопух, – берёт помаленьку.

– Остров, говорю, где?

– На червя, конечно, – отвечал в кепке, – а бывает, и на голый, бля, крючок. Да вы сами попробуйте.

– А где остров, у которого название заляпано?

– Но мелочь, бля, замучила... тырк-тырк-тырк... за кончик дёргается, а взять не может... драть и драть...

– Господин лоцман, – сказал капитан, – это была ваша идея – заглянуть на остров, обозначенный на карте. Где он?

– Не знаю, сэр! Тут должен быть, а его нету. Не замыло ли?

– Что за хреновина? – возмутился капитан. – Название заляпали, остров замыли!

– Не знаем, сэр, – оправдывались мы. – Бывает и такое! Погодите, вон ещё одна лодка.

Давайте спросим.

Мы приблизились к лодке, в которой сидели три на вид вполне благоразумных монстра.

– Господа! – крикнул старпом. – Где тут у вас остров, обозначенный на карте, у которого название заляпано?

– А, вон вы чего ищете, – отвечал старшой. – А мы-то думаем, чего это вы взад-вперёд катаетесь? А вы остров ищите! Ага, вон чего! Так вы его проехали, вам поправее надо, а после налево взять, тут увидите – лопух сидит в кепке, врёт, что мелочь замучила, у самого в рундуке вон такие лапти лежат! От него всё время прямо, потом круто налево – и увидите двух ещё харь вроде хвощей, вот у них точно мелочь, а они врут, что у них на карте тоже заляпано. У них-то как раз и не заляпано. Они точно название знают.

– Ну и какое же это название?

– Так мы не знаем. У нас-то заляпано.

– А эти-то что, не говорят, что ли?

– Не говорят. Сами пользуются, жлобы!

– Ну а сам-то где остров?

– Да вы его проскочили. Назад ворочайтесь.

– Всё, – сказал капитан. – К чёрту этот остров! Возвращаться никуда не будем! Полный вперёд!

Глава LXII Капитанское пари¹³

Мы проплыли ещё немного вперёд, проскочили мимо тех двух жлобов, у которых на карте название было, и довольно скоро увидели впереди обширнейший остров.

Издали заметны были богатые подвалы и крепостные рвы, капитальные фундаменты, выгребные ямы, оросительные системы, каналы.

Встречать «Лавра Георгиевича», вошедшего в гавань, высыпало много островитян, сильно напоминающих эдаких мгребо-индюков. У которых был весьма и весьма зажавшийся вид.

– Извините, господа, – сказал капитан, когда мы высадились на берег, – ваш остров обозначен на карте?

– О, нет! О, нет! Что вы, капитан! Ни в коем случае! Мы ни за что не желаем обозначать наш остров.

– А не тот ли это остров, название которого заляпано?

– Нет-нет-нет! Тот остров, название которого заляпано, вы проплыли.

– Ну и как же он называется?

– А мы не знаем. На нашей карте его название тоже заляпано.

– А ваш-то остров как называется?

– А вы никому не скажете?

– Клянусь! – сказал сэр Суер-Вьер, совершенно измученный всеми этими трудностями.

– Пожалуйста, сэр. Никому не говорите и не обозначайте наш остров на карте.

– Ну и? – спросил Суер-Вьер.

– Что «ну и»? – спрашивали островитяне.

– Как он называется?

– Сэр, мы боимся вас напугать.

– Да что вы, ей-богу, говорите, пожалуйста, я вас прошу. Мы устали с этими названиями...

– Хорошо, капитан, не волнуйтесь...

– Да я не волнуюсь, говорите скорей.

– Приготовились?

– Да-да-да! Да!

---

¹³ Николаю Силису, моему великому другу.

– Ну так слушайте. Это ОСТРОВ, НА КОТОРОМ ВСЁ ЕСТЬ.
– Как то есть ВСЁ ЕСТЬ?
– Ну всё, абсолютно ВСЁ.
– И это не тот остров, название которого заляпано?
– Да нет же, капитан. У нас название есть, но самого острова нет на карте, а у тех название заляпано. Ясно?

– Ну и что у вас есть?
– Всё-всё. Абсолютно.
– Шахматы и каштаны?
– Есть.

– Женщины,
лошади,
подтяжки,
сухофрукты,
водка,
вкусная жратва,
керосиновые лавки,
мебель,
канделябры,
кокаин,
мольберты,
дети,
скульптура?
– Есть.
– Самовары,
очки,
шоколадные изделия,
брёвна,
ювелирные мастерские,
обменные бюро,
тёщи,
факиры,
носки?

– Есть. Есть всё это, сэр. Вы особо не утруждайтесь, не напрягайте мозги. У нас есть всё.
– И вы всё это можете нам дать?
– Дать? Почему это дать? Продать можем.
– Покажите товар, – сказал сэр Суер-Вьер, и нас повели по лавкам.

На этот раз досточтимый сэр отпустил на берег весь экипаж. Матросам пора было поразвлекаться, купить кто что мог по своим карманным возможностям.

На «Лавре» капитан всё-таки оставил дежурного. Дежурить неожиданно вызвался боцман Чугайло.

– А ну их на хрен, – говорил он. – У меня тоже всё есть! Не пойду, подежурю, только уж вы, сэр, потом мне два отгула, пожалуйста.

– О чём речь, господин Чугайло. Два отгула – две вахты, слово капитана!

Чугайло остался на борту, ну а мы – их! – покатили по местным ларькам и керосиновым лавкам.

Многие, многие из нас тогда кой-чего купили.

Кацман купил два фейерверка.

Старпом Пахомыч – запасной форштевень для «Лавра».

Сэр Суер-Вьер хотел было купить третью частичку для своей фамилии, чтоб получилось Суер-Вьер-Дояр, но мы отсоветовали: дороговато, и по вкусу нам не подходит.

Мичман Хренов купил специальную клизму с хрустальным горлышком-раструбом. Этой клизмой, оказывается, собирают случайно пролитые из рюмок на стол напитки. Полезный и дорогостоящий прибор. Он потом сильно себя оправдал.

Механик Семёнов купил было пассатижи, которые давно потерял, да тут случился конфуз.

Продавец уже взял деньги, сунул их за пазуху и крикнул:

– Эй, Пассатижи!

Тут из подсобки вышел приземистый человек с жуткими плоскими челюстями.

– Чего, – говорит, – такое?

– А ничего. Тебя просто купили. Вот этот самый господин. Служи рачительно!

– Слушаюсь, товарищ продавец!

– Как?! – напугался Семёнов. – Это пассатижи?

– Ну конечно, – сказал Пассатижи. – Зажать, отвернуть, придержать.

И он схватил зубами какую-то водопроводную гайку и мигом открутил её от трубы, хотя и та и другая заросли ржавчиной, как пни опятами.

– Я и за гаечный ключ могу, за шведский, – пояснил Пассатижи.

– Да ну вас к хренам! – сказал Семёнов. – Вертайте деньги! Я хотел нормальные пассатижи, а вы чёрт знает что подсунули.

– Но это же гораздо лучше, – уверял продавец. – Значительно удобней, и не надо прилагать усилий.

– Гони деньги! Я думал, нормальные пассатижи, а так-то я и сам могу.

И он зажал зубами ту же гайку и навинтил её обратно на трубу.

Мадам Френкель долго торчала в ларьке с одеялами и не выдержала, купила всё-таки хорошее верблюжье покрывало.

Матрос Вампилов купил ухо кита.

Петров-Лодкин – стеклярус.

Вперёдсмотрящий – ящик пива.

Рулевой Рыков купил румпель, а румпелевой Раков купил руль.

Суперкарго Пердоний Пердюк купил водки верблюжий курдюк.

Матрос Веслоухов – полкило ложных слухов.

Кок Хашкин купил чулок милашкин.

Кочегар Ковпак купил папаху-колпак.

Валет трэфовый купил жилет пуховый.

– Откуда он взялся? – недоумевал Суер-Вьер.

– Кто?

– Да этот вон валет.

– А, – сказал Кацман, – это из моей колоды. Выскочил – и покупать.

Сэр Суер-Вьер присмотрел себе неплохую курительную трубку: ничего особенного, но – чистый вереск, удобный мундштук. Туда-сюда – дороговато.

– Послушайте, – сказал Суер островитянам, – мне хочется иметь эту трубку. Может, подарите?

– Извините, сэр, мы вас уважаем, но трубку продаём. Если вы, конечно, купите трубку, то мы бесплатно добавим вам ёршики, чтоб её чистить.

– А табачку?

– А табачку, извините, сэр.

– Хорошо, – сказал Суер. – Итак, вы говорите, что у вас на острове всё есть? Не так ли?

– Это так, сэр, – печально почему-то отвечали зажавшиеся островитяне.

– Предлагаю пари, – сказал Суер-Вьер. – Я называю ТО, чего у вас на острове нет, и ставлю свой капитанский краб против этой трубки. Подчёркиваю: краб чистого золота.

– Не стоит вам спорить, сэр, – не советовали островитяне. – Мы понимаем, что вы сейчас назовёте какую-нибудь нравственность или чистоту помысла. Не трудитесь, сэр, и это всё у нас есть. У нас есть все предметы, существующие на земном шаре и вне его, есть все понятия и качества, не говоря уж о животных и растениях, есть все веры и нации, все горные хребты, моря и реки. И всё это умещается, потому что есть и четвёртое измерение! Есть всё, сэр! Всё! Абсолютно всё! Берегите кокарду, сэр, и поверьте, мы вас очень уважаем и подарили бы трубку, но принципы, чёрт их подери, у нас тоже есть.

– Пари! – настаивал капитан.

– С нами многие спорили, – устало уговаривали островитяне. – То что-нибудь из космоса завернут, какую-нибудь Туманность Андромеды, то из отвлечённых материй. Чепуха это. У нас есть всё. Понимаете?

– Пари.

Продавец трубки между тем посматривал на капитанскую кокарду-краба с немалым интересом. Чем больше он на него глядел, тем больше хотел выиграть.

– Да что вы отговариваете, – говорил он своим согражданам. – Пускай играет. Пари есть пари. Я принимаю вызов. Пускай он шепнёт мне на ухо, чего У НАС НЕТ, и все дела. Давай спорить. Пусть кто-нибудь разобьёт.

Он выставил свою потную ладонь, и Пахомыч разбил спорящих.

Сэр Суер-Вьер наклонился и что-то шепнул на ухо продавцу.

Тот побледнел, схватился за сердце и вяло протянул капитану трубку.

– Вы выиграли, – сказал он.

Под гром оваций мы погрузились на корабль, отдали концы и отплыли от острова. На борту мы, конечно, сразу пристали к Суеру, чтоб рассказал, как выиграл пари.

– Ну что вы сказали, кэп? Ну интересно же?

– Неужто не догадываетесь? – веселился уважаемый сэр.

– Никак нет, не догадываемся.

– Да всё очень просто, – пояснял Суер. – Я сказал ему: У ВАС НЕТ БОЦМАНА ЧУГАЙЛЫ.

Глава LXIII Надписи на верёвке¹⁴

Боцман Чугайло вначале даже не понял, в какой изумительной выступил он роли, и толковал о двух отгулах за дежурство.

Когда же немного стал соображать, повёл речь и о третьем.

– Ну что, Хомыч, – спрашивал капитан, – дадим третий отгул?

– Не убеждён, – упрямылся старпом, – за что, собственно? За вашу гениальность? Нет. Он не заслужил.

– Вы старпом, вам и решать.

Не получивший третьего отгула боцман страшно разъярился.

– Мною трубки выигрывают! – кричал он с топотом. – А мне отгулов не дают! Я – высокая вещь, одна на всём свете, а мне отгула не дают! Такой вещи, как я, нету даже на острове, на котором всё есть! Абсолютно всё есть, а меня нету!

А меня нету! А меня нету!

Нету Чугайлы у них ни хрена!

---

¹⁴ По-морскому, вообще-то, не «верёвка», а «конец», но многие сухопутные название главы могут не так понять.

Нету Чугайлы у них ни хрена!

Бедный я, бедный! Меня тама нету, а мне отгула не дают!

Не дают! Не дают!

А трубку курят!

Курят!

Курят!

А я тут дежурю так, что жилы лопаются, а мне отгула не дают!

В арбитраж!

Мы просто не знали, как его унять.

То он требовал третьего отгула, то вознаграждения, то хоть рюмочку портвейна, то золотые горы, то лошадь, то саблю, то коня. Надоел ужасно.

Пока он прыгал, пел и плакал, мы не заметили, что за нами увязалась шкуна без опознавательных знаковых систем под чёрными парусами.

На ней вдруг появилось пороховое облако, и чугунное ядро взрыло нос перед нашим «Лавром». И потом уж грохнула пушка.

– Звук выстрела долетает позже, – неожиданно пояснил мичман Хренов.

– Чу! – цыкнул капитан, и Хренов поник.

На шкуне по верёвкам побежали разноцветные флажки, которыми было написано:

ОТДАЙТЕ НАМ БОЦМАНА ЧУГАЙЛО.

Капитан велел принести флажков и пустить по верёвке такую надпись:

А ЗАЧЕМ?

В ответ написали:

НАДА.

Капитан велел:

ОБЪЯСНИТЕ ПРИЧИНЫ.

В ответ написали:

У НАС НА ОСТРОВЕ ЕСТЬ ВСЁ, КРОМЕ ЧУГАЙЛЫ, ОТДАЙТЕ, А ТО ХУДА БУДЕТ.

– Прямо и не знаю, что делать, – сказал Суер. – Запятые ставят как надо, а само «надо» пишут «нада», к нему ещё и «худа». Эй, верёвочный, напиши там:

У ВАС ОШИБКИ.

В ответ написали:

КАКИЕ ЕЩЁ, ЯДРЁНЫТЬ, ОШИБКИ?

Суер велел верёвочному:

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ.

В ответ написали:

ВАМ ЧЕГО, ХУДЫ НАДА?

Верёвочный Верблюдов сказал:

– Разрешите, сэр, послать их на этот остров.

– Нет-нет, – сказал капитан, – я не позволю писать такое флажками нашего «Лавра».

Чего-чего, а у нас на судне цензура есть. Напишите так:

СОВЕТ ЗАСЕДАЕТ. ОБОЖДИТЕ.

Они написали:

ЛАДНО.

– Ну что будем делать, господа? – спросил капитан. – Отдадим или нет?

– Отдать можно, – рассуждали мы, – но интересно, что мы получим взамен.

– На сундук драгоценностей можно не рассчитывать, – сказал капитан.

– Ну тогда хоть ящик пива, – сказал Хренов.

– И пару вобил, – добавил Семёнов.

– Да не дадут, – сказал старпом. – Пусть хоть по бутылке на брата. Вобла-то у нас ещё осталась. Эй, Верблюдов, напиши там:

А ЧЕГО ДАДИТЕ?

Те, на шкуне, долго не отвечали, наконец выкинули на верёвке такие флажки:

ЗАСЕДАЕМ СОВЕТОМ.

Всё это время боцман Чугайло носился по фрегату, прыгал с бака на корму и с фока на бизань.

– Судьба человека! Судьба человека! Судьба человека! – орал он. – Решается!

Решается!

Решается!

Хрен с ним, с третьим отгулом!

Наконец на шкуне выкинули флажки:

ДАЁМ БУТЫЛКУ ПИВА ЗА КИЛО ВЕСА.

– Чёрт возьми, – сказал капитан. – Пиши, Верблюша:

КАКОГО?

В ответ написали:

ЖИВОГО.

Капитан велел:

ДА НЕТ, ПИВА КАКОГО?

В ответ написали:

ЖИГУЛЁВСКОГО.

– Ну что ж, – сказал капитан. – Решайтесь, братцы, что будем делать. Уж очень неохота ядрами с ними перебрасываться.

– Надо брать, – сказал Хренов. – Но сколько же он, чёрт побери, весит?

– Эй, взвешиватели! – крикнул старпом, и из трюма выскочили наши корабельные взвешиватели Хряков и Окороков с гирями наголо.

– Чего вешать? – ревели они.

– Нельзя ли поспокойнее? – сказал им старпом. – Дело деликатное, а вы гирями размахались. Посмотрите на боцмана и прикиньте на вид, сколько он весит. Пудов на пять тянет?

– И больше вытянет.

– Ну и ладно, – сказал старпом. – А уж там точно взвесят.

– Жалко, что там только на живой вес согласны, – сказал Хренов, – а то мы бы ему в карманы гирь поналожили.

– Капитан! – взмолился вдруг боцман и пал на колени. – Спасите, капитан! Я не хочу на этот остров! Оставьте на борту! Я хоть и разбил кому-то харю или две, но в целом-то я очень добросердечный, простой, душевный, ласковый и хороший человек. Я очень люблю людей, детей, собак, бабочек и даже жеребцов. Хрен с ними, с отгулами, у меня очень золотое сердце, я и матом больше не буду, и пить не буду, только рюмочку на Пасху, спасите, сэр, я вам ещё пригожусь, поверьте, дорогой сэр!

– Встаньте, боцман! – приказал капитан. – Я и не знал, что вы так дорожите «Лавром». Я готов оставить вас на корабле, но как это сделать? Они вот-вот начнут пальбу, а у нас всего лишь пара ядер, да и те кривые, как тыквы. Застреляют нас эти всем обожравшиеся.

– Капитан, вы – гений, – сказал боцман. – Сделайте же что-нибудь гениальное.

– Пока ничего в голову не приходит, – сказал Суер. – Ладно, давайте пока поторгуемся, напиши там:

МАЛО.

Те ответили:

ДАЁМ ПО ДВЕ.

– Надо как-то выиграть время, – сказал капитан, – но как? Стоп! Нашёл! Объясню суть: все мы были на острове, кроме Чугайлы, поэтому я и выиграл пари. А теперь-то и нас там нет. Понятно? Ну ладно, кому непонятно, поймёт впоследствии. Эй, верёвочный, выкидывай надпись:

У ВАС НА ОСТРОВЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕТУ ЧУГАЙЛЫ?

Они написали:

НЕТУ.

Суер велел:

А СУЕР-ВЫЕР ЕСТЬ?

Они подумали и так написали:

БЫЛ, А ТЕПЕРЬ, КАЖИСЬ, ТОЖЕ НЕТУ.

И дальше пошло как по маслу:

А СТАРПОМ ПАХОМЫЧ ЕСТЬ?

НЕТУ.

А ЛОЦМАН КАЦМАН?

НЕТУ.

А ФРЕГАТ «ЛАВР ГЕОРГИЕВИЧ»

СО ВСЕМ СВОИМ ЭКИПАЖЕМ ЕСТЬ?

НЕТУ.

Капитан вытер нервный пот и сказал:

– Пиши, вервие:

СОГЛАСНЫ ВСЁ ЭТО ОТДАТЬ

ЗА ДВЕ БУТЫЛКИ ПИВА

ЗА КИЛОГРАММ ЖИВОГО ВЕСА.

На чёрной шкуне очень долго заседали, их верёвочные и румпелевые бегали там сверху вниз, таская ящики пива, кто-то даже кого-то бил по морде, и мы выкинули вопрос:

КОГО ТАМ ПО МОРДЕ БЬЁТЕ?

ДА ТУТ ОДИН ДЕСЯТЬ БУТЫЛОК ПИВА ВЫПИЛ, —

ответили они.

Наконец мы увидели на ихней верёвке такую надпись:

У НАС СТОЛЬКО ПИВА С СОБОЮ НЕТУ.

Суер с облегчением вздохнул и сказал:

– Пиши, Верблюша:

ВЫ ВАЛЯЙТЕ ОБРАТНО ЗА ПИВОМ, А МЫ ЗДЕСЬ

ПОДОЖДЁМ, ВЗВЕСИМСЯ КАК СЛЕДУЕТ.

В ответ написали:

А НЕ ОБМАНЕТЕ?

Капитан засмеялся.

– Пиши, Вербо, – сказал он:

ЧЕСТНОЕ КАПИТАНСКОЕ.

Те написали:

ВЕРИМ В СЛОВО ВЕЛИКОГО КАПИТАНА.

ВЕРНЁМСЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА.

Шкуна развернулась и дунула на остров за пивом.

– Ну а теперь, Пахомыч, – сказал капитан, – дуй до горы! Валяй на всю катушку! Трави фок-стаксели хоть налево, хоть направо.

– А ну шевелись, бесенята! – заорал старпом, и Чугайло вскочил с колен и набросился на матросов с подзатыльниками.

«Лавр» раздул свои великие паруса и дунул по восемьдесят седьмому меридиану вниз.

– Как-то неловко, сэр, – сказал я. – Ваше слово – честное капитанское! Обман! Это нас унижает!

– Извини, друг, – сказал Суер-Вьер, – как ты меня сейчас назвал?

– Я назвал вас «сэр», кэп.

– Так вот, в первую очередь я сэр, а уж потом – кэп. Ещё одно честное слово – слово сэра – у меня осталось в запасе.

Глава LXIV Остров Кратий

Эту грозную композицию: скала, а на вершине Некто с чёрными крыльями – я уже где-то видел, но не сразу вспомнил, что это один из гербов, который мы вялили вместе с другими, вывезенными с острова Гербарий.

– Демонкратия, – сказал Кацман. – Герб-то мы ещё не могли разгрызть. Помните?

Да, герб тот и долотом долбили, и тёркой тёрли, но, как ни запивали пивом, проглотить не могли.

Потом уж его целиком заглотил матрос Веслоухов. Сейчас его и призвали на палубу как главного специалиста по проглоченному им же гербу.

– Узнаёшь? – спросил старпом.

– Похож, – признался Веслоухов, разглядывая остров, к которому мы приближались. – Он самый, неразгрызаемый. И переваривался-то с трудом. Как встал колом в брюхе – и ни в какую! Если б не медузий кисель – ни за что бы не переварить! Вы знаете, господин старший помощник, не советую к нему приближаться. Опасно. Поглядите издали – и хорош.

Мы и не приближались, но тайное течение влекло и влекло нас к острову, закручивало, заворачивало, оборачивало вокруг скалы, на которой сидел Некто с чёрными крыльями.

Крылья были пока сложены, и глаза прикрыты – но в щёлчке-то между век что это там мелькало? А?

– Кто же это? Кто? – расспрашивали матросы.

– Ясно кто – Демон, – рассказывал Веслоухов, недаром проглотивший герб.

– А Кратия-то где же?

– А Кратия – это всё вокруг него которое. На скале Демон, а вокруг – Кратия. Такие уж дела.

Мы оглядели Кратию и остались ею крайне неудовлетворены.

Что же это, в сущности, была за Кратия?

Прямо скажу, неприглядная картина:

обломки камней,

обглоданные кости верблюдов,

пустые бутылки,

щепки,

опилки,

объядки,

обьютки обутки,

рваные каблуки

и чёрт знает ещё какие осколки неизвестно чего.

– Вы знаете, кэп, что мне кажется? – с дрожью в голосе сказал Кацман.

– Слушаю, лоцман.

– Мне кажется, что он это всё сожрал.

– Не может быть, – сказал Суер. – На вид вполне приличный Демон, интеллигентный.

– Сожрал, сожрал! Точно сожрал! Заметьте: судно сделалось неуправляемым. Это он своими магнетическими силами притягивает нас, как паук в паутину. И сожрёт, поверьте! Видите там, на берегу, обломки парусов и обрывки фрегатов? Сожрёт, кэп!

– Что же вы предлагаете?

– Немедленно подсунуть ему что-нибудь.

– Подсунуть?

– Ну да, что-нибудь вроде Чугайлы или мадам Френкель. Вдруг заинтересуется?

– Вряд ли, – сказал капитан. – Можно, конечно, попробовать. Позовите боцмана.

Чугайло явился наверх на этот раз в двух подтяжках, чисто побритый, хотя и на босу ногу. Вообще, после того, как из-за него чуть бой не разгорелся, боцман сделался более строг и подтянут.

– Слушаю, сэр, – сказал он.

– Э, господин боцман, – протянул Суер, не зная, как, собственно, приступить к делу. – Э-э... как вы себя чувствуете?

– Извините, сэр... ЧТО? – изумился боцман.

– Э... – тянул Суер. – Самочувствие ваше... в последнее время... как?

– Э... – отвечал боцман, совершенно потрясённый. – Э... Моя?

– Твоя, чёрт подери, твоя! – сказал старпом, выручая капитана из неловкого положения. – Совсем, что ли, дурак! Сэр капитан интересуется состоянием твоего здоровья, а ты мычишь, как бык. Отвечай, как себя чувствуешь? Ну? Что молчишь?

– А-а... – понял боцман. – Ага... Это вы насчёт рому, так я его не пил, я потом нашёл пустую бутылку на полюте.

– Извините, сэр, – сказал Кацман. – Кажется, мы позвали боцмана для определённых целей приманки, а вовсе не для идиотских объяснений по поводу рома.

– Да-да, – вспомнил капитан, – я помню, помню насчёт приманки... но всё-таки какого ещё рому?!

– Капитанкубинского, сэр! Пустая бутылка! Каталась по палубе во время качки, сэр! Я её поймал, думал, для записок пригодится.

– Записок?! Каких?

– О нашей возможной гибели, сэр.

– Капитан, – сказал лоцман, – ей-богу, сейчас не время выслушивать тупые предположения. Мы на краю пропасти... вот-вот, действительно пиши записки! Нас несёт на скалы!

– Подождите, лоцман, – сказал Суер-Выер. – Где бутылка?

– Всегда при мне, сэр, – и боцман достал из кармана пустую бутылку.

Капитан взял бутылку и принялся рассматривать этикетку, на которой было написано:

ром

КАПИТАНКУБИНСКИЙ

(Лианозово)

– Извините, сэр, – тронул его за рукав лоцман, – мы ведь позвали боцмана специально... Помните? – И он указал бровями наверх, туда, где по-прежнему сидел чёрный Некто со сложенными крыльями в перьях.

– Да-да, – припомнил капитан, изучая этикетку, – сейчас-сейчас, две минуты...

– Сожрёт же всех, сэр, – шепнул лоцман.

– Ну точно, – сказал капитан. – Из моих личных запасов. Видите, там в уголке карандашом написано «СВ», я так пометил все свои бутылки. Интересно, кто же это мог быть?

– Не могу знать! – гаркнул боцман, потом понизил голос и прошептал тихо-тихо-тихо, но я-то всё слышал, нюх у меня такой: – А вообще-то, догадываюсь, сэр. От них сильно пахнет ромовым перегаром-с, – и боцман указал на меня.

Нет, он, конечно, не ткнул пальцем, попробовал бы он пальцем ткнуть, но указал всем телом и особенно полосками на тельняшке.

– Он? – шёпотом удивился капитан. – Не может быть!

– Разит, сэр, – развёл руками боцман. – Запах! Ромовый перегар!

– Капитан! – снова встрял Кацман. – Ей-богу, ей-богу, не тяните! Видите, как он нахохлился? Заклюёт, задерёт, поверьте! Гляньте, какие когти.

– Погодите, Кацман, – раздражился капитан, – пока что не до него, вы что, не видите? Я делом занят. А тот пускай пока посидит, какого ещё хрена?

– Сэр, – настаивал лоцман, – поверьте...

– Я *занят!* – членораздельно сказал капитан. – Приходите позже.

В сильном раздражении капитан прошёлся по палубе, вдруг остановился против меня.

– Дыхни.

– Извините, сэр, – сказал я, слегка отодвигаясь. – Дыхнуть мне не сложно, но думается, что лоцман прав. Этот чёрный с крыльями дыхнуть нам может скоро и не позволить, надо бы принять меры некоторой безопасности...

Демон мрачно молчал, только подрагивали его веки. Вдруг он приподнял крылья, полузакрыв поднебесной сферы, расправил, протряс и снова сложил на спине.

Размах его внушительного пера, кажется, подействовал на капитана. Он слегка пригнул голову, но тут же выпрямился и сказал, подойдя ко мне вплотную:

– С лоцманом пили?

И тут Демон взревел, заклекотал, его страшные когти с такой силой вонзились в скалу, что камни затрещали и посыпались вниз лавиной. Он снова махнул крыльями, из-под которых вылетели громы и молнии и вонзились в мрачные воды океана. Грубые бараны волн белели в кромешной тьме под крыльями страшного тирана, они рокотали, рокотали и – ураганный порыв потряс вдруг весь фрегат и сам остров Демонкратию. Перекрывая гром бури, капитан кричал:

– Вдвоём! Без меня!

– Уерррр! – зарычал Демон, открывая наконец страшные ночные очи. – Ёеррр!

Он захлопал очами быстро-быстро-быстро, сбивая со зрачков молочную пелену, и захохотал вдруг, как тетерев, приглядываясь к нам и нашему фрегату: кто-кто-кто-кто-кто?

– Авр! – ахнул он, начиная соображать. – Авр Ёоргиевич! А это – Уеррр-Ёеррр!

В ужасе схватился он крыльями за лоб, потёр его – не бердит ли? – махнул ими и вранулся¹⁵ прямо с места в поднебесье.

– Уерр-Ёерррр! – орал он, улетаая. – Авр! Авр! Уеррр-Ёеррр!

Море утихло.

– Улетел, – сказал старпом. – Что будем делать, капитан? Дело в названии острова. Демона больше нет, только Кратия осталась.

– Ну и пусть себе. Пусть так и будет: **ОСТРОВ КРАТИЙ**. А если кто захочет изменить название, пусть тащит на скалу чего хочет.

Как выяснилось позже, сэр Суер-Вьер оказался прав. Наверх на скалу всякое таскали, но всё это никак не удерживалось, скатывалось в океан, по которому «Лавр Георгиевич» и продолжал своё беспримерное плаванье.

¹⁵ Такие глаголы указаны в пергаменте.

Глава LXV

Кусок поросятины

С самого начала остров Кратий вызывал во мне неприязнь. Слишком уж он был натуральным, подлинным и довольно широко распространённым.

И этот постыдный Демон, сидящий на скале, и Кратия, которая валялась вокруг, всё это почему-то причиняло мне жгучий стыд, подавленность, озабоченность неведомо чем.

Да и ром, который мы вправду выпили с лоцманом в минуту душевной невзгоды, забыв на секунду собственную гордость, не добавлял радости и счастья, и я в конечном счёте впал в глубочайший сплин.

– Остров проехали, – успокаивал я груды своих мыслей. – Ром тоже давно позади.

Но успокоение не приходило.

Мысли шевелились, как куча червей, насаженных на навозный крючок.

Впившись пальцами в надбровные свои дуги, я сидел в каюте, раскачиваясь на стуле, осознавал гулбину¹⁶ своего падения. Да, со мной и раньше бывало так: идёшь, идёшь над пропастью, вдруг – бах! – рюмка ромы – и в обрыв. И летишь, летишь...

Стыд сосал и душил меня,

жёл, грыз,

терзал, глушил,

истязал,

пожирал,

давил,

пил

и сплёвывал.

Зашёл Суер.

– Сорвался, значит, – печально сказал он. – Бывает. Ты на меня тоже не сердись. Голова кругом: Демон, Кацман орёт, Чугайло с бутылкой... я и накричал... нервы тоже...

Зашёл и Кацман:

– Да ничего особенного! Ну выпили бутылку! Чего тут стыдиться? Из капитанских запасов? Ну и что? Отдадим! Ты же помнишь, капитан в этот момент траву косил, которая вокруг бизани выросла, мы и решили не отвлекать! А стюард Мак-Кингсли? Он-то из каких запасов пьёт? Чем мы хуже?

Лоцман был прав, но я всё равно не мог жить.

Не хотелось пить и путешествовать.

Стыд был во мне,

надо мной

и передо мной.

Каким же он был?

Большой и рыхлый,

он был похож на кусок розовой поросятины,

на куриную кожу в пупырышках,

на вялое,

мокрое,

блэклое

вафельное полотенце.

---

¹⁶ Именно так в пергаменте «гулбина» и др.

Какой-нибудь рваный застиранный носовой платок или исхлестанный берёзовый веник и те выглядели пристойней, чем мой недоваренный, недосоленный суп стыда... противный сладковатый зефир приторного гнусного стыда...

Ссссссссс... чёрт побери!

Ттттттттт... чёрт побери!

Быыыыыыыы... хренотень чёртова!

Дддддддддддддддд... бля... дддд... бля... ддд...

Зашёл и боцман Чугайло. Заправил койку и долго смотрел, как я мучаюсь и содрогаюсь.

– Вы, это самое, не сердитесь, господин хороший, – сказал боцман. – Капитан есть капитан. Я должен доложить по ранжиру. А как же, это самое, иначе?

– Да что вы, боцман, – махнул я рукой, – не надо, я не сержусь.

– А пахло от вас сильно. Я сразу понял – ромовый, это самое, перегар.

– А от водки другой, что ли?

– Ой, да вы что, господин хороший? А как же? От водки перегар ровный, так и струится, как Волга какая, а от рома, может, и помягче, но помутней и гвоздикой отдает.

– Да? – немного оживился я. – Неужели это так? Есть разница?

– Ну конечно же! Мы, боцмана, эту науку назубок знаем!

И боцман Чугайло с великой точностью обрисовал мне оттенки различных перегаров. По его рассказам и была в дальнейшем составлена так называемая ТАБЛИЦА ОСНОВНЫХ ПЕРЕГАРОВ как пособие для боцманов и вахтенных офицеров. Она и заняла своё место в ряду таблиц, начатом великой таблицей Дмитрия Ивановича Менделеева. Приводим её краткий вариант.

ТАБЛИЦА ОСНОВНЫХ ПЕРЕГАРОВ

Водка – перегар ровный, течёт как Волга.

Принят за эталон, от него уже танцуют.

Ром – помутней, отдаёт гвоздикой.

Виски – дубовый перегар, отдаёт обсосанным янтарём.

Коньяк – будто украденную курицу жарили.

И пережарили.

Джин – пахнет сукном красных штанов королевских гвардейцев.

Портвейн – как будто съели полкило овечьего помёта.

Кагор – изабеллой с блюменталем.

Токайское – сушёный мухомор.

Херес – ветром дальних странствий.

Мадера – светлым потом классических гитаристов школы Сеговии.

Шампанское – как ни странно, перегар от него пахнет порохом. Дымным.

Самогон

(хороший) – розой.

Самогон

(плохой) – дерьмом собачьим.

– А как обращаются с перегарами в быту? – спросил я.

– Главное – не навредить, – сказал Чугайло. – Нельзя дышать перегаром на пауков – подышают. А пауки полезны: ловят мух. Поставить перегар на пользу дела – тоже наука. С десяти матросов, например, можно набрать газовый баллон перегара и отвезти в раковый кор-

пус больницы. Рак выпить любит, а от перегара гаснет. У нас в деревне перегаром колорадских жуков на картошке окуривают.

– Как же?

– Очень просто. Заложут в картошку пару мужиков и кольями по полю перекатывают. Те матюгаются – перегар и расходится как надо.

Боцман отвлек меня немного, но потом снова розовая поросьятина стыда охватила мою душу.

Не знаю, чем бы кончилось дело, как вдруг зашёл Пахомыч.

– Давай-ка, брат, подымайся наверх, – сказал старпом. – Капитан не хочет без тебя открывать новый остров.

– Не могу, Пахомыч, – сказал я. – Кусок поросьятины давит.

– Или зажарь, или выкинь, – сказал Пахомыч. – Но мы уже стоим в бухте.

Глава LXVI Прелесть прозы

Сэр Суер-Вьер обрадовался, когда увидел меня на палубе.

– Я растерян, – шепнул он мне. – Сходить на берег или нет? Ты только глянь.

Остров, в бухте которого «Лавр» бросил якорь, был довольно живописен: скалы, сколы, куртины, но люди... Люди, которые бродили по набережным, вызывали острейшее чувство жалости.

Все они были оборванные, на костылях, кто сидел, кто лежал, кто ковылял, кто валялся. Они протягивали руки, явно прося подаяния.

– Ну, что скажешь?

– Похоже, что это нищие, сэр.

– Сам вижу, что нищие. Но как это может быть? Одни только нищие. Где же подающие?

Подающих не было видно. Как мы ни разглядывали остров в сильнейшие квартокуляры, хоть копейку подающих не нашли.

– Очевидно, они думают, что подающие – это мы, сэр.

– Мы?

– Ну конечно. У нас роскошный фрегат. Из камбуза пахнет щами, вон у Чугайлы зуб золотой, Хренов явно пил портвейн, капитанский краб – чистого золота, старпом гладко выбрит, лоцман – еврей, так что мы вполне похожи на подающих.

– Ну и что делать? Сходить на берег или нет?

– Решайте, кэп. В конце концов, почему бы не подать милостыни Христа ради? Надо подавать по мере возможности.

– Действительно, – сказал капитан, – Христа ради можно и подать. Наберите в карманы мелочи, каких-нибудь там копеек, и сойдём на берег.

– Если уж вы подаёте Христа ради, то зачем мелочиться, кэп? – сказал некстати я. – Почему «набрать там копеек»? Подавайте копейки ради себя, а Христа не приплетайте.

– Что ещё такое? – сказал капитан, с неудовольствием оглядывая меня. – Зачем, интересно, ты вылез из каюты? Меня учить? Сидел бы там и угрызался куском поросьятины. Ты сам-то сколько собрался подавать?

– Подаю по силам.

– И на какую же сумму у тебя этих сил?

– Смотря по обстоятельствам.

– Ну и какие сейчас у тебя обстоятельства?

– Весьма скромные.

– Отчего же это они такие скромные? Пьёшь что хочешь, даже из капитанских запасов, столуешься с офицерами, фок-стаксели при этом налево не травя, что-то чиркаешь в пергаменте, а что начиркал – никто не проверял.

– Вы хотите сказать, что на судне имеется цензура?

– Я об этом говорил, и не раз. Когда верёвочный хотел послать их судно на..., я не велел. Не позволил писать такое флажками, осквернять флажки «Лавра».

– А уста?

– Что «уста»?

– Устно-то вы сами посылали, и не раз.

– Ну знаешь, брат, цензура есть цензура, она не всеильна, всюду не успеваешь. Но на флажки я всегда успею!

– Но на пергаменте я «чиркаю» отнюдь не флажками.

– А нам это нетрудно перевести! Чепуха! Эй, верёвочный! Изобрази-ка флажками, чего там начиркал этот господин, а уж мы проверим, цензурно это или нецензурно, Давай-давай, тяни верёвки!

– На всё дело, пожалуй, флажков не хватит, – сказал верёвочный Верблюдов, заглянув в пергамент. – Ну ладно, поехали с Богом!

И он вытянул на верёвках в небо первую фразу пергаменты:

ТЁМНЫЙ КРЕПДЕШИН НОЧИ ОКУТАЛ ЖИДКОЕ ТЕЛО ОКЕАНА.

– Твёрдо, – читал капитан, – мыслете... так-так, наш... како... **КРЕПДЕШИН НОЧИ...** ого! это образ!.. сильно, сильно написано, ну прямо Надсон, Бальмонт, Байрон, Блок и Брюсов сразу! Тэк-тэк... живот, добро... **ЖИДКОЕ ТЕЛО...** достаточно.

Капитан дочитал фразу до конца и утомлённо глянул на меня:

– Это ты написал?

– Выходит, так, сэр.

– Ну и что ты хочешь этим сказать?

– Ну, дескать, ночь настала, – встрял неожиданно Кацман.

– Да? – удивился Суер. – А я и не догадался. Неужели речь идёт о наступлении ночи? Ах вот оно что. Но интересует вопрос: цензурно ли это?

Заткнутый лоцман помалкивал, а старпом и мичман, механик и юнга туповато глядели на верёвки и флажки, но высказываться пока не спешили.

– Одно слово надо бы заменить, – сказал наконец старпом.

– Какое? – оживился Суер.

– Тело.

– Да? А что такое?

– Ну... вообще, – мялся старпом, – тело, знаете ли... не надо... могут подумать... лучше заменить.

– И жидкое, – сказал вдруг Хренов.

– Что жидкое?

– И «жидкое» надо заменить.

– А в чём оно нецензурно?

– Да у нас всюду жидкости: перцовка, виски, пиво... могут подумать, что мы вообще плаваем по океану выпивки.

– Заменить можно, – согласился капитан. – Но как?

Хренов и старпом посоветовались и предложили такой вариант:

ТЁМНЫЙ КРЕПДЕШИН НОЧИ ОКУТАЛ ЖУТКОЕ ДЕЛО ОКЕАНА.

– Литература есть литература, – пожал я плечами. – Менять можно что угодно. Важно, как всё это прочтут народные массы.

– Важно? Тебе важно, как они прочтут? Ну и как же они прочтут?

– Они будут потрясены, сэр, поверьте.
– Сомневаюсь, что эта фраза вообще дойдёт до народных масс, – сказал Суер с лёгким цинизмом. – Это написано слишком элитарно. Для таких, как я или вот Хренов.
– Знаете, сэр, – сказал я, – трудно доказать труднодоказуемое, но в данном случае доказательство налицо. Народные массы потрясены. Гляньте на остров, сэр!
Да, друзья, на острове происходило нечто невообразимое.
Нищие повскакивали с мест, размахивая костылями и протезами.
В середине стоял на камне какой-то толмач, очевидно старый моряк, который, указывая пальцем на флажки, читал им по складам нашу скромную фразу.
Как громом поражённые, разинули они свои искусственные рты, оттопыривали ладонями уши, силясь понять всю прелесть,
остроту,
музыкальность
и образность нашей прозы,
пытаясь постичь, зачем?
почему?
к чему?
для чего?
как?
относятся к ним слова, начертанные в небе флажками:
ТЁМНЫЙ КРЕПДЕШИН НОЧИ ОКУТАЛ ЖИДКОЕ ТЕЛО ОКЕАНА.

Глава LXVII

Лунная соната

Пожалуй, в этот момент капитан и начал насвистывать «Лунную сонату».

– А что касается народных масс, – сказал капитан, – они действительно потрясены. Но воспринимают как издевательство. Они просят подаяния, а им – крепдешин в небе! Величайший маразм!

– Некоторое количество культуры и нищим не повредит, – сказал вдруг Хренов, очень, кажется, довольный тем, что его причислили к элите.

– Они потрясены, потому что ни хрена не понимают, – влез Кацман. – Им надо было просто написать: **НАСТАЛА НОЧЬ!**

– Вот это поистине гениально, – сказал я. – Представляете себе: приплывает фрегат на остров нищих, те тянут свои несчастные длани, а на фрегате вдруг среди бела дня надпись: **НАСТАЛА НОЧЬ!** Такая фраза может привести к массовым самоубийствам. Тут уж рухнет последняя надежда. У меня хоть и в небе, но всё-таки крепдешин.

– А может, наш вариант, **ЖУТКОЕ ДЕЛО?** – скромно кашлянул старпом.

– Знаете, что такое **ЖУТКОЕ ДЕЛО?** – спросил капитан.

– Что?

– Это когда старпом с Хреновым прозу пишут.

– Слушаю, сэр, – сказал Пахомыч и отошёл в сторону.

Мичман Хренов немного поник. Он не знал, как тут быть – то его к элите причисляют, то прозу писать не велят. Всё-таки он решил, что лучше уж быть причисленным к элите, а проза, хрен с ней, потерпит.

– Да я, сэр, так просто, – сказал он. – Забава... шутка пера...

– Оно и ясно, – сказал Суер, насвистывая «Лунную сонату». – А писать надо проще, – дружески похлопал он меня по плечу, – брать всё-таки пример с классиков.

– Постараюсь, сэр! – гаркнул я. – Например, с Льва Толстого. Прикажите верёвочному написать что-нибудь из прозы этого мастера. Ну например, первую фразу романа «Анна Каренина»:

ВСЁ СМЕШАЛОСЬ В ДОМЕ ОБЛОНСКИХ.

Нищие на острове очень обрадуются. Там много интеллигентов.

«Лунная соната», насвистываемая капитаном, звучала угрожающе. Он выпускал в меня трель за трелью:

ху-ду-ду,

ху-ду-ду,

ху-ду-ду,

пам!

пам!

пам!

Пожалуй, это была наша первая серьёзная ссора за всё время плавания. И всё из-за чего – из-за этих копеек, которые я некстати ввернул в разговор.

Кроме того, я прекрасно понимал, что «Лунная соната» – это прелюдия! Да, прелюдия к посещению острова нищих. Капитан ни за что, никаким образом не хотел сходить на берег. Страсти и страдания, которые неслись к нам, безумно терзали его, одарить всех он не мог, но и не подать руки просящему не мог тоже. Все эти разговоры насчёт цензуры и первой фразы были оттяжкой действия. Капитан надеялся, что какой-нибудь шторм отбросит нас от берега, на который высаживаться не тянуло.

Я тоже не рвался в шлюпку. Я понимал все трудности пребывания на этом острове скорби и описания его. Но я побывал на всех открытых нами островах! И Суер, и лоцман, и старпом всё-таки по одному островку пропустили. Как открыватель я был на первом месте, и место это собирался держать изо всех сил.

– Ху-ду-ду!

Ху-ду-ду!

Ху-ду-ду!

Пам!

Пам!

Пам!

– А мне, сэр, очень нравится, – сказал вдруг юнга Ю, которого давным-давно никто не принимал в расчёт, и надо сказать, что он всё время держался очень скромно. – Мне очень нравится: плывёт наш фрегат по Великому Океану, и на нём флажками написано:

ТЁМНЫЙ КРЕПДЕШИН НОЧИ ОКУТАЛ ЖИДКОЕ ТЕЛО ОКЕАНА.

– Ху-ду-ду!

Ху-ду-ду!

Ху-ду-ду!

Пам!

Пам!

Пам!

– Это же чудесно, – продолжал юнга. – Все встречные корабли, да и люди на островах, будут радоваться. Иные просто посмеются, а другие задумаются о Великом Океане, третьи подумают, что мы чудачки, зато уж всякий поймёт, что корабль с такими флажками никому не принесёт вреда.

– А вы, господин Ю, оказывается, лирик, – сказал Суер-Вьер. – Ху-ду-ду! Ху-ду-ду! Я и не думал! Ху-ду-ду! Замечал склонности к философии, но лиризма не отмечал. Пам! Пам! Пам!

– Лирик – это вы, сэр, – поклонился юнга. – Я бы насвистывал «Патетическую сонату», с вашего позволения.

– Ладно, – сказал Суер. – Пусть надпись пока поболтается на верёвках, а нам пора на берег. Подадим милостыню по мере возможностей. Кто со мной?

После разных заминок и подсчётов кошелек в шлюпку погрузились, кроме капитана, старпом и мы с лоцманом.

– Возьмите и меня, капитан, – попросился юнга. – Денег у меня нет, но вдруг да здесь мой папа. Я чувствую, что он недалеко.

– Ху-ду-ду!

Ху-ду-ду!

Ху-ду-ду!

Пам!

Пам!

Пам!

Глава LXVIII Остров нищих

Воющая, орущая, свистящая толпа окружила нас и стала хватать за полы халатов, за рукава, за орденские ленты.

– Дай! Дай! Крепдешину! – орали многие.

– Жидкого тела! Жидкого тела!

Каким-то образом некоторые узнали, что у Кацмана есть два фейерверка. Они дёрпали лоцмана за фалды с криком:

– Подай фейерверк! Подай фейерверк!

– А ну-ка цыц! – гаркнул Пахомыч. – Разойдись по местам! Сядь! Прось культурно! Кому говорю?! Заткнись! Не ори! А то сейчас Чугайлу с борта привезу! Он тебе подаст крепдешину в харю!

А остров меж тем пейзажем своим был гол как сокол, местами только валялись на песке обломки мраморных колонн и постаментов.

Нищие поняли, что хором нас не возьмёшь, разошлись с лёгким ворчанием по своим законным местам и расселись в некотором скромном порядке.

Первым в этом чудовищном ряду сидел человек с деревянной рукой. Рука эта абсолютно бездействовала, а только тянулась к нам, однообразно приговаривая:

– Подайте человеку с деревянной рукой!

– Подайте Древорукому!

– Подайте Рукодревому!

– Подайте бедному человеку, который ничего не имеет, кроме деревянной руки!

Суер подал целковый.

Старпом – гривенник.

Я подал подаяние.

Лоцман Кацман подал прошение об отставке подавать.

– В чём дело, Кацман? – спросил капитан. – Сейчас не время шуток, я бы сказал: кошунственных!

– Подаю что могу, – отвечал лоцман. – Кстати, этот человек богаче меня. При наличии деревянной, вырезанной, скорей всего, из жимолости руки у него имеются и две другие: левая и правая.

Наш деревянный нищий действительно, отложив в сторону резьбу по дереву, свободно философствовал двумя другими руками, пересчитывая подаяние.

– Что же получается, голубчик? – сказал старпом. – Вы нас обманули? Надули? У вас две живые руки, а вы нам подсунили деревянную!

– Зато смотрите, какая резьба! – воскликнул нищий. – Сейчас уже так никто не режет! Кроме того, я не подсовывал, я только показал вам деревянную руку и попросил подаяния. Вернуть гривенник?

– Милостыня есть милостыня, – сказал Пахомыч. – В конце концов, ваша третья рука всего лишь деревянная.

Дружески попрощавшись с троеруким, мы двинулись дальше и скоро подошли к человеку, который сидел в пыли и посыпал пеплом главу свою.

– Подайте на пепел! – приговаривал он.

– А что, у вас мало пеплу? – спросил старпом.

– Кончается. Я, конечно, как посыплю, потом собираю, но ветер развеивает, и расходы пепла имеются.

Старпом подал гривенник.

Суер – целковый.

Я подал подаяние.

Лоцман подал прошение о помиловании.

Пеплоголовый прочёл прошение лоцмана, достал из кармана синий карандаш и одним взмахом написал поперёк:

ОТКАЗАТЬ!

Распрощавшись хоть и с пеплоголовым, но находчивым в смысле лоцмана нищим, мы направились дальше.

Довольно скоро из кустов конкордия послышался тоскливый призыв:

– Подайте нищему духом!

Раздвинув хрупкие ветви, мы увидели человека, на вид совершенно нищего духом.

У него были полые глаза,

сутулые веки,

присутствующее в дальних странах

выражение лица,

грубые ступни кожаных полуботинок,

вялые квадраты клеток на ковбойке,

локти,

две родинки,

медаль.

– Ну, может, у вас есть хоть немножечко духа? – спрашивал Суер.

– Нету ни хрена, – отвечал нищий, – вы уж подайте милостыню.

– А как же вы живёте с духом-то с таким?

– Мучаюсь ужасно. Главное, что я не только нищий, я ещё и падший. Падший духом, понимаете? И так-то духу нет, а он ещё и падает!

Старпом подал гривенник.

Суер – целковый.

Я, как обычно, – подаяние.

Лоцман подал руку.

– Это ещё что такое? – спросил нищий духом, увидев руку лоцмана.

– Моя рука, друг, – отвечал Кацман. – Вот что поднимет ваш дух сильнее злата!

– Вы думаете? – засомневался нищий духом, рассматривая лоцманскую хиромантию.

– Да вы пожмите её.

Нищий духом осторожно взял лоцманскую ладонь и пожал бугры Венеры и Мантильский крест, растерянно оглядываясь по сторонам.

– Ну как? – спрашивал лоцман. – Маленько поднимает?

– Да вроде нет, – отвечал нищий духом.

– Ну тогда и хрен с тобой, дружище. Если уж моя рука бессильна – никакие червонцы не помогут.

Мы приблизились к человеку, который монотонно топтал одну фразу:

– Подайте беженцу! Подайте беженцу!

Вид у него был загнанный, как у борзой и зайца. Не успели мы подойти – он вскочил, затряс руками и плечьями и, эдак дергаясь, кинулся стремглав бежать с криком: «Отстань! Отстань, проклятый!» Пробежав крут с двести ярдов, он пал на землю.

– Подайте беженцу! – задыхался он.

– От чего вы бежите, друг? – доброжелательно спросил Суер-Вьер.

– Я бегу от самого себя, сэр, – отвечал нищий, обливаясь потом.

– И давно?

– Всю жизнь. И никак не могу убежать. Этот противный «я сам» всё время меня догоняет.

Да вы поглядите.

Он снова вскочил с места и закричал самому себе: «Отстань! Отстань, мерзавец!» – и рванул с места так, что песок брызнул из-под копыт.

Пробежав двести ярдов, он вернулся обратно и рухнул на песок.

– Вы видели, сэр? Видели? Мне удалось обогнать самого себя на тридцать восьмом скаку, но на семьдесят девятом эта сволочь снова меня догнала! Подайте, сэр, беженцу от самого себя.

Суер подал целковый.

Старпом – гривенник.

Я подал подаяние.

Лоцман подал пример достойного поведения в обществе.

Очевидно наглядевшись на лоцмана, несчастный беженец снова вскочил и на этот раз взял старт с большой ловкостью. Это был настоящий рывок рвача с места!

И вдруг мы с изумлением увидели, как наш беженец выскочил из самого себя, обогнал вначале на полкорпуса, на корпус, оторвался и, всё более и более набирая скорость, ушёл вперёд, вперёд, вперёд...

– Не догонишь, гад! – орал тот, что убежал от самого себя, а тот, от которого убежали, орал вслед:

– Врёшь, не уйдёшь!

Глава LXIX

Я сам

Все мы были жестоко потрясены этой фатальной картиной бегства от самого себя и из самого себя.

Тот, что вырвался, скрылся где-то за скалою, а ПОКИНУТЫЙ САМ СОБОЮ жалобно бежал, бежал, вдруг споткнулся, бедняга, упал, вскочил, заскулил, снова хлопнулся на землю замертво.

– Жив ли он?! О боже! – вскричал старпом, и мы кинулись на помощь, стали зачем-то поднимать. Я давно примечаю в людях этот сердобольный идиотизм: немедленно поднимать упавшего, не разобравшись, в чём дело. Так и мы стали поднимать ПОКИНУТОГО САМИМ СОБОЮ, который, как ни странно, был вполне жив.

Он рыдал, размазывая по лицу пыльные реальные слёзы.

– Я САМ от себя убежал, а другой Я САМ остался! Ужас! Ужас!

Я остался – и Я же убежал!

Нет! Это невыносимо!

Лучше застрелиться!
Или повеситься?
Отравиться – вот что надо сделать!
Где кураре?
Где этот сильный яд кураре?! Где?
Нет, но если Я отравлюсь, что же будет со МНОЮ УБЕЖАВШИМ?
Помру или нет?
Погоди, погоди, погоди.
Подумай! Подумай! Подумай!
Я – помру, а тот Я, ЧТО УБЕЖАЛ, останется жить!
Значит – надо травиться!
О БОги, БОги МОи! ЯДу МНе! ЯДу!
– Я интересуюсь, – встрял неожиданно лощман Кацман, – а где деньги, которые вам подали?
– А деньги тот Я САМ унёс.
– Ну, возьмите ещё целковый, – сказал Суер.
– Не надо! – вопил Покинутый. – Ничего мне теперь не надо! Ни денег, ни славы, ни почестей, ни богатства! Верните мне МЕНЯ САМОГО!
– Выпейте валерьянки, – предложил Пахомыч, – успокойтесь, может, он сам вернётся?!
– Ну конечно, жди! – корчился в рыданиях Покинутый. – Я САМ СЕБЕ так надоел, так мучил САМОГО СЕБЯ! Теперь я пуст! Кошмар! Кошмар!
Верните мне МЕНЯ САМОГО!
Я теперь не Я!
А кто Я?
Я – САМ или НЕ САМ?
От таких вопросов, ей-богу, башка может лопнуть!
Ой, лопается башка!
Как бочка!
Обручей! Обручей!
Слушай-ка, Я, ты погоди! Не ори! Разберись в себе самом!
Итак! Был Я, но я хотел от самого себя убежать!
Ой, сейчас затылок отвалится!
И УБЕЖАЛ!!!!!!
Лопнула башка! Затылок отвалился!
Виски` упали до уровня подбородка!
Я ОСТАЛСЯ, и Я же УБЕЖАЛ!!!
– Успокойтесь, Покинутый собою, – сказал сэр Суер-Выер. – Пожалуй, большинство людей на свете иногда желают убежать от самого себя, но никогда никому этого сделать не удавалось. Вы – первый! Гордитесь! Первый человек на земле, который убежал от самого себя!
– Мы свидетели, можем подтвердить, – подтвердил старпом.
– Действительно, это сверхрекорд, – согласился Покинутый, – но установил-то его не Я, а ТОТ Я, который убежал! О горе мне! Горе!
О горе мне!
Я так себя хреново вёл, что сам от себя убежал!
Кураре! Кураре! Кураре!
Гдэ ведре кураре???
Стакан курара! Стакан курара!
Вы не знаете, где растут бледные поганки? Подскажите адресок!

– Ты чего орёшь? – послышался вдруг знакомый голос, и ТОТ Я, КОТОРЫЙ УБЕЖАЛ, высунулся из-за скалы.

– А что? – удивился Я ПОКИНУТЫЙ.

– Орёшь, говорю, чего?

– Да как же мне не орать-то? Ты-то Я убежал!

– Вести себя надо было лучше, а то пил как лошадь, воровал, попрошайничал, двоежёнствовал, не платил алиментов, жил по поддельному паспорту, ночью поедал чужую сметану, обманывал маму!

– Вернись! Я буду лучше! Мне ведь ничего не надо, кроме тебя! Мне даже деньги предлагали, и я не взял! Мне только тебя нужно! Только тебя! Вернись ко мне, мой дорогой Я!

– Деньги? Какие ещё деньги?

– Целковый.

– И ты не взял?

– Не взял, – гордо ответил Покинутый.

– Вот всё-таки дурак! Как был дураком, так и остался! Гордость заела! Бери, пока не поздно, да проси побольше, дубина стоеросовая! Тогда, может, и вернись!

– Извините, господа и сэры, – обратился к нам Покинутый с поклоном, – тут этот Я УБЕЖАВШИЙ обещает вернуться, если денег подадите. Вы уж подайте Христа ради!

– Христа ради? – удивился Суер, вспоминая, видно, недавнюю нашу распрю. – Это уж ради примирения вас с самим собою.

– Почему же не Христа ради? Господу, может, угодно такое примирение?

– Тогда уж примиряйтесь бесплатно. Впрочем, вот целковый.

– Маловато, сэр, – почесал в затылке Покинутый. – Боюсь, Я УБЕЖАВШИЙ не вернётся. Погодите, я покричу. Эй, ты, Я УБЕЖАВШИЙ! Эй! Тут дали целковый!

– Не, – отвечали из-за скалы, – не вернись.

– Вертайся, хватит!

– Да ну тебя, дурака слабоумного, и просить-то толком не умеешь.

– Вернись же, вернись! Хочешь, я курить брошу?

– Да ну, ерунда, враньё, силы воли не хватит.

– И пить брошу, клянусь!

– А это ещё зачем?

– А что, не надо?

– Пей, но в меру. Но главное – денег проси, иначе не вернись. Поеду в Мытищи, у меня там баба знакомая.

– Это Людка, что ли?

– Вспомнил наконец, тоже мне...

– Так её ж посадили!

– Да не её, дурак, сына посадили, Боряшку! Ну и папаша! Всё! Пока! Уезжаю в Мытищи! Ты не помнишь, когда уходит последняя электричка?

– Сэры! Сэры! – рыдал Покинутый. – Умоляю... Добавьте же... прошу...

– Сколько же надо? – начиная раздражаться, спросил капитан.

– Эй, ты, Я! – крикнул Покинутый. – А сколько надо?

– Бери червонец, за меньшее не вернись!

– Вы слышали, сэры? Червонец!

– Прямо не знаю, – сказал капитан, – у кого из нас есть на червонец жалости? Может, у вас, старпом?

– Чего? – удивился Пахомыч, в некоторых ситуациях сильно напоминающий господина боцмана. (Подчеркнём – в некоторых.)

– Жалости на червонец есть?

– Жалости много, – отвечал старпом, – а червонца нету. Пусть берёт чистую жалость, бесплатно. Между прочим, в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году моя жалость на чёрном рынке в Неаполе кое-кому дорого обошлась.

(Тут мы должны отметить, что на такую сложную жалость боцман всё-таки не тянет.)

– А вы, лоцман?

– Видите ли, сэр, – отвечал лоцман, оправляя галстук-бабочку в клеточку, – видите ли, сэр... видите ли, дорогой сэр... Конечно, вы видите, уважаемый сэр, что этот, с позволения сказать, человек уже имеет два целковых, разделённых как раз поровну между частями особи. Одна часть особи, убежавшая, имеет ещё и гривенник старпома, то есть неоспоримое преимущество. То есть мало того, что она убежала от самой себя, у неё ещё и на гривенник больше. Предлагаю всё-таки путь равенства и братства. Пусть убежавшая отдаст оставшейся пятак.

– С Гоголя получишь! – послышалось из-за скалы. – Тоже нашёлся утопический социалист. Кто это и когда делил всё поровну? Ха!

– У юнги денег нет, – сказал капитан сэр Суер-Вьер и ласково поглядел на меня, – остаёшься ты, друг мой. – В ласке зазвучала ирония. – Что ты скажешь, голубь дорогой? До сих пор ты подавал подаяние. Мы не рассматривали, что это за подаяние. Подаяние и подаяние. Что ты скажешь сейчас? Может, добавишь гривенник?

Я так и знал, что всё это дело с нищими до особого добра не доведёт.

Глава LXX

Камень, ложка и чеснок¹⁷

– Прежде всего, кэп, – сказал я, – прежде всего: никто не имеет права анализировать подаяние. Кто что подал, то и подал. Меня, например, вполне устраивает открытый лоцман, щедрый капитан, разумный старпом. Что подал я – моё дело. Я никому не подотчётен. Подаяние – и всё! И привет! И пока! И до свиданья! Прошу отметить, что все были мною довольны и даже приговаривали: «Спаси вас Господи!» Но если вас интересует, кому я что подал, могу сказать:

Древорукому – камень,

Пеплоголовому – деревянную ложку,

Нищему духом – головку чесноку.

Человеку, который убежал от самого себя, я тоже подал подаяние. Вы заметили? Это небольшой кисет. По-моему, он так и не поинтересовался, что в кисете. Эй, любезный господин Покинутый, а где кисет, который я подал? У вас того, что убежал, или у вас того, что остался?

– У меня. Тот Я только деньги взял, а кисет, говорит, тебе оставлю. Кури!

– Загляните же в кисет.

– Чёрт-те что, – сказал Покинутый, развязав кожаную тесёмку. – Махорка, что ли? Или нюхательный табак? Порошок какой-то. Что же это?

– Неужели не догадываетесь?

– Никак не смекну. Надо понюхать.

– Погодите, не спешите нюхать. Это кураре! Толчёное кураре! Здесь как раз хватит: понюхал – и... Вы, кажется, просили?

– Что это значит? – сказал Суер-Вьер. – Ты с самого начала знал, чем всё кончится?

– Конечно нет. Мне и в голову не приходило, что этот спектакль у них так здорово разыгран. И потом, согласитесь, выбежать из самого себя – это действительно редчайший случай. Но кураре! Кураре ведь может пригодиться в любом из вариантов: убежал или не убежал, а кураре-то – вот, пожалуйста! Тому, кто хочет убежать от самого себя, кураре – хороший подарок.

---

¹⁷ Первому редактору этой книги Ольге Борисовне посвящается.

– Да-а, – протянул Суер. – Но как ты истолкуешь камень, ложку и чеснок?

– Дорогой сэръ! – отвечал я с поклоном. – Я уже и так не в меру разболтался. Камень, ложка и чеснок – предметы достойные. Их можно толковать как хочешь и даже сверхзамечательно. Я могу истолковать, но дадим же слово самому молчаливому. Пусть истолкует юнга Ю. У него нет денег, но есть некоторый хоть и детский, но симпатичный разум. Прошу вас, господин Ю.

Тут юнга открыл было рот, но в дело неожиданно влез Покинутый сам собою.

– Погодите, господа, – сказал он. – Какой камень? Какой чеснок? Тут воссоединение вот-вот произойдёт, а вы бог знает о чём толкуете. Давайте же скорей червонец, а то убежит, свинья такая!

– Слушай, помолчи, а! – сказал старпом. – Помолчи, потерпи.

– Что там происходит? – крикнул из-за скалы Бежавший.

– Хрен их поймёт! Про чеснок толкуют. А мне яду дали.

– Чесноком не бери! А много ли яду?

– Да всего мешочек. Короче, полк солдат не отравишь, но на одного полковника хватит. А денег не дают.

– Ну ты хоть корчился в муках-то?

– Замучился корчиться. Такие судороги отмочил да железные конвульсии, а всё равно не дают.

– Во жлобы какие приехали! Они что, из Парижа?

– Да вроде из Москвы, говорят.

– Ага, ну понятно.

– Эй, вы, РАЗБЕЖАВШИЕСЯ! А ну-ка молчать! – гаркнул старпом. – Цыц! Нишкни! Помалкивай! Где Чугайло? Сейчас позову! Юнга, говори!

Разбежавшиеся приутихли, особенно этот, что остался, тот, за скалой, ещё немного хорохорился, но на всякий случай заткнулся.

– Человеку с деревянной рукой – камень? – спросил юнга. – Я думаю, это просто. Скорей всего, точильный камень – точить стамески для резьбы по дереву. Пеплоголовому – ложку! Отметим: деревянную. Ему не хватало пеплу. Ложку можно сжечь – и пригоршня пепла налицо! Нищему духом – головку чеснока. Это тоже просто. Если он съест чеснок – духу не прибавится, зато появится запах. А запах, как известно, в некотором роде замена духу. Во всяком случае, ему вполне можно будет сказать: «Фу! Фу! Какой от тебя дух идёт!» Довольны ли вы таким объяснением, господин мой?

– Вполне, – ответил я, рассмеявшись от всего сердца. – Это шикарное объяснение. Оно мне, признаться, и в голову не приходило. Камень-то я дал довольно-таки тяжёлый, это вместо гнёта, чтоб на крышку давить, когда капусту квасишь, ложку подал в двух смыслах: суп есть и пеплом главу из неё посыпать, к тому же как напоминание о родной нашей России – ложка-то резана в окрестностях села Феррапонтова, а головку чесноку подал потому, что мне-то самому чеснок вреден, язва от него разыгрывается.

– Ха-ха! – делано сказал капитан. – Это всё враньё! Болтовня! Фиглярство. Все подаяния имеют глубокий философский смысл: камень – символ вечности, ложка – символ духовной пищи, чеснок – символ жизненной силы.

– Ну что ж, капитан, – сказал я, – вы великий человек, вам и видней. Убеждён, что вы сумели бы истолковать всё, что угодно, даже если б я подал нищим перо ветра и стакан тумана.

Глава LXXI Перо ветра

Не перо ли ветра коснулось мимолётно моей щеки и всё вокруг преобразилось?

Пронзительно зазвучало
глубокодонное небо,
золотым ободом изогнулся песок,
косо встали к небу
люди и кипарисы,
всё удалилось и замерло навеки.
(Нет-нет, всё двигалось по-прежнему: и волны набегали,
и люди шевелили губами,
и облака плыли,
и пыль клубилась облаками,
и чайка свистела крыльями,
и падал Икар,
и мышь бежала,
но всё равно ВСЁ замерло даже в этом движении.)
И всё стало пронзительно, ясно и вечно.
И всё не так, как за секунду до этого.
И уже совершенно не волновали ни червонцы, ни бегство от себя, ни эти несчастные,
прости меня, Господи, нищие!
Перо ветра?
Оно?
Да!
Оно!
Оно свистнуло и овеяло наши лбы,
рассыпало мысли,
просветлило взор,
прошептало запах детства.
Вспорхнуло? Скользнуло? Пропало?
Улетающее перо ветра?
Нет! Нет!
Постой! погоди! Не улетай так быстро!
Побудь ещё на щеке, ведь ты важнее всего!
Пусть всё так и стоит колом и косо по направлению к небу, пусть движется, замерев.
Какое же это счастье – ясность в душе!
Господи! Спаси и сохрани всех страждущих, бегущих, блуждающих впотьмах, слепых
детей своих, не ведающих, что ведают счастье!
Спаси их, Господи, а мне...
а мне...
– Ну что? Ну что тебе? Что?
– Пахомыч, друг! стакан тумана!
– Да вот же он! Пей!
Я вздохнул залпом.
Захлебнулся.
Задохнулся.
Помер.
Снова помер.
Ожил, помер, вздохнул, замер.
Забился, помер, огляделся вокруг.
Всё так и стояло колом и косо, и солнце, и тени густые – ух! берлинская лазурь, я вот тебе! – крон ещё хрен жёлтый, творёное золото – и киноварь,

киноварь,
киноварь.

С какого тебя дерева содрали?

– Туману, Пахомыч, *туману!* Я так и знал, что этот остров не доведёт до добра! Туману же дай!

– Да вот же он! Пей!

– Туману! Туману! Туману! Чтоб ясность была!

...

...

...

...

...

...

– А что касательно червонца. Как видите, милостивый государь мой, отчего-то никто не даёт!

– Сэры, сэры! Может быть, скинетесь? Людка, Боряшка, лименты.

– Да вы сами видите, у нас друг туману требует. Видимо – солнечный удар. Нам нужно срочно на корабль.

– Сэр! Последний трюк! Клянусь, этого никто не умеет делать! Я сейчас *сойду с ума!* Понимаете? Отделю от себя свой ум, вспрыгну на него, как на пирамиду, и по ступенькам, по ступенькам вниз, вниз, вниз...

– Не надо, – прорвался я, оглядывая стоящий колом мир и звук в нём, – не надо... вот червонец... с ума сходят всё время и без пирамиды и ступенек... а этот убежавший пусть вернётся. Только поскорее... червонец за то, чтоб мне не смотреть. Ясно? Закрываю глаза! Бери червонец.

Я закрыл глаза и почувствовал, будто перо ветра смахнуло монету с моей руки.

Потом что-то шелестело, хрустела галька, сипел песок, но я не открывал глаз, пока Пахомыч не сказал:

– Сошлись!

И я открыл глаза.

Перо ветра, конечно, улетело.

Пальмы брякали кокосами.

Нищие тянули руки.

Суер раздавал червонцы.

Я шёл к шлюпке.

Глава LXXII Стакан тумана

Ух, какое огромное облегчение почувствовал я, когда мы наконец отвалили от этого тяжелейшего острова. Гора с плеч!

И матросы гребли повеселее, и Суер глядел в океан платиновым глазом, лоцман Кацман отирал просоленный морем лоб, Пахомыч споласкивал гранёный стакан, перегнувшись через борт.

– Слушай-ка, Пахомыч, – сказал я, – откуда у тебя туман-то взялся?

– Туман у меня всегда при себе, – отвечал старпом, доставая из внутреннего жилетного кармана объемистую флягу (так вот что у него все время оттопыривалось! А я-то думал – Тэтэ!). На этикетке написано было «ТУМАН», 55 копеек:

Т – трудноусвояемый
У – умственноудушающий
М – моральноопустошительный
А – абалдительный
Н – напиток.

– Напитк? – утомлённо переспросил я. – А «О»-то куда подевалось?

– А «О», господин мой, вы как раз и выпили, находясь в состоянии помрачения. Не желает ли кто распить и остальные буквы?

– Можно, – сказал Суер. – Немножечко «А». Тридцать пять грамм, на самое доньшко.

– А мне «ЭН», – согласился и лоцман. – На два пальца.

– А вам, юнга?

Юнга промолчал. Он вообще как-то поник, замолк, иссяк.

– Что с вами? – ласково спросил старпом. – Нездоровится? Глоток тумана вполне поможет. Это проверено.

– Я здоров, – отвечал юнга, – но немного расстроен. Дело в том, что там на острове – мой бедный папа.

– Там? Папа? И вы промолчали?

– Растерялся... Да и вы были слишком заняты туманом и этим бегством от самого себя.

– Что же теперь делать? – спросил Суер, оглядывая нас. – Возвращаться?

– Не обязательно, – сказал юнга, – я только посмотрел на него, и достаточно.

– Но вы уверены, что это ваш отец?

– Конечно, сэр. Вот его портрет, всегда при мне, – и юнга достал из-за пазухи золотой медальон, на котором изображён был человек вроде бы с усами, а вроде бы и без усов.

– Не пойму, – сказал старпом, – с усами он или без.

– Вот это-то и есть главная примета, – отвечал юнга. – Мне и мама всегда говорила. Главная примета папы: так это не поймёшь – с усами он или без.

– Надо возвращаться, – сказал капитан, – всё-таки должен же сын поговорить с отцом, тем более с такою приметой. Дело за тобой, друг мой, – и капитан глянул мне в глаза, – в силах ли ты вернуться?

– Я не в силах, – отвечал я, – но и не вернуться тоже нельзя. Ненавижу этот остров, но потерплю, Пахомыч, друг, ещё хоть полстакана.

Глава LXXIII Сидящий на мраморе

Нашим возвращением островитяне были потрясены не меньше, чем крепдешином в небе.

Действительно, ведь так же не бывает: подающий подаёт, проходит мимо и обычно не возвращается. А тут вдруг вернулись. Да неужто целковые раздавать?

Не раздавая, однако, никаких целковых, ведомые медальоном, мы просекли строй нищих и подошли к мраморному камню, вокруг которого собрались особо грязные и жалкие собиратели подаваний. Они однообразно скулили:

– Подайте кто сколько может... Подайте кто сколько может... Подайте кто сколько может...

кто сколько может...

сколько может...

На мраморном же камне сидел человек, который эту фразу, отточенную веками, трактовал иначе:

– Подайте кто сколько НЕ МОЖЕТ.

Такой поворот идеи несколько обезоружил нас, и лоцман даже забормотал:

– Да как же так, ребе, откуда же мы возьмём?

– Действительно, – поддержал я Кацмана, – скажите, равви, как это я МОГУ подать столько, сколько НЕ МОГУ?

– Очень просто. Рубль вы можете подать?

– Могу.

– А двадцать?

– Ну, могу.

– Без «ну», без «ну», дорогой благодетель.

– Могу, – сказал я, скрипя зубами.

– И без скрипенья зубов, пожалуйста.

– Пожалуйста, – сказал я, убрав скрипенье. – Вот двадцатка.

– Э, да двадцатку вы можете, а я прошу – сколько не можете.

– Это сколько же?

– Да я-то откуда знаю? Ну, скажем, сотню.

– Куда? Чего? Это уж вы хватили. Сотню... да я и денег-то таких в глаза... нет, никак не могу...

– Ну а если поднапрячься?

– Нет.

– А если дико-дико перенапрячься?

– Нет, нет и нет!

– А вы в глубину-то души загляните. Загляните и поглядите – чего там, в глубине-то вашей? Есть ли сотенка?

Повинуясь какому-то магнетизму, исходящему от этого человека, я действительно заглянул в глубину своей души и нашёл там, прости меня господи, парочку сотен. Доставать их, конечно, не хотелось, но тогда чего я, как дурак, ввязался в эту философию?

– Могу, – сказал я. – Пару сотен могу, но уж не больше.

– А тыщу?

– Ну, это уж вы вообще... откуда? Тыщу чего? Рублей? Долларов? Пиастров?

– А если б ты всё продал? – ввязался неожиданно лоцман Кацман. – Набрал бы небось тыщонку.

– Дружба с вами, лоцман, стоит значительно дороже, – обиделся я. – Вопрос: кто даст такие деньги?

– Я не дам, – сказал капитан и развёл нас с лоцманом мановением пальца. – Позвольте теперь и мне задать вопрос. Я прекрасно понял фразу: подайте кто сколько НЕ МОЖЕТ. В этом, наверно, и есть смысл истинного подаяния. Но – бывало ли такое? Подавал ли вам кто-нибудь? Получали ли вы просимое?

– Бывало, подавали, получал, – кратко ответил сидящий на мраморе.

– Часто?

– Примерно раз в два года.

– И что это за люди, подающие столько, сколько НЕ МОГУТ?

– Вполне достойные люди.

– Но всё-таки: возраст, пол, образование?

– Всякий раз это уникальный случай, – уклончиво отвечал сидящий на камне.

– Ну расскажите же, это так любопытно.

– В каждой профессии есть свои секреты, – усмехнулся сидящий на мраморе. – А потом, вы как будто из комиссии по расследованию. Приплыли на своём «Лавре», испоганили небо крепдешином, да ещё рассказывай, кто мне сколько подаёт. Скажу одно: тот, кто слышит

мою просьбу о подавании, всегда задумывается о своих возможностях, как умственных, так и морально-материальных. Всё!

И сидящий на мраморе прикрыл очи.

– Нет, не всё, – парировал вдруг Пахомыч. – У нас есть ещё вопрос, очень и очень важный. А именно: нам бы хотелось знать, С УСАМИ вы или БЕЗ?

Глава LXXIV Усы и невозможное

– А вы что ж, сами не видите?

– Видим. Но толком не разберём. То вроде бы с усами, то вроде нет.

– В этом-то весь фокус, – улыбался сидящий на мраморе. – А то чего уж проще: отпустил усы и ходишь как дурак, а ребятишки и вопиют: «Эй, усатый-полосатый!»

– Конечно, это фокус, – сказал Пахомыч, – но для чего он? Кому нужен такой фокус? Скажите же всё-таки: С УСАМИ вы или БЕЗ?

– Если я скажу, что я БЕЗ, вы начнёте спорить, что я С усами, так что я предпочту на ваш вопрос ничего не отвечать.

– Не понимаю, – сказал старпом, – почему бы точно не определиться и не заявить прямо: да, я усатый, или ладно – безусый. Вы как будто скрываете свои приметы. Вы что – в розыске?

– Ей-богу, ребята, – сказал Ложноусый, обращаясь к нищей братии, восседающей вокруг мраморного камня, – они из комиссии Огепеучека. Да ни от кого я не скрываюсь! Я честный нищий! А с усами я или без усов – сами разбирайтесь!

– Вы знаете, что мне кажется, сэр, – негромко сказал лоцман Кацман, обращаясь к нашему великому капитану. – Мне кажется, что усы у него растут чрезвычайно быстро, поэтому он их ежесекундно сбивает.

– А зачем? – резонно спросил Суер.

– Если бы не сбивал – они заполнили бы весь земной шар.

– Ерунда, – сказал Пахомыч, – он скрывается. Прячется на этом острове нищих. Прячется от ответственности. Вы же сами понимаете, что среди нищих спрятаться легче всего. Это старый приём всех мошенников – притвориться нищим. А фокус с усами – это полная чепуха, иллюзион. Вы смотрите, как он часто чешет нос. Почешет разик – он с усами, почешет другой – без усов. Усы у него из рукава выскакивают. На резиночке.

Пахомыч до того твёрдо долбил своё, что нам даже стало за него неловко. Твердолобый получался у нас старпом. Идея лоцмана была, конечно, тоньше и глобальней, имела исторические корни.

– Усы на резиночке и просьба подать невозможное как-то не вяжутся между собой, – сказал капитан. – Философия и примитив в одной упряжке. Нет. Этого не может быть.

– Может, может, – долбил Пахомыч. – Абсолютный примитив и в том и в другом случае. Сплошная трусость и самореклама. Обман.

Сидящий на камне между тем весьма внимательно прислушивался к нашему разговору.

– Это просто удивительно, – сказал наконец он, – насколько тонок и умён ваш лоцман и какой дубовый старпом. Ну зачем, скажите на милость, мне скрываться? От кого? От чего?

– Дуб? – переспросил Пахомыч. – Я – дуб? А вы потряните рукавом, и желательна на лоцмана.

– Не стану я тресть, чего ради?!

– Ради усов, которые в рукаве прячутся!

– Да нету там никаких усов.

– Ага! Сдрейфил! Подайте ему НЕВОЗМОЖНОЕ! Ишь какой обормот! Тряси рукавом, показывай свои усы, бестолочь!

– Это я-то трус? Да пожалуйста! Где ваш лоцман?
И тут сидящий на мраморе взмахнул руками, и на лоцмана посыпались самые невероятные предметы, ну во-первых:

куриные косточки,
а во-вторых: таблетки от алкоголизма,
кнопки, колготки, клизмы,
розетки, зажигалки, резеда,
мастихин, мормышка, штопор-открывалка,
папка, две кисточки и к ним акварель.

Но надо твёрдо отметить, что усов среди всего этого никаким образом не было. Была какая-то штука, которую мы попервоначалу приняли было за усы, но это оказалась волосяная хреновинка для бритья.

– Ну, что скажете? – воскликнул Ложноусый. – Где же усы? Ха!

– Я не знаю, где вы прячете усы, – угрюмо сказал старпом, – но что вы скажете на это, гражданин хороший?

И старпом предъявил Врядлиусому золотой медальон, который юнга сдал ему на хранение.

Глава LXXV

Как было подано невозможное

– Что это? Что это? Что это? – побледнел Псевдобезусый. – Откуда? Откуда?

– Ага! Припёрли к стенке! – воскликнул старпом. – Вот от чего ты скрываешься, паскуда! От уплаты алиментов! А вот и сынишка, которого ты бросил, а я подобрал. Пою, кормлю и воспитываю! Вот тебе НЕВОЗМОЖНОЕ прямо в харю!

И старпомыч выпятил юнгу из нашей среды под нос мраморному камню.

Надо сказать, что мы никак не ожидали, что Пахомыч расхамится до такой степени. Но, видно, этот остров подействовал ему на нервы, как и всем нам. Мы не стали спорить, кто кого кормит и воспитывает, а просто наблюдали за продолжением действия. Впрочем, для наблюдений особой пищи не было.

– Папа! – шепнул юнга.

– Сынок, – прослезился Усопчатый. – Как там мама?

– Сам не знаю.

– Неужели всё так же сидит?

– Сидит, а чего ей ещё делать?

– Вот и я сижу. А ты?

– Чего я?

– Сидишь или нет?

– Редко. Я вон плаваю.

– Конечно, это лучше, чем сидеть.

– А ведь многие кто где сидит.

– Ничего, сидят, терпят.

– Вот и мама сидит.

– Отойдем в сторону, – сказал Суер-Вьер, – не будем мешать. В душе у них происходит больше, чем на словах.

– Но на словах тоже кое-что произошло, – упрямылся старпом. – Пусть алименты гонит! Ничего не даёт на сына с самого рождения. Зачал – и пропал в тумане.

– Да что вы, старпом, – сказал капитан. – Что он даст? Он-то не может подать сколько НЕ может. Болтовня ведь одна.

К этому моменту у юнга с папашей вырос уже в душе большой ком идей, чувств и мыслей.
– Сэр! – обратился к капитану Антибезусый. – Подайте же мне столько, сколько НЕ можете. Возьмите меня на корабль.

– Я? На корабль? На какой?

– На «Лавра Георгиевича».

– И вы считаете, что я этого НЕ могу? – засмеялся капитан. – Это я как раз МОГУ.

– Сэр, я тоже прошу, – потупился юнга. – Нам жалко расставаться.

– А вы оставайтесь на острове, – предложил Суер. – Здесь неплохо... мрамор... сдержанные субтропики.

– Да ведь я и к вам как к родным привязался.

– Я бы взял вашего папашу, – строго сказал капитан, – да боюсь, что боцман Чугайло каждое утро будет подавать ему столько, сколько НЕ может! Он у нас умеет превзойти самого себя.

– Сэр!

– Вот вам рубль, юнга. У вас, как известно, нет ни гроша. Берите этот рубль и выполните просьбу нищего. Подайте сколько НЕ можете.

Юнга поклонился, принял рубль и передал отцу.

Лжеусый печально подкинул монету в небо, поймал, поглядел и протянул старпому.

– Орёл! – сказал он. – Алименты. Купите мальчику фруктов.

Глава LXXVI Явление природы

– Круговорот рубля в природе, – продолжал сэр Суер-Вьер, когда мы возвращались на «Лавра» в нашей старой многоосмоленной шляпке. – Можно было сразу отдать рубль старпому.

– Я не возражаю, – сказал Пахомыч. – Можете сразу отдавать мне свои рубли. Приму. Как должное.

– Рубль рублём, – сказал я, – но в процессе его продвижения мы увидели много разных редкостей: юнга – папу, мы – человека с приметой под носом. Сын подал отцу, а это исключительный случай, и в заключение совершеннейшее чудо: старпом принял рубль от нищего.

– На фрукты, – поправил старпом. – Лично мне этот рубль не нужен. Придём в Сингапур, куплю бананов, ананасов, манго...

– Да бросьте вы Сингапура ждать, – сказал сэр Суер-Вьер, – купите у меня яблоко.

– Ну вы, кэп, вообще, – хмыкнул Пахомыч. – Желаете вернуть рубль на место?

– Но взамен достаю из кармана, – сказал капитан и вытащил яблоко.

– Антоновка! – воскликнул старпом. – Ух, какая налитая! Стоит рубля! По рукам!

Они ударили по рукам, и старпом протянул юнге яблоко.

– Ешь, дитё! – сказал он.

– Дурь, – фыркнул Кацман. – Я высказываю догадку насчёт усов, способных заполнить земной шар, а они всё сводят к рублю и яблоку.

– Догадка ваша гениальна, – согласился Суер, – но, к счастью, они его пока ещё не заполнили, и мы можем вернуться к яблоку, с которого многое, поверьте, началось.

Шляпка приближалась к «Лавру».

Юнга надкусил яблоко.

А в небе тем временем началось явление, которое можно записать так:

Твёрдо

Есть

Мыслете

Наш
Ын
Йорк

Како
Рцы
Есть
Покой
Добро
Есть
Шар
Иже
Наш

Наш
Он
Червь
Иже

Он
Како
Уголь
Твёрдо
Аз
Люди

Живот
Иван
Добро
Како
Он
Есть

Твёрдо
Есть
Люди
Он

Он
Како
Есть
Аз
Наш
Аз

Во всяком случае, вполне логично закончить вторую часть книги точно так, как началась первая: ТЁМНЫЙ КРЕПДЕШИН НОЧИ ОКУТАЛ ЖИДКОЕ ТЕЛО ОКЕАНА.

Часть третья

Бизань

*Евгении Филипповой – ласточке, пролетающей над последней
мачтой нашего фрегата, вся мачта и посвящается*

Глава LXXVII

Мадам Френкель

Только мадам Френкель не выбила зорю.

Она плотнее закуталась в своё одеяло.

– Это становится навязчивым, – недовольно шепнул мне наш капитан сэр Суер-Вьер.

– А чем ей, собственно, ещё заниматься? – сказал я. – Делать-то больше нечего.

– Могла бы вязать, – предложил Кацман, – или штопать матросам носки, всё-таки хоть какой-то смысл жизни.

– Штопать носки! – воскликнул Суер. – Да кто же согласится на такой смысл жизни?!?!

– Есть люди... штопают, – задумался Пахомыч, вспоминая, видно, родное Подмосковье. – Штопают и шьют... но, конечно, не на такой разболтанный экипаж! – И Пахомыч в сердцах грохнул кулаком по крюйт-камере.

– Чего она тогда вообще с нами увязалась? – сказал Кацман. – Куталась бы на берегу!

– На берегу многие кутаются, – сказал я. – На берегу кутаться не так интересно. Другое дело – океан, «ЛАВР», свобода! Здесь всё приобретает особый звук, значение, прелесть! На берегу на неё и вниманья никто бы не обратил, а здесь мы каждое утро прислушиваемся: как там наша мадам, кутается ли она в своё одеяло?

– Я, вообще-то, не собирался прислушиваться ко всяким таким делам, – поморщился Суер, – и вообще не хотел брать её в плаванье. Мне её навязали, – и капитан нелицеприятно посмотрел мимо меня куда-то в просторы.

– Вы смотрите в просторы, капитан, – сказал я, – но именно просторы подчёркивают всю прелесть этого бытового и тёплого смысла жизни. Огромная хладная мгла – и маленькое клетчатое одеяло. Я её навязал, но навязал со смыслом.

– И всё-таки, – сказал Суер-Вьер, – мадам не очень нужный персонаж на борту. На острове Уникорн она, конечно, сыграла свою роль, а в остальном...

– Я не согласен с вами, сэр, – пришлось возразить мне. – Она сыграла свою роль, когда впервые закуталась в своё одеяло. Впрочем, если хотите, выкиньте её вместе с одеялом.

– Такой поступок не слишком вяжется с моим образом, – поморщился капитан. – Я и ложного-то Хренова выкидывал скрипя сердцем. Не могу-с.

– А я вам помогу, – предложил я, – и просто вычеркну её из пергамента.

– Не надо, – покачал головой старпом. – Пускай себе кутается. Кроме того, она и носки мне штопала пару раз. А вам, лоцман?

– Да что там она штопала! – возмущённо воскликнул лоцман. – Подумаешь! Всего один носок! И то он на другой день снова лопнул!

– Лопнул?

– Ну да, кэп, – занял лоцман. – У всех рвутся, а у меня лопаются.

– Заклеивать их никто не обязан, – сказал капитан. – Но если у всех рвётся, а у вас лопается, то и мадам имеет право на собственный глагол.

И мадам, надо сказать, Френкель сей же секунд не преминула воспользоваться своим глаголом, то есть ещё плотнее закутаться в своё одеяло.

Глава LXXVIII

Остров особых веселий

Остров, к которому мы подошли поздним июльским вечером, показался нам *уже открытым*.

– Какой-то у него слишком *уже открытый* вид, – раздумывал Кацман, – сильно на Валерьян Борисычей смахивает. К тому же и долгота, и широта совпадают, а вот воркута...

– Что воркута? – недовольно спросил капитан.

– Воркута не та, – сказал лоцман. – Это другой остров. Ну что, кэп, будем открывать?

– Не тянет, – честно сказал Суер-Выер. – Жаль, что по воркуте не совпадает. После острова нищих я новых островов побаиваюсь, во всяком случае острова особых веселий не жду.

– Видна какая-то сараюха вроде бунгало, – сказал Пахомыч, разглядывая остров в дальнеобитное пенсне, – заборчик, садик, лупинусы. А вдруг, сэр, там за заборчиком особые веселия? А? Я знал в Тарасовке один заборчик. Похож!

– Участок в шесть соток, – сказал капитан. – Знакомая картина... ну ладно, давайте открывать.

Мы сошли на берег, открыли остров и напрямиком направились к лупинусам и сараюхе-бунгало. Постучались – внутри молчок. Заглянули в дверь – ёлки-палки! Веселия!

Повсюду на шкафах и столиках стояли разные веселия:

виски,

пиво-помидоры,

индейка в банке,

водка,

спелые дыни и ахмадули,

фисташковые фишки,

маринованные полубакенбарды,

вилы рубленые,

фаршированные бахтияры,

соль,

куль,

фисгармонь.

У стенок имелись две по-матросски заправленные опрятные койки. У каждой – тумбочка, на ней графинчик, бритвенный прибор в гранёном стакане.

Над подушками – фотографии родителей и девушек с надписью «Привет с курорта». Висели и фотографии самих койковладельцев: на одной – бравый лётчик и надпись «Над родными просторами», на другой вытянулся во фронт гвардеец, вокруг которого вилась надпись «Отличник боевой и политической подготовки».

– Веселия! – воскликнул лоцман. – Но где же хозяйева?

– Видно, вышедши, – молвил Пахомыч. – Можно бы выпить пару пива за их счёт, да фрукты на фото унылые, такие могут и по шее накостылять.

Мы вышли из сараюхи, побродили по лупинусам и уже отправились к шлюпке, как вдруг услышали позади:

– Эй, мужики, вы кого ищите?

Из бунгало выглянул низенький плотный господин с очень и очень грязным лицом. За ним виднелся и второй – мордастый, с харею никак не чище первой.

– Мы ничего не ищем! – крикнул в ответ лоцман. – Мы просто открываем новые острова. Хотели было ваш остров открыть, да хозяев не нашли.

– А мы-то думали, что вы каких-то особых веселиев ищите.

- Да нет, мы веселий не ищем, мы только острова открываем.
- А то, если вы веселиев, так мы можем устроить.
- Да не надо нам никаких веселий, мы просто острова открываем, хотели было ваш остров открыть, да хозяев не нашли.
- А нас дома не было.
- Мы стучались, а в доме пусто.
- Э-ке-ке! – засмеялись грязномордые. – Конечно, пусто. Мы ведь только что из подпола выползли. Заходите рюмку осушить.

Глава LXXIX

Осушение рюмки

- Рюмку осушить нам всегда хотелось, но с этими господами не тянуло.
- На язву, что ль, сослаться? – шепнул лоцман.
  - Вы там на язву-то особо не ссылайтесь, – крикнули гряземордые. – Идите знакомиться и рюмку осушать. А не пойдёте – устроим особые веселия!
  - Нас, в конце концов, четверо, – шепнул лоцман, – а их двое. Справимся в случае чего.
  - Вы ошибаетесь, – сказал Суер. – Всё по-другому. Их двое, а нас – ни одного. Но рюмку осушать придётся. Как бы только вместе с рюмкой не осушить и чего другого.
  - Чего же, сэр?
  - Осушается, в принципе, всё, – сказал капитан. – И особенно – души.
- Мы вернулись к сараюхе, стали знакомиться.
- Жипцов, – представился один.
- Другой:
- Дыбов.
  - Жебцов или Жопцов? – спросил вдруг лоцман.
  - Жип... Понял меня? Жип.
  - Понял, понял, – струсил Кацман.
  - Ну... надо... рюмку осушать, – туго проворотил Дыбов. – Сейчас мы морды вымоем, а вы пока разливайте.

Я взялся за разлив водочки по рюмкам – для меня это привычное и приятное дело – и благородно разлил по семьдесят пять, не промахнувшись, надеюсь, ни на миллиграмм.

- Розлито профессионально, – одобрил Жипцов. – По булькам льёт. Ты не с Таганки?
- Эх, Жипцов, Жипцов, – ответил я. – Рюмочную в Гончарах помнишь?
- Э-ке-ке! – засмеялся Жипцов. – Слышь, Дыбов, это свои, да к тому же ещё живые. Давай селёдки с картошкой отварной.

Дыбов начистил картошки, разделали пяток селёдок с молоками, лук, постное масло, выпили. Я тут же налил по сто.

- Ну – таганская школа! – восхищённо сказал Жипцов. – Всё правильно, по норме.
- И я тут же налил снова по семьдесят пять.
- Всё, керя, – сказал Жипцов, – с тобой всё ясно. Лей под беседу.
- Это уж кому как по ндраву, – согласился Дыбов.

Выпив и помывши морду, Дыбов несколько оттаял и на нас смотрел уже помягче, всасывая длинную бело-розовую селёдочную молоку. Надо отметить, что, несмотря на довольно усердное отмывание морд, ни Жипцову, ни Дыбову отмыть их до конца как-то не удалось. Земля грубо въелась в их кожу, в каждую поринку и морщинку. Мне было любопытно, отчего это так.

- Ну у тебя и кожа на роже, – сказал я Жипцову на таганских правах. – Дурьскипидаром её надо мыть или кашинской минеральной.

- Мыли, – сказал Дыбов. – Это профессиональное.
- Что же это у вас за профессия такая? – робко полюбопытствовал Кацман. – Не шахтёрская ли?
- Э-ке-ке! Ке-ке! – засмеялся Жипцов. – Слышь, Дыбов? Ты чего? Не шахтёр ли?
- Наверде шахтёра, – выпил Дыбов, всасывая другую молоку, ещё розовой и белей первой. – Я скорее навалоотбойщик.
- Э-ке! Э-ке! – икал своим дурацким смехом Жипцов. – У него только забоя нету – один отбой.
- Всё-таки нам немного непонятно, – сказал сэр Суер-Вьер, – кто вы по профессии. Ясно, что вы смеётесь над нашим незнанием. Наверно, это секретная специальность?
- Да нет, что ты, – отвечал Жипцов, – никакого особого секрета нету. Специальность необычная, но прибыльная, хорошо платят, а вот этот домик на острове – вроде нашего дома отдыха, всё бесплатно, тут мы с Дыбовым и отдыхаем.
- И какая же у вас работа?
- Нелёгкая, керь, непростая... мертвецов допрашиваем... прямо в могилах.
- Вот так-с, – подвёл итог капитан. – Вот до чего нас доводит неуёмная жажда открывания новых островов.
- А также осушение рюмки, сэр, – добавил Пахомыч.

Глава LXXX

Рюмочка под беседу

Пожалуй, мы не так уж сильно были потрясены странным объявлением Жипцова и, возможно, даже предполагали, что такие профессии и должности существуют, но столкнуться с ними до поры до времени не ожидали и думать об этом не решались.

- И что ж, всех-всех допрашиваете? – спросил лоцман.
- Э-ке-ке! – засмеялся Жипцов, и беседа потекла плавно, осушение рюмки совершалось исправно, и я наливал уже то по пятьдесят, то по тридцать. По таганским законам пустые бутылки ставил на пол.
- Да нет, не всех, – рассказывал Жипцов, – а только кого Жилдобин прикажет. Жилдобин у нас начальник. Как прикажет – мы и ползём, я спрашиваю, а уж Дыбов старается.
- Как же это ползёте? – невольно удивился старпом. – Отсюда?
- А чего? Прямо отсюда и ползём. Через этот погреб.
- Так вода же кругом! Океан!
- Э-ке-ке! – засмеялся Жипцов. – Под окияном тоже мать-сыра-земля. Под окияном и приползём: хушь – в Мытищи, хучь – в Таганрог. Мы на это скорые. Конечно, далеко ползть бывает неохота, но – приходится. Мы-то больше по Расее ползаем, у нас там все свои всходы и выходы.
- Приползём, – вставил Дыбов, – и рачительно... спрашиваем, это кого Жилдобин укажет... А ему-то сверху говорят.
- Кто же сверху-то?
- А это кто про нас на бумагу записывает, – пояснял Жипцов. – Кто-то – не знаю фамилие – записывает всё и про тебе, и про мене. Вот ты, скажем, скрал, или задавил кого – всё записано, или заложил кого – опять записано. Про нас всё пишется. После бумаги эти, как водится, обсуждают, протрясают, кому чего и как, и Жилдобину – приказ. А уж он нас наставляет, куда ползть и о чём спрашивать. Так что мы заранее знаем, за кем что числится. Некоторые дураки и в могиле отнекиваются, мол, я не я и кобыла не моя, но тут уж Дыбову равных нет, старый кадр – афгангвардеец.

– Да я это, – провещился Дыбов, – так-то ничего... ну а если, так чего ж? Надо... Осушение рюмки тоже ведь... всё по традициям... молоки сладкие... а иначе как... фортификация, так-то.

– Значит, людям и в земле покоя нет, – задумался старпом.

– Э-ке! Да разве это люди? Ты служи старательно! Пей в меру, докладывай когда чего положено. А то зачали храмы рушить да не своё хватать, а после и думают, в земле покой будет. Нет, не будет и в земле покою.

– Да ладно тебе, – сказал Дыбов, – чего там... ну всякое бывает... вот только селёдок с тремя молоками не бывает... но, конечно, на то мы и приставлены, чтоб следить во земле... а без нас какой же порядок?.. формальность одна и неразбериха, кто чего и как...

– Скажите, пожалуйста, господа, – печально проговорил сэр Суер-Выер, – ответьте честно: неужели за каждым человеком чего-нибудь и водится такое, о чём допрашивать и в могиле надо?

– Ишь ты... – ухмыльнулся Дыбов, – стесняешься... а ты не тушуйся... мы, конечно, сейчас рюмку осушаем, но если уж нас к тебе пошлют...

– Да нет, – успокоительно мигнул Жипцов. – Иной, если сознаётся и греха невеликие, так просто – под микитки, в ухо – и валяйся дальше, другому – зубы выбьешь. Бывают и такие, которым сам чекушку принесёшь, к самым-то простым нас не посылают, там другие ползут. Там у них своя арифметика. Чего знаем – того знаем, а чего не знаем... про то... но бывает, и целыми фамилиями попадают, прямо косяком идут: папаша, сынок, внучик, а там попёрли племяннички, удержу нет, и всё воры да убивцы. А сейчас новую моду взяли: гармонистов каких-то завели. Ужас, к которому ни пошлют – гармонист.

– Много, много нынче гармонистов, – подтвердил и Дыбов. – Ух, люблю молоки!

– Но это не те гармонисты, что на гармони наяривают да частушки орут, а те, что гармонию устраивали там, наверху. Нас-то с Дыбовым ко многим посылали... мы уж думали, кончились они, ан нет, то тут, то там – опять гармонист.

К этому моменту разговора мы осушили, наверно, уже с дюжину бутылок, но и тема была такая сложная, что хотелось её немного разнообразить.

– Стюк-стюк-стюк-стюк... – послышался вдруг странный звук, и мы увидели за стеклом птичку. Это была простая синица, она-то и колотила клювиком об стекло.

– Ух ты! – сказал Дыбов и залпом осушил рюмку.

– Ну вот и всё, кореша, – сказал и Жипцов, надевая кепку. – Спасибо за компанию. Это Жилдобин.

– Это? – вздрогнул лоцман, указывая на синицу.

– Да нет, – успокоил Жипцов. – Это птичка, от Жилдобина привет.

– Рожу зря мыли... – ворчал Дыбов, – морду скребли... Ладно... – И они прямо с табуретов утекли в погреб.

Глава LXXXI Бескудников

– Ну вот и открыли островок, – мрачно констатировал Суер. – Вот с какими упырями приходится пить.

– Бывало и другое, кэп, – сказал я. – Бывало, чокались и с их клиентами.

– Ну и рожи, – сказал Кацман. – А брови-то, брови! Такими действительно только землю буровить.

– Чу! – сказал Пахомыч. – Чу, господа... прислушайтесь... из погреба.

Из-под крышки погреба, которую Жипцов с Дыбовым второпях неплотно прикрыли, слышались односложные железные реплики, судя по всему указания Жилдобина. Речь шла о

каком-то, который многих угробил, потом говорилось, как к нему подползти: «...от Конотопа возьмёте левее, увидите корень дуба, как раз мимо гнилого колодца...», слышно было неважно, но когда Жипцов дополз, стало всё пояснее. Слушать было неприятно, но...

– Ну и ты что же? – спрашивал Жипцов, чиркая где-то далеко спичкой и закуривая. – Всех-всех людей хотел перебить?

– Всех, – отвечал испытуемый. – Но не удалось.

– А если б всех уложил, к кому бы тогда в гости пошёл?

– Нашли время по гостям ходить. Уложил бы всех и сидел бы себе дома, выпивал, индюшку жарил. Но вот видите, не успел всех перебить. Расстреляли, гады. Лежу теперь в могиле, успокоился.

– Э-ке-ке, – сказал Жипцов. – Неужто наверху ещё расстреливают? А я и не знал. Но тебе это только так кажется, что ты успокоился. Вслед за мною-то ползёт Дыбов.

– А что Дыбов?

– Ничего особого... Дыбов как Дыбов... Как твоё фамилие-то? Ваганьков? Востряков? Ага... Вертухлятников... так вот, господин Вертухлятников, за ваши прегрешения и убиения живых человеков – а убивали вы и тела, и души в районах Средней Азии и Подмосковья – вам полагается разговор с господином Дыбовым... Толя? Ты чего там? Ползёшь?

– Да погоди, – послышалось из недр. – Тут одному попутно яйцо нафарширую... а кто там у тебя?

– Да этот, по бумагам Вертухлятников...

– Ты его пока подготовь, оторви чего-нибудь для острастки...

Вдруг там под землёй что-то захрустело, заклокотало, послышался грохот выстрела и крик Жипцова:

– Брось пушку, падла, не поможет!

– Чего там за шум? – спросил Дыбов.

– Да этот в гроб с собой браунинг притащил, отстреливается... да в кого-то из родственников попал, а тот – повешенный... умора, Толик! Ползи скорей, поглядишь.

– Погоди, сейчас венский кисель закончу, а ты червяков-то взял?

– Взял.

– Да ты, небось, только телесных взял. А задушевных взял червяков?

– С десяток.

– Напусти на него и на его потомство.

– На потомство десятка не хватит.

– А брал бы больше. С тобой, Жипцов, выпивать только хорошо, а работать накладно. Всё самому делай. Ты только допрашиваешь, а мне – в исполнение приводи. В другой раз побольше бери задушевных червяков,

а также

сердечно-печёночных,

херовых-полулитровых,

аховых,

разболтанных,

пердоколоворотных

по полсотни на клиента,

по два десятка для потомства по линии первой жены,

два десятка по линии потомства последней жены,

по десятку на промежуточных, если таковые имеются...

– Моя фамилия Бескудников! – взвыл вдруг испытуемый. – Бескудников! Я лёг вместо Вертухлятникова! Не я убивал! Он! Дал мне по миллиону за кубический сантиметр могилы! По миллиону! Ну, я и взял! А он-то ещё по земле ходит!

– Что ж ты, падла, и под землёй прикидываешься? – Из погреба слышались такие звуки, как будто с трактора скидывали брёвна. – Слышь, Дыбов! Это Бескудников. Что там про него записано?

– Погоди... – слышался тяжкий вздох Дыбова. – Передохну... мне тут такая сволочь попала, жалко, что его не сожгли, прошёл бы по молекульному ведомству, сунули бы в бонбу... Бескудников, говоришь? А-а. Его тут давно ждут. Большая гадина. Что говорит – всё врет. Он родился в тысяча девятьсот...

– Хватит, – сказал вдруг наш капитан сэр Суер-Вьер и захлопнул крышку погреба. – Открыли остров, но закроем люк. Думаю, что все эти беседы под землёй проходят однообразно и кончаются одинаково, иначе на это дело не брали бы таких долдонов, как Дыбов.

– Пора на «Лавра», – сказал старпом. – Хочется напоследок осушить ещё рюмочку, да не знаешь, за чьё тут здоровье пить. За хозяев как-то не тянет.

– Можно выпить за здоровье лоцмана, – предложил вдруг я.

– За меня? – удивился Кацман. – С чего это? Почему? Это что – намёк на что-нибудь? Зачем ты это сказал?? Нет-нет-нет! Не надо за меня пить!

– Ну ладно, – сказал я, – выпьем тогда за старпома.

– Что же это ты так сразу от меня отказываешься? – обиделся Кацман. – Сам предложил – сразу отказался. Так тоже не делают.

– Ну давай вернём тост, выпьем за лоцмана.

– Да не хочу я, чтоб за меня пили! С чего это?!?

– Слушай, – сказал я, – скажи честно, чего ты хочешь?

– Молоки селёдочной, – сразу признался Кацман. – Бело-розовой. Да её всю Дыбов засосал.

Глава LXXXII

Лик «Лавра»

Средь сотен ошибок, совершённых мною в пергаменте, среди неточностей, нелепостей, упомощрачений и умышленных искажений зияет и немалый пробел – отсутствие портрета «Лавра Георгиевича».

То самое, с чего многие описатели плаваний начинают, к этому я прибегаю только сейчас, и подтолкнули меня слова нашего капитана:

– Что-то я давно не вижу мичмана Хренова.

– Да как же, сэр, – ответил старпом. – Вы же сами сослали его за Сызрань оросительные системы ремонтировать.

Капитан в досаде хлопнул рюмку и попросил призвать мичмана поближе, а я решился немедленно всё-таки описать наш фрегат. Верней, совершить попытку невозможного, в сущности, описания.

Как всякий парусный фрегат, наш любимый «Лавр Георгиевич» был статен, величав, изыскан,

фееричен,

призрачен,

многозначен,

космично-океаничен,

волноречив,

пеннопевен,

легковетроен,

сестроречен

и семистранен.

Никогда и никто и никаким образом не сказал бы, глянув на «Лавра Георгиевича», что это – создание рук человеческих. Нет! Его создало всё то, что его окружало, – океан, небо, волны и облака,

ветер и альбатросы,
восходящее солнце и заходящая луна,
бред и воображение,
явь и сон,
молчание и слово.

Даже паруса или полоски на матросских тельняшках были его авторами никак не менее, чем человек, который в эту тельняшку вместительно помещался.

И в лоб, и анфас, и в профиль наш фрегат смотрелся как необыкновенное явление природы и вписывался в наблюдаемую картину так же естественно, как молния – в тучу, благородный олень – в тень далёких прерий, благородный лавр – в заросли катулл, тибулл и проперций.

Три мачты – Фок, Грот и Бизань, оснащённые пампасами и парусами, во многом определяли лик «Лавра» и связывали всё вокруг себя, как гениальное слово «ДА» связывает два других гениальных слова – «ЛЕОНАРДО» и «ВИНЧИ».

Тремя главнейшими мачтами облик «Лавра», однако, не исчерпывался, и наш капитан сэр Суер-Вьер, когда имел желание, добавлял к Фоку – Строт, ко Гроту – Эск, с Бизанью же устраивались ещё большие сложности.

Если капитан хотел кого-то наказать, он ссылал куда-нибудь на сенокос или на уборку картофеля именно за Бизань, а если этого ему казалось мало, ставил тогда за Бизанью дополнительную мачту – Рязань, а если уж не хватало и Рязани, ничего не поделаешь – Сызрань.

Высоту мачт с самого начала мы решили слегка ограничить, могли их, конечно, удлинить, но до каких-то человеческих размеров, ну, короче, не до страто же сферы. Что до подводной части, тоже немного играли – туды-сюды, чтоб на рифы не нарваться. Вот почему ватерлиния всё время и скрипела. Ну да мы её смазывали сандаловым спиртом, мангаловым мылом, хам-раями, шафраном и сельпо.

– Ну так что там Хренов? – спросил капитан. – Почему не видно его?

– Никак не может из-под Сызрани выбраться, – доложил старпом. – Дожди, дороги размыло, грязи по колено.

– Ну ладно, – сказал наш отходчивый капитан. – Разберите пока что Сызрань, а заодно и Рязань, только Бизань не трогать.

Матросы быстро выполнили все команды, и мичман Хренов оказался в кают-компании, весь в глине, небритый, в резиновых сапогах.

– А восемь тыщ они мне так и не отдали, – сказал он неизвестно про кого, но, наверно, про кого-то под Сызранью.

Глава LXXXIII

Некоторые прерогативы боцмана Чугайло

После острова особых веселий капитан наш ни за что не хотел открывать ничего нового.

– Утомление открывателя, – объяснял он, полулёжа в креслах. – Повременим, передохнём, поплаваем вольно.

Но поплавать вольно нам особенно не удавалось, потому что всё время мы натыкались на острова самые разнообразные, как в прямом, так и в переносном смысле.

Ну вот, скажем, в прямом смысле наткнулись мы на остров, на котором двигательную любовную энергию превращали в электрическую.

– Это что ж, половую, что ли? – спросил вдруг тогда боцман Чугайло.

– Да что вы, ей-богу, боцман, – недовольно прервал старпом. – Сказано: двигательную любовную – и хорош!

Да, так вот у каждого домика там, на этом острове, стоял врытый электрический столб, на котором висел фонарь. Кой-где фонарики светились вовсю, где тускло мерцали, а где и не горели вовсе.

– Это уж такой практицизм, что дальше некуда, – недовольствовал сэр Суер-Вьер. – Нет для них ничего святого. Не стану открывать этот остров.

– Но всё-таки, капитан, – допытывался изящный в эту минуту лоцман, – если б вы открыли остров, то в какой бы домик вошли?

– Где фонари горят! – влез неожиданно боцман Чугайло. – Чтоб горели ярче! Люблю свет! Долой тьму!

– Боцман! – прикрикнул старпом. – Замри!

– Да нет, мне просто интересно, – оправдывался Чугайло, – как они её превращают, системой блоков или приводными ремнями?

– А я бы пошёл туда, где не горит, – внезапно сказал мичман Хренов.

– Это ещё почему же? – спросил Суер, недовольный, кажется, тем, что слишком рано вызвал мичмана из-под Сызрани.

– Объясняю, кэп, – с некоторой фамильярностью сказал мичман. – Там, где не горит, там, скорей всего, выпивают. Выпили бы по маленькой и фонарик зажгли.

– Эх, молодость, – отвечал на это сэр Суер-Вьер. – Как для вас всё просто, всё ясно. А ведь настоящая любовь должна мерцать... манить издали, внезапно загораться и снова тлеть, то казаться несбыточной, то ясной и доступной... как светлячок... звездочка... бабочка...

Сэр Суер-Вьер слегка размечтался, в глазах его появилось было... впрочем, ничему особенному появиться он не позволил.

– Остров открывать не будем, – твёрдо сказал он. – Я вовсе не уверен, что мы кому-нибудь там нужны. Да нас просто-напросто и на порог не пустят. Полный вперёд!

– Эх, жалко! – плюнул боцман. – А мне так хотелось ну хоть бы часть своей половой энергии превратить в электрическую.

А потом попался нам остров ведомых Уем. И мы даже вначале не поняли – что это за такое?!?!

Вошли в бухту, шархнули по песку салютом – вдруг на берег вылетают с десятков непонятных каких-то фигур. Вроде люди как люди, а впереди у них что-то вроде пушки на колёсах приделано.

– Вы кто такие? – они орут. – Откуда?

– А вы-то кто? – боцман в ответ орёт.

– А мы – ведомые Уем.

– Чего-чего? – говорит боцман. – Ничего не ясно! А это что за штука, впереди-то у вас приделана?

– А это и есть Уй! – островитяне орут. – Куда прикажет – туда и бежим.

– Неужто удержаться не можете?

– Не можем.

– Капитан, – недовольно сказал тут лоцман, – почему вы отдали боцману прерогативу разговора с этими ведомыми Уем?

– Да пусть берёт себе эту прерогативу, – сказал капитан. – Мне ещё только этой прерогативы не хватало.

– Эй, ребята, – орал по-прежнему боцман, держа свою прерогативу. – А почему Уй-то ваш вроде пушки?

– Да как почему? Стреляет!

Тут какой-то из Уев на берегу заволновался, куда-то нацелился, и вдруг все островитяне унеслись вскачь, ведомые своими Уями.

– Уй-ю-юй! – кричали они.

Всё это напомнило мне весенний московский ипподром, гонку орловских рысаков на таратайках.

Короче, и этот остров сэр Суер-Вьер решил не открывать.

– Не понимаю, в чём дело, сэр, – сказал я. – Я бы всё-таки открыл этот островок, немного пообщался с туземцами.

– Тебе-то это зачем?

– В интересах пергамента. Всё-таки остров ведомых Уем, это могло бы привлечь к пергаменту внимание прессы и пристальный общественный интерес.

– А вдруг да под прицелом этих чудовищ окажется кто-нибудь из экипажа или, не дай бог, сам фрегат, разнесут же в щепки своими Уями.

– Да что вы говорите! Помилуйте, сэр! Фрегат вряд ли может быть предметом любопытства такого рода.

– Кто знает, друг, – отвечивал капитан. – Я всё должен предусмотреть. Лично я встречал человека, которого приводила в неистовство выхлопная труба немецкого автокара «мерседес-бенц».

– Под газом или без? – спросил неожиданно боцман Чугайло.

– Старпом, – ответил на это капитан, не глядя на боцмана, – мне кажется, что боцман слишком уж растягивает данные ему прерогативы. Этот остров мы уже миновали, ну а следующий... следующий пусть открывает боцман Чугайло.

Глава LXXXIV

Остров боцмана Чугайло

– Я? Мне?!?! За что? – немедленно подпрыгнул боцман. – Зачем это мне нужно что-то открывать? Хватит с меня сухой груши! Набегался вдоволь!

– Да нет, боцман, не волнуйтесь, – сказал капитан. – Сухая груша – это была просто шутка. А тут уж мы подберём остров вам по нраву, по душе. Вы только подумайте и скажите, какой бы вам остров хотелось открыть. Может быть, вам понравился какой-нибудь из уже открытых нами островов?

– Что? – завопил боцман, боднув полубак. – Понравился?!?! Да провались они, все ваши острова! Видал я их!

– Ну а какой бы остров вам хотелось?

– Кому? Мне? А вы что, позволите?

– Позволим.

– Открыть самому?

– Ну конечно.

– По рукам?

– По рукам.

– Прекрасно, – сказал боцман. – Давайте мне остров сокровищ.

– Гм... – гмыкнул сэр Суер-Вьер. – Гм... но ведь неизвестно, на каком из островов зарыто сокровище. Вон, скажем, виднеется какой-то остров – но кто скажет, есть на нём сокровище или нет? Неизвестно.

– Вон на том, что ли, где стоит этот развалившийся сарай и баба сено огребает? На этом? Уж на этом-то ясно, что нету.

– Это почему же? А вдруг под сараем зарыто сокровище?

– Под сараем? – вытаращился боцман. – Под тем сараем?

Он тупо глядел то на капитана, то на сарай, возле которого действительно какая-то баба огребала сено.

– Ну да, под тем сараем, – пояснил капитан и для пушей точности указал пальцем на сарай.

– Это у которого крыша дырявая и дверь отвалилась? На одной петле висит?

– Там один сарай, – всё более раздражался сэр. – Про него мы и говорим.

– И под ним сокровище зарыто?

– Да я не знаю, – сказал Суер. – Но почему бы нет?

– Так что – копнуть, что ли?

– Ну не знаю, боцман, это ваше дело, ваш шанс.

– Ну что ж, копну, пожалуй.

– Валяйте.

– Дайте мне лопату.

– Это кто должен вам давать лопату? Я?!?!

– О, простите, сэр! Это я, вообще, так, не сообразил. Где лопата?

– Какая лопата?

– Ну, которой мне копать.

– Я должен вам подавать лопату?

– О, простите, сэр... я как-то растерялся... сарай... баба... Эй, кто-нибудь, принесите сюда лопату.

– А где она? – встрял килевой Кляссер, который в этот момент чистил киль. – Я её давно ищу – кильчистить.

– А чем же ты кильчистишь, рожа? – рявкнул боцман.

– Акульей челюстью, босс.

– Эй, Вампиров! – крикнул боцман. – Где лопата?

– Какая лопата?

– Ты что, дурак? Нормальная лопата.

– Которой копают?

– Ну конечно, дубина! Давай сюда лопату!

– Да где ж я её возьму?

– У тебя что? Нету лопаты?

– Конечно, нету. На кой мне на фрегате лопата?

– Молчать! Не ори! Дубина! Пупок! Говори: где лопату взять?

– Может, кузнец скуёт?

– Эй, кузнец! Где кузнец? Тащи сюда кузнеца! Слышь, кузнец, етит твою мать, где лопата?

Где, говори, говорю, лопата? Что молчишь, чугун?! Котёл!! Что ты там вообще делаешь? Гондон! Ендова!

– Я-я-я-я... – дрожал корабельный кузнец, вытасченный из трюма на палубу первый раз в жизни, – я-я-я-я... корякую.

– Корякаешь, пердило? Куй лопату! Скорее! Давай-давай-давай! Куй!

– Эй, мужики! – послышался вдруг голос с берега.

Баба, которая огребала сено, глядела на фрегат, отмахиваясь от слепней.

– Вы чего там, лопату, что ли, ищите?

– Ну да, лопату! – заорал боцман.

– Так здесь есть лопата.

– Где она? Где?

– Да эвон там – в сарае стоит.

Глава LXXXV

Затейливая надпись

– Не надо мне! – орал боцман. – Никаких матросов. Сам справлюсь! Догребу! Баба! Где лопата? В сарае?

– Ага, – отвечала с берега баба.

Боцман спрыгнул в ялик и быстро дорвал вёсла до берега.

– Давай, баба, давай! Ну давай говори, дура, где лопата?! Показывай, показывай скорей!

– Да вон там...

– Показывай, – орал боцман, увлекая бабу в сарай, – тут, что ли?

– Да не тут...

– Ага, вот она, лопата... так-так-так... слушай, а ведь хорошая лопата попалась, а?.. лопата, говоришь, а я-то думаю – ну где же тут лопата? А она... вот-вот-вот... так-так-так...

И больше мы боцмана не слышали, хотя и с немалым любопытством смотрели на сарай. Сарай, грубо говоря, не шевелился, но и баба из него, честно говоря, не выходила.

Прошёл час.

Баба наконец вышла из сарая и, не глянув на фрегат, сказала как бы в воздух:

– Червей копат... на рыбалку, што ль, собрался?.. Ой, – зевнула она, – прям и не знаю, какая шас рыба?.. – И она продолжала огребать сено.

Прошло ещё минут десять. Из сарая вышел боцман. Под мышкой он держал что-то чёрное, сильно смахивающее на матросский сундучок, облепленный навозом.

– Ну ладно, Настя, покедова, – сказал он. – Завтра жди об это же время, вернусь. С лещами.

– Червей-то накопал?

– Ага, – сказал боцман. – Полный сундук.

И он погрузился в ялик, бодро дочесал до фрегата и явился на борт.

– Порядок, сэр! – доложил он. – Остров открыл, так что можно плыть дальше. Всё путем!

– А что в сундучке? – спросил лоцман.

– В каком сундучке?

– А вот в этом, который вы откопали.

– А, в этом? А это ведь моё дело. Это мой личный сундучок, господин лоцман, я ведь не знаю, что вы держите в своём сундучке.

– Но на остров вы поплыли без сундучка искать сокровище, и если вы его нашли – обязаны нам показать.

– Это так, – сухо подтвердил и старпом. – Уговор был только ОТКРЫТЬ остров, а про сокровище слов не было. Сокровище надо делить на всех!

– Сэр капитан! – вскричал боцман и обрушился на колени около сундучка. – Разве мы так договаривались?! Вы сами предложили МНЕ открыть остров и копнуть. Я открыл, копнул, а чего откопал – это моё дело. Правильно я думаю, сэр?

Наш капитан сэр Суер-Вьер прошёлся по мостику. Положение его было незавидным. Сокровищ тут явно хотелось многим и даже ему самому.

– Один мужик, – сказал он, – вышел рано утром на овсяное поле и увидел: стоит медведь и жрёт овёс, лапами так огребаёт, огребаёт и в рот суёт. Мужик от удивления крякнул, медведь напугался и в лес убежал. И с тех пор мужик этот всем рассказывал, как медведь овёс ест. Он приводил на это место всех своих сельчан и приезжих, но больше с тех пор медведя никогда в жизни не видал. Итак, боцман, сундучок – ваш, и пока я здесь капитан, никто его не отнимет. Но интересно, ЧТО в сундучке. Покажите. Я имею право глянуть, ведь я сказал, где копнуть.

– Отымут, сэр, – нервно икал боцман. – Отымут.

– Не понимаю, сэр, почему я? Есть ещё и мичман, и другие члены экипажа. У всех у них очень развитый, резкий, острый, едкий, пронизательный...

– Хватит, хватит, – прервал Суер. – Спросим мичмана. Нам известен его острый, резкий, практичный, пахучий, безжалостный...

– Дело тёмное, – сказал мичман Хренов. – Автор, видно, был рыбак и не дурак выпить. Пропил, видно, всё, но в сундучке кой-что на чёрный день оставил. После помер, ключ потерялся. Выход один – ломать. Матросам по рублю на водку, всем по доле, капитану две, боцману – полторы.

– Больше я никого слушать не намерен, – сказал сэр Суер-Вьер и требовательнейшим образом посмотрел на меня. – Говори.

– Капитан! Осталась мадам Френкель!

– Мадам занята. Исполняет свой глагол. Толкуй!

– Что значит «толкуй»? Я не знаю, как истолковать эту надпись, я бы сразу сказал, если б знал. Думать надо, чёрт подери! Принесите мне леща и нательную вещь.

Мне сразу принесли новую тельняшку, а вот копчёного леща искали долго.

Принесли, я говорю:

– Подлещик. А нужен именно ЛЕЩ.

Принесли другого.

– Это, – говорю, – уже не подлещик, но ещё и не ЛЕЩ. Это ляпок.

Наконец принесли нормального леща, кила на полторы.

– На табличке, – поясняю экипажу, – кружка с пеной над бортом. Не пиво ли?

– Пиво! Пиво! – загомонил экипаж.

– Прошу подать кружку с пеной в полгротмачты!

Дали.

Ну что ж, я надел тельняшку. Сел попросту на палубу и стал неторопливо выламывать лещевые плавники, прихлёбывая из кружки.

«В чём же смысл, – думал я, – в чём сногшибательный смысл этого простецкого стихотворения:

Чем пить,

поедая отдельных лещей,

Купил бы ты лучше

нательных вещей?»?

Глава LXXXVII Сергей и Никанор

Икра, хочу вам доложить, была неплохая. Икрыной лещ попался, и я поначалу только с икрой и разбирался, даже горькие её кончики, ну такие, вроде саночки детские, и те не выбросил. Рёбра обсосал, а когда приступил к спинке, тут на меня стали наседать зрители.

– Говори смысл надписи, – покрикивали некоторые вроде Ковпака.

Я прямо и не знал, что с ними делать, никак не давали леща дотаранить. Стал отводить удар.

– Вы знаете мою мечту? – спросил.

– Не знаем! – орут.

– Так вот, я мечтаю увидеть человека, который умнее меня. Понимаете?

– Да что такое, – орут. – Неуж такого нету?

– Не знаю, – говорю, – может, и есть. Мечтаю увидеть и поговорить, да всё никак не встречаю... вот такая мечта...

– А Суер, – орут, – Вьер?

– А если он умнее, пускай и надпись трактует.

– Тельняшка давно на мне, – ответил Суер, – а леща ел только ты, так что у тебя передо мной преимущество – съеденный лещ. На весах мудрости мы равны, но лещ перевешивает. Толкуй!

– Ну что ж, друзья, – сказал я откровенно, – смысл я, признаться, понял, ещё когда вы леща искали и за пивом бегали, но отказаться от леща тоже не мог. Так вот вам: смысл этого стихотворения заключается в том, что СМЫСЛА НЕТ.

– Хреновина! Это не толкование! А как же ЛЕЩ?

– Нету смысла. Как вы сами видели, я и ПИЛ, и ЛЕЩА ел, и НАТЕЛЬНУЮ ВЕЩЬ вы мне сами подарили, я имел всё, несмотря на призыв поэта не пить, а покупать. А насчёт сундучка вот что: во-первых, это не сундучок, а вроде ларец, такие ларцы делали для богатых дам минувшего времени, открыть их можно было просто ноготком. У меня нету дамского ногтя, но есть рыба кость. Попробуем, – и я взял обсосанное и сомкнутое с хребтинкой рёбрышко леща и сунул в замочную скважинку. Тыркнул, тыркнул – не получилось.

– Э-э-э-э, – заэкали на меня во главе с лоцманом, – какой фрак выискался, умней него нету, косточкой, дескать.

Я помочил кость в пиве – покарябал внутри, ещё помочил, ещё покорябал, и вдруг послышался звук «чок» – и полилась дивная музыка Моцарта и Беллини, прекраснейшая сюэрта, написанная для валиков на колокольчиках.

Под бемоли сюэрти крышка стала приоткрываться, и из глубины волшебного сундучка поднялись две изысканные фигуры.

Одна – в богатом халате, в красной феске с тюрбаном, другая – в клетчатых брюках, полосатой шляпе.

И фигуры, кланяясь друг другу, изысканно вдруг заговорили, – оказывается, в сундучке был спрятан органчик. Звуки их голосов я и вынужден записать здесь в виде короткой и благонаправной пьески.

– Из дальних ли морей

Иль синих гор

Любезный ты вернулся, Никанор?

– Из Турции приехал я, Сергей,

Привёз ушных

Серебряных серьгей.

– Где ж серьги те?

– Да вот они в ларьце,

Который формою похож на букву «Це».

– О, красота!

Диковина!

Неуж

Они послужат украшеньем уш?

– Весьма послужат!

Посмотри, мой друх,

Какая красота для женских ух!

Смотри, какие на серьгах замочки!

– С такую красотой,

Засунутою в мочки,

Они весьма нас будут соблазнять!

Тут Никанор поклонился, наклонился, нырнул куда-то вглубь сундучка и вынул серьгу. О!

Изогнутая сдвоенным ребром василиска, выкованная из цельного куска перлоплатины, она удлиняла наш взгляд, частично выворачивая его наизнанку, потом укорачивала, а изнанку ставила ребром на подоконник.

Великолепные алпаты,
сапгиры и гайдары,
чистейшей воды ахматы
украшали серьгу.

Матросы заворожённо смотрели на это произведение искусства, слегка ослеплённые блеском особо сверкающих розенталей.

– И это что? – спросил боцман. – Всё?

– Не знаю, – сказал я. – Может, ещё чего-нибудь достанет.

Но фигура Никанор больше ничего не доставала.

– И это всё? – обиженно спрашивал Чугайло. – Одна серьга! А где же вторая?

– А вторая, – сказал капитан, – давно находится у вас в ухе, дорогой господин Чугайло.

Глава LXXXVIII Остров Едореп

Чугайло запил.

Туго, гнусно, занудно, простецки и матерно.

Он прекрасно понял рассказ капитана про мужика и медведя в овсе, чудо в жизни боцмана совершилось, и больше никаких чудес он мог не ожидать. Серьга и кланяющиеся фигурки – вот и всё, что угостила ему судьба, он то и дело заводил их, слушал пьеску и пил, пил, пил. От бесконечного завода или от долгого пребывания в навозе фигурки стали сбиваться с проторённой поэтической дорожки, перевирали слова и один раз даже запели, обнявшись, «Отговорила роща золотая».

Матросы, не получившие с фигурок ни серьги, без боцманского тычка распустились, гнали самогонку из фальшборта, жизнь на судне пошла враскосяк.

Старпом, который жаждал сокровищ не менее других, как-то тоже опустил руки. Да и трудно было, конечно, ожидать, что под каким-то новым сараем лежит уже другой сундучок в навозе, со второю серьгой специально для старпома. Так не бывает.

Пожалуй, только лоцман Кацман пребывал в нормальном расположении духа. Нюхом чувствуя нутро муссона, он всё время приводил «Лавра» к разным островам с навозными сараями, но никто не выражал желания слезть на берег и копнуть.

– Копать под сараями никто не желает, сэр, – докладывал Кацман нашему капитану. – Но вот виднеется остров, на котором сами островитяне копают. Не желаете ли глянуть?

Капитан поглядел в трубу. Перед нами распространялся в океане остров, на котором видны были согбенные его жители. Выставив зады и согнув спины, короткими сапёрными лопатками они копали землю.

– Возможно, это и есть остров настоящих сокровищ, сэр, – предполагал Кацман. – Они решили просто перекопать остров вдоль и поперёк в его поисках.

– Давай слезем для разнообразия, – предложил мне капитан. – Пройдёмся хоть по бережку, порасспросим жителей.

С трудом раскачали мы старпома, чтоб он скомандовал нам гичку, лоцмана оставили за старшого и прибыли на остров с целью, как говорится, его открытия.

Как только мы вышли на берег, я почувствовал необъяснимое головокружение, перебои в сердце и тяжесть на плечах. Дыханье моё затруднилось, и, не в силах стоять, я пал на колени. Капитан немедленно опустился рядом. Так и получилось, что, только лишь открыв остров, мы сразу стали на колени.

– В чём дело? – срывающимся голосом спросил меня Суер.

– А ни в чём, – отвечивал некий островитянин, проползая в этот момент мимо нас. – Вы на острове, где небо давит. Давит и мешает жить и работать.

Обливаясь липким потом, мы оглядели небо. Тяжёлое, мутное, серое и живое, столбом стояло оно над островом и мерно, как пресс, раскачивалось – вверх-вниз, вверх-вниз. Иногда давило так, что сердце останавливалось, иногда немного отпускало. До самой-самой земли оно почему-то не давило, оставалась узкая щель, по которой и ползали островитяне.

– Здесь же невозможно жить, – сказал капитан.

– Возможно, – отвечивал некий островитянин, который почему-то от нас не отползал. – Хотя и очень, очень херово.

– А что делают ваши сограждане?

– Как чего делают? Репу копают.

– Репу?

– Ну да, репу. Картошку мы не содим, её окучивать надо, а это без распрямления всей спины очень трудно. Так что – репу. Которые помоложе, покрепче – ещё и турнепс.

– Ну а, к примеру, морковь?

– Ч-ч-ч, – островитянин приложил палец к губам. – Запрещено. Цвет не тот.

– Кто же запрещает? – спросил наивно Суер-Вьер.

– Там, – сказал островитянин и посмотрел куда-то на верх той щёлочки, что оставалась между небом и землёй.

– Но ведь не репой единой жив человек, – сказал Суер. – В эту щель вполне пролезет домашнее животное, ну скажем, овца, курица.

– Какая овца-курица? Червидохнуть! – И он пополз дальше, волоча за собой сетку-авоську, в которой бултыхалась пара треснутых репин, обросших коростой.

– Постой, – сказал я. – Хочешь, мы тебя увезём отсюда? А то подохнешь здесь. Слышь? Здесь рядышком есть пара-другая островов, где и картошку можно. Даже яблоки растут! Подбросим на корабле!

– Да как же? У меня семья, дети, – и он кивнул в сторонку, где двое ребятешек весело смеялись, кидаясь друг в друга ботвой. Им было совершенно наплевать, давит небо или нет. Они даже подсакивали и колотили в небо кулачками, как в какую-то пыльную подушку.

– Возьмём и их, – сказал я. – Так ведь, капитан?

– Весь остров, конечно, не вывезти, – отвечал Суер, – но десяток человек возьмём. Только давайте решайте быстрее, а то я совсем плох.

– Ладно, – сказал репоед. – Сейчас с бабой поговорю, с братьями.

Он отполз в середину острова, и там довольно скоро к нему наползли со всех сторон дети и братья. Они что-то там кричали, показывали на нас пальцем, один даже было вскочил, но тут же рухнул на колени.

– И картошка! И яблоки! – доносилось до нас.

Потом они так же расползлись в разные стороны, очевидно по своим репомерным участкам.

Приполз к нам и наш едореп.

– Спасибо, – говорит, – не поедем. Отказываемся.

– А что так?

– Родину покидать не хотим. Здесь родились, здесь уж и помрём. Да и какая там она, чужая-то картошка?

– Да ведь небо задавит.
– Может, отпустит, а? – сказал он с надеждой. – И морковь разрешат? Нет, останусь. У вас табачку-то нет?

– Неужели при таком небе ещё и курите? – спросил я.

– А куда денешься? – отвечал наш респондент. – И курим, и пьём, если, конечно, поднесут.

Мы оставили ему табаку, немного спирту и поползли обратно на «Лавра». За спиной слышался детский смех.

Ребятишки придумали новую игру. Они подпрыгивали и вцеплялись в небо изо всех сил и, немного покачавшись, с хохотом падали на землю.

Глава LXXXIX

Тёплый вечерок в нашей уютной кают-компании

Вечером в кают-компании офицеры попробовали всё-таки пареной репы, которую мы с капитаном привезли с острова Едореп.

Она была чуть горьковата, чуть сладковата, но полезный для пищеваренья, натуральный продукт. Давящее небо на самоё репу вящего влиянья, как видно, особо не оказывало. Репа осталась репой.

– Ре-па, – сказал старпом, брезгливо отодвигая поданный ему стюардом прибор.

– Не золото, – подтвердил Суер, явно обеспокоенный душевным состоянием старшего помощника. – М-да-с. Не понимаю, с чего Чугайло запил? У него в одной серьге столько драгоценных камней, что на них можно всего «Лавра Георгиевича» закупить.

Неосторожные слова сэра, высказанные во время поедания репы, каким-то образом доползли до боцмана. И пока мы утомлённо доедали подзолистый корнеплод, боцман поступался с просьбою войти.

– Пусть, – сказал капитан, и Чугайло с огромным лицом, одетым будто в багрово-чёрный комбинезон, явился перед нами.

– Позвольте вас спросить, сэр, – начал он, поражая воздух полной таблицей перегаров. – Эта серьга стоит больших денег?

– Возможно.

– А могу ли я на эти деньги купить «Лавра Георгиевича»?

– Возможно.

– Ну так вот, я покупаю. Даю за него три камушка из серьги, вот эти две берии и борух-топаз.

И боцман вынул из кармана носовой платок, в который были завернуты выковырянные из серьги камни.

– Но «Лавр» не продаётся.

– Как не продаётся? Вы сами говорили, сэр!

– Я сказал, что вы могли бы купить, но я не хозяин фрегата, я только капитан.

– А кто же хозяин? – И боцман посмотрел на меня.

Да-а-а... Все матросы, конечно, замечали, что я занимаю особое положение на борту. Плавал я вольно, без цели и без погон, но стоял на довольствии как офицер, и некоторые даже думали, что я сын хозяина, сват или брат. Но хозяина я даже лично не знал, ничего о нём не слышал и только догадывался, кто это. А меня сэр Суер-Вьер принял на борт просто как старого приятеля.

– Поплаваешь, – говорил он. – Глядишь, чего-нибудь и напишешь.

Мадам Френкель я навязал ему только с одной целью, чтоб она куталась в своё одеяло. Ну нравилось мне это.

Вот и всё.

Остальной экипаж в основном набирал старпом, который в этот момент и встал из-за стола.

– Я не знаю, кто хозяин «Лавра», – медленно, закатив кадык, начал он, – но я знаю, КТО хозяин НА «ЛАВРЕ»! Здесь ХОЗЯИН – Я!!! Надо мной только БОГ и КАПИТАН! Вон отсюда, скотина! – И он изо всей силы влепил боцману оплеуху своей белоснежной старпомовской перчаткой. – А если завтра не продерёшь свиное рыло – вместе с бериями и серьгами – за борт! Ядро вместо якоря! В мешке или без мешка – вот единственный вопрос, который я обдумую за ночь! И не думай, что я буду искать чугунное ядро, как ты, кнур, искал лопату!

Старпом схватил большую берию и с треском, как тарантула, раздавил её каблуком.

Боцман, лоя раскорякой оставшиеся камушки, вывалился из компании нашей кают.

– Репы старпому! – скомандовал Суер, и стюард с отвращением подал Пахомычу пареный жульен.

Не успел старпом притронуться к потошнице, дверь снова распахнулась, и Чугайло явился с перекошенным похмельным фартуком на морде:

– Сэр-сэр-сэр! Там – остров! А на нём – баба! Золотая!

Глава ХС

Князь и Лизушка

По пляжу кипарисового островка прогуливалась барышня в платье стилия «кринолин», в муслимовой шляпке без вуалетки, под зонтиком и без собачки.

И шляпка, и отсутствующая собачка, и зонтик были сделаны из натуральных веществ, а вот части дамского тела блестели, как хорошо надраенное обручальное кольцо девяносто шестой пробы. Все эти её плечи, перси, ланиты, уста и флюсы вспыхивали в тени кипарисов.

– Латунь? – спросил для чего-то лоцман. – Или так загорела?

Навстречу барышне выскочил из-за фикуса милейший господин в креповом смокинге. Его голова сделана была, кажись, из чистого серебра.

Он подхватил барышню под руку, дал отсутствующей собачке пинка под зад, и они стали угощаться мороженым и фруктами, которые в изобилии оказались тут же, под тентами и в беседках. Заприметив фрегат, златолюди восхищёнными знаками стали приглашать нас на берег.

Капитан мигнул старпому, старпом – лоцману, лоцман – мне, и я поставил точку в этом непродолжительном миганье. Мы мигом кинули лодку на тали и весело покатали к острову, размахивая флажками.

Капитан в кремовом кителе взлетел на песок, подбежал к барышне, чмокнул ручку. Она скинула книксен.

– Ну, где вы плавали, шалунишка? – спросила она, кокетливо хлопнув капитана веером по нашивкам. – В каких краях мочили якорёк?

– Сударыня, сударыня! – завохтал Суер-Вьер. – Мы чаще мочим яблоки. А это вот наш старпом, а вот и Кацман.

– А я Лизушка, – представилась барышня, – Золотарёва. А это вот князь Серебряный.

Мы почему-то стали хохотать, обниматься с князем. Пахомыч подарил Лизушке сушёный игрек, Кацман добавил икс.

– Как приятно, господа! – восклицал князь Серебряный. – Как приятно, что «Лавр Георгиевич» навестил нас! В мире нас знают, помнят, но навещают редко. И те, кто побывал раз, обратно не возвращаются.

– Почему же? – спросил капитан.

– Поймите, сэр, – пояснял князь, – мы не совсем обычные люди, мы ведь имеем золото-серебряное тело. А это очень трудно во многих смыслах.

– В каких же смыслах? – серьёзно спросил старпом.

– Да вот взять хоть Лизушку Золотарёву, ведь она же весит три тонны! – хохотнул князь.

– Лгунишка! – засмеялась и Лиза, хлопнув князя мизинчиком по устам. – Не три, а две с хвостиком.

– Две тонны чистого золота?! – потрясённо спросил Пахомыч.

– Да нет, – потупилась Лиза, – кое-какие детали серебряные.

– Это какие же?

– Ну, – покраснела Лизанька, – хоть вот ноготки.

Мне показалось очень и очень симпатичным, как она покраснела. Ну совершенно золотая, и вдруг – краснеет. Приятно, красиво и как-то правильно.

– У меня, конечно, куда меньше золота, – скромно заметил князь, – но есть всё-таки кое-что и золотое! – И князь подмигнул Суеру-Вьеру. – Вы меня поняли, капитан?! А? Ха-ха-ха! Из чистого золота! Поняли, что это? Ха-ха-ха!

– Ну конечно, понял, мой дорогой друг! – воскликнул Суер. – Конечно, понял! Это – ДУША!

И тут они с князем так стали дурачиться, что госпожа Золотарёва предложила выпить шампанского. Оказывается, ящичек шампанского «Новый Свет» зарыт был у них в песочке для специального охлаждения.

Выкопали ящичек, хлопнули парой пробок.

– Это чудо! – восклицал Суер-Вьер. – Я не раз выпивал в компании золотых людей! Но – в переносном смысле! А тут пью в прямом! Виват! Прозит! Цум воль! На здоровье!

– А надо быть золотым и в прямом, и в переносном! – объяснял князь. – У нас так полагается. Уж если ты золотой в прямом – будь любезен, стань золотым и в переносном. Тогда про тебя можно действительно сказать – золотой человек.

– Это огромная редкость, – задумался сэр Суер-Вьер. – На материке почти не встречаются золотые как в прямом, так и в переносном. Золотых в переносном – полно, но все они нищие до мозга костей. Только чуть разбогатеют – сразу переносное золото теряют.

– Свинец! – сказал князь. – Это свинец. У нас такие сразу превращаются в свинец или уж в ртуть. Ха-ха-ха! Мы их так и зовём – свины и рты.

– Но иметь такую вот золотую жену – это же потрясающе! – воскликнул старпом.

– Пожалуйста! – захохотал князь Серебряный. – Вот наша Лизушка – она свободна! Вперёд, старпом!

– А как же вы, князь? – смутился Пахомыч. – Я думал, что госпожа Золотарёва – ваша, так сказать, гёрлфренд или как там – невеста?!

– Я? – удивился князь. – Да я же известный ветреник! Легкомысленник!

– Изменщик! – добавила Лизушка. – И баламут!

– То есть как? – сказал Пахомыч и впервые за всю историю нашего плаванья открыл свои прищуренные глаза. – Я мог бы жениться на госпоже Золотарёвой?

– Ну а что такого-то? – хлопал шампанским князь Серебряный. – Это со всяким может случиться! Житейский вопрос! Попробуйте! Сделайте предложение! Смелей!

Глава ХСІ Мизинчик

Лоцман, Суер да и я, признаться, как-то слегка удивились, что старпом обскакал нас на повороте. Не знаю уж, о чём думали мои приятели, меня же в глубине души интересовало, какие детали у госпожи серебряные. Серебро на золоте, прямо скажу, меня всегда волновало,

возбуждало и поднимало. И я даже думал немного ещё выпить и приступить к делу, а тут старпом, да ещё с самыми серьёзными намерениями. И ходит так индюком вокруг барышни, и делает английские развороты, перуанские обиходы.

– А что вы любите на завтрак? – спрашивает. – Овсянку или яйцо?

– Молоко с пирожным!

– Ах! Ах! Парное или снятое?

– Перламутровое!

Короче, через пару минут всем стало ясно, что Лизушка Золотарёва готова вступить в брак с нашим старпомом, и Пахомыч смело мог готовить брачные чертоги, о которых давно уже мечтал.

Князь отвёл нас немного в сторону, чтоб не мешать их церемониям, но я отошёл не совсем, а так, наполовину.

– А это не опасно? – осторожно спрашивал князя Суер-Вьер. – Не задавит ли в объятьях в прямом смысле слова?

– Да нет, что вы! – успокаивал князь. – Она же золотая и в постели, всё понимает. Ну, для обычного человека, может, чуть прохладна поначалу, но если этот металл разогреешь – о-го-го!

– Давайте прямо сейчас устроим помолвку! – воскликнул старпом. Он так растерялся, так заторопился, что прямо засуетился. И его, в сущности, можно было понять: и баба хорошая, видно, что добродушная, и груды золота! Чёрт подери! И детали серебряные потом поглядеть! И-эх! Я не то что позавидовал, но к бабам неравнодушен, особенно к золотым. Эх!

Объявили помолвку. Шампанское! Спичи! Соусы! Анахореты в сметане! Я не удержался да и ляпнул:

– Не пойму, что это: любовь к женщине или к золоту?

– Конечно, к женщине, – твёрдо отрубил Пахомыч. – А то, что она золотая, – моя судьбина.

– Ну тогда другое дело, – сказал я. – А то я думаю, на кой старпому столько золота, если он не может им воспользоваться?

– Как то есть? – спросил старпом.

– Но ведь вы не сможете перевести это золото в деньги, ничего не сможете на это золото купить, даже бутылку водки.

– Как то есть? – туго проворотил Пахомыч.

– Ну а так. Вы можете это золото только иметь и на него глядеть. Правильно я думаю, Лизушка?

– И ласкать, – смутилось симпатичное дитя.

– Как же так? – сказал старпом. – Неужели для своего любимого мужа ты не отлотишь пальчик?

– Как то есть? – спросила теперь Лиза. – Пальчик?! Отломить?! Какой пальчик?

– Да вот хоть мизинчик.

– Мой мизинчик? Зачем?

– Ну, чтоб жить по-человечески: молоко перламутровое, ананасы, костюм, брюки!

– Боже мой! – воскликнула Лиза. – Я должна отломить пальчик, чтоб ты портки себе, старая галоша, покупал! Ах ты, дерьмо вшивое, проститутка, ведро оцинкованное!

И она уже размахнулась, чтоб дать старпому оплеуху, но я успел крикнуть:

– Стой, Лиза! Стой!

Думаю, что в этот момент я спас старпому жизнь, золотая плюха прикончила бы его на месте.

– Пойдём скорей со мной, Лиза, – нагло сказал я. – Иди, я буду только любоваться.

– А ещё что? – спросила она капризно, вздёрнув губку.

– И ласкать, деточка. Конечно, ещё и ласкать.

Глава хсіі Золотая любовь

И тут такое началось! Такое!

Ну, тот, кто ласкал золотых женщин, меня поймёт! Я оробел страшно, а тут ещё она сорвала платье – светопреставление!

Как быть???

Нет, не надо!

Ладно, я поехал на Таганку!

Нашатыря!

Всё это, прямо скажу, происходило в каком-то замке, в который она меня утащила. Я уже потом вышел на балкон, чтоб выпить кофий, и увидел своих друзей, стоящих там вдали около шампанского.

Хорошая, скромная девушка, ничего особенного, но золотая. И серебряные детали меня потрясли до глубины души. Дурацкая гордость, мне почему-то не хотелось показать, насколько я увлечён и потрясён ею, и небрежно так вёл себя, велел налить мне водки, разрезать помидор.

Разрезала, налила.

Вы думаете, это всё моя фантазия? Да какая там фантазия! Правда! Чистейшая! И все эти острова! И Лиза! И Суер! И Пахомыч, который стоял там сейчас около уже остатков шампанского! Какая же это жуткая правда! Весь пергамент правда! Весь! До единого слова.

Я только сказал:

– Прикройся, неловко.

И они правда глазели снизу на все эти её золотые и серебряные выкрутасы. И я глянул краем глаза, и снова бросил к чёрту кофий, рухнул на колени и потащил её с балкона внутрь спальни.

Спальни? Да! Это была спальня, чёрт меня подери!

И опять вышли на балкон – и снова вовнутрь.

И пошло – туда-сюда, туда-сюда. Кофий остыл. В конце концов я вяло валялся в полубудуаре, искренне сожалел, что я не бесконечен. Она так разогрелась, что просто обжигала плечиком, только грудь серебряная (небольшая) оставалась прохладной.

– Неужели ты и вправду хочешь МЕНЯ? – говорила Лизушка. – Другим только и нравится факт, что я – золотая.

– Ну золотая и золотая, – зевнул я.

Устал, скажу вам, невероятно.

– Ты знаешь, – рассказывала Лиза, – они так хотят золота, что один дурак даже кувалдой меня по затылку ударил. Вначале всё шло хорошо, а после – бах! – кувалдой по затылку.

И она засмеялась.

– Но тут такой звон раздался, что не только князь Серебряный – сам золотой телец прискакал. Он сейчас уж здоровый бык – бодает направо и налево. Смеялись три дня!.. Не понимаю только, ты-то с чего меня полюбил? За что? Неужели искренне?

– Лиза, – сказал я, – ты – золотая, а я – простой человек, дай хоть передохнуть, отдышаться.

– Ну ладно, передохни.

Я приоткрыл глаза и вдруг снова открыл их. Глянул на Лизушку. Боже мой! Я действительно, кажется, попал! Невероятная баба! Ну, конечно, золотая, неотёсанная, лексикон, дурацкие манеры. Но всё это – окружение, ил. Не может быть! Так плавать вольно всю жизнь! И вдруг полюбить – кого? Золотую женщину! Из золота!

Это же конец!

Саморасстрел!

– Я тебя люблю, – сказал я устало и искренне. – Просто так люблю, не за золото. – И я вдруг разрыдался отчаянно и безвозвратно.

С кошмарной ясностью я увидел, что мы несовместимы.

– Ты – редкий, редкий, редкий, – с упоением утешала меня Лиза. – Никто меня не ласкал так, как ты. Я люблю тебя. И только для тебя я ЭТО СДЕЛАЮ.

– Что ещё?

– Отломлю пальчик! Мизинчик!

И она схватила свой мизинец и отвела его назад с такой золотой силой, что он действительно мог вот-вот отломиться.

– Стой, дура! – закричал я. – Не надо мизинца!

– Нет, нет, отломлю! Я знаю, что ты уедешь, ускачешь, умчишься, уплывёшь – возьми хоть мой мизинец!

– Не ломай же! Умоляю! Не надо мне!

– Да ты на этот мизинец сто лет проживёшь, а мне будет только приятно, что на МОЙ.

– Не тронь мизинец! Иди ко мне!

На некоторое время разговоры про мизинец я замаял, но она снова и снова твердила:

– Отломлю, чтоб ты стал богатым. Ясно, что на острове ты не останешься.

– И ты думаешь, что я смогу продать твой мизинец?

– А что такого? – спросила Лиза. – Конечно, продашь.

В этот момент я снова сошёл с ума, как давеча на острове нищих. Я кинулся на неё и стал молотить золотое и прекрасное лицо своими бедными кулаками. Я бил и бил, и только кровь лилась из моих костяшек. Потом упал у её ног.

– Успокоился?

– Да, – равнодушно ответил я.

– Ну что? Ломать мизинец или нет?

– Что-что-что? Мизинец? Ты про это?

– Ну да, про мой мизинец золотой. Ломать или нет?

– Девяносто шестой пробы? – спросил я. – Хрен с ним, с мизинцем. Не жалко – ломай.

Мне наплевать.

– Ну вот и всё, – облегченно вздохнула Лизушка. – Всё ясно.

– Что именно?

– Ты такой же, как все. Можешь и кувалдой по башке. Ладно, отломлю тебе мизинчик, всё-таки ты – редкость, я таких встречала двух или трёх.

– Двух или трёх?

– Сама не помню, – улыбнулась госпожа Золотарёва.

– А мне бы хотелось точно знать, сколько вы ТАКИХ встречали! – прошептал я. – Пожалуйста мне топор!

– Какой топор?

– Вот тот! Что там в углу стоит!

Там, в углу замка, и вправду стоял красный топор на чёрном пне.

– Зачем тебе топор?

– Попрошу на «вы». Подставляйте свой мизинец.

– Рубить?! Золото?

– Ну не ломать же.

Она заколебалась.

– Послушай, – сказала она, – надо тебе сказать самое главное. Мы – золотые, пока живём, а как погрём – превращаемся в обычных людей. Неживых только.

- Эва, удивила, – сказал я. – Мы тоже, как помрём, в неживых превращаемся.
- Но с мизинцем ничего не получится. Это я тебя испытывала. Понимаешь? Его отрубил – он и рассыплется в прах.
- Зато с моим получится, – ответил я, положил руку на чёрный пень и рубанул изо всех сил.

Глава ХСШ Кадастр

Совершенно не помню, каким образом доставили меня на «Лавра», только слышал в забыты:

- У него сильный ожог.
- Сам так бабу раскалил.
- А я-то думаю, кто это ему ногу отрубил?
- А может, сифилис или инфлюэнца?
- Да какой там ожог – пить надо меньше!
- Ещё бы – столько керосинить!

Все эти диагнозы и толкования моего болезненного состояния дружно в конце концов сошлись на том, что «пить надо меньше». И я, конечно, внутренне с этим соглашался и клялся себе, что, как только приду в себя, сразу брошу пить.

Когда же я пришёл в себя, я сделался неприятно удивлён следующим оригинальным обстоятельством. Дело в том, что у меня была забинтована правая нога, в то время как я точно помнил, что рубанул себя топором по левой руке. Хоть и сделал я это в состоянии аффекта, из-за безумной несовместимой любви, всё-таки помнил дело точно: да, рубанул, да, по левой руке.

- В чём дело, Чугайло? – спросил я склонившегося ко мне боцмана. – Что с моей ногой?
- Точно не знаю, – говорил Чугайло, прикрываясь от меня фанеркой. – Говорят, какая-то баба покусала. От страсти.
- Тьфу! – плюнул я. – Чёрт бы вас всех побрал. А фанерка зачем?
- Какая фанерка?
- Да эта вот, которой ты прикрываешься.
- А это от посылки, – пояснил Чугайло. – Это я прикрываюсь, чтоб перегаром на вас не дышать, чтоб вам не поплохело.
- А рому нету?
- Нету. Только самогон.
- Ну тащи, хрен с ним.
- А чего его таскать, он тут рядом лежит.
- Лежит?
- Ну да, я его положил. А то старпом, как заметит, что самогон стоит, – сильно ругается.
- А на лежачий что ж?
- А с лежачего чего возьмёшь? Лежит и лежит. Нет, старпом не такой, чтоб лежачего, нет...

В этот момент боцман неловко двинул фанеркой, и я отключился.

Когда же я снова пришёл в себя, то оказался сидящим в кают-компании и почувствовал странное ощущение. Это было ощущение, будто я произношу слово: «лавровишня».

- Лавровишня? – переспросил меня сэр Суер-Вьер.
- Лавровишня, – подтвердил я.
- А Кацман говорит – фиговый листок.
- Лавровишня, – упорно твердил я.

Потом уже я узнал, что это был спор о форме острова златосеребряных людей. И спор этот я выиграл: признали, что остров страдает формой лавровишни. Так и записали – «страдает формой». Да вы сами почитайте. Вот окончательный

КАДАСТР

всех островов, открытых сэром Суером-Выером и другими кавалерами во время плаванья на фрегате «ЛАВР ГЕОРГИЕВИЧ» с 1955 по 1995 год

1. ОСТРОВ ВАЛЕРЬЯН БОРИСЫЧЕЙ – формы кривого карандаша.
2. ОСТРОВ СУХОЙ ГРУШИ – яйцообразный с деревом посередине.
3. ОСТРОВ НЕПОДДЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ – напоминает Италию без Сицилии, сапогом кверху.
4. ОСТРОВ ПЕЧАЛЬНОГО ПИЛИГРИМА – определённой формы не имеет, более всего склоняясь очертаниями к скульптуре «Рабочий и колхозница».
5. ОСТРОВ ТЁПЛЫХ ЩЕНКОВ – по форме напоминает двух кабанчиков вокабул, соединённых между собой хвостами.
6. ОСТРОВ ЗАБРОШЕННЫХ МИШЕНЕЙ – в форме офицера.
7. ОСТРОВ УНИКОРН – по форме напоминает ланиты Хариты.
8. ОСТРОВ БОЛЬШОГО ВНА – золотое руно с вулканическим задом.
9. ОСТРОВ Пониженной гениальности – действительно лежит ниже уровня Океана, формой похож на венок сонетов.
10. ОСТРОВ ГОЛЫХ ЖЕНЩИН – обширен как вдоль, так и поперёк. Во время отлива имеет форму яйца, во время прилива – двух.
11. ОСТРОВ СЛИЯНИЯ В ОДНО ЛИЦО – формы крюка, впоследствии утопленного капитаном.
12. ОСТРОВ ПОСЛАННЫХ НА... – откровенный каменный фаллос работы федоскинских мастеров и палехской школы.
13. ОСТРОВ ЛЁШИ МЕЗИНОВА – более всего похож по форме на подмосковную станцию Кучино.
14. ОСТРОВ СЦИАПОД – чистый додекаэдр левого нажима.
15. ОСТРОВ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ – формы утиного крыла в полёте.
16. ОСТРОВ САМОВОСПЛАМЕНЯЮЩИХСЯ КАМНЕЙ – напоминает, грубо говоря, умывальник, но с двумя камнями на крышке.
17. ОСТРОВ ГЕРБАРИЙ – формы серпа, раздробленного молотом.
18. ОСТРОВ, НА КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ БЫЛО, – имеет форму формальных формирований.
19. ОСТРОВ ВЫСОКОЙ НРА... – в форме очков, переносицу между которыми то и дело заливает водой и высокой нра...
20. ОСТРОВ, ОБОЗНАЧЕННЫЙ НА КАРТЕ, – хотя мы остров так и не увидели, точно знаем, что по форме он представляет второй слог отчества нашего старпома и звучит бодро: «ХО!»
21. ОСТРОВ, НА КОТОРОМ ВСЁ ЕСТЬ, – формы Вавилонской башни, обращённой вовнутрь земли, и это как бы такие погреба и подвалы, в которых и ВСЁ ЕСТЬ, кроме, конечно, боцмана Чугайлы.
22. ОСТРОВ КРАТИЙ – скала в форме оскала.
23. ОСТРОВ НИЩИХ – во-первых, изрезан фьордами, а во-вторых, нищие так его загадили, что не видно и первоначальной формы, и окончательной.
24. ОСТРОВ ОСОБЫХ ВЕСЕЛИЙ – рассудочно-пологой формы с примесью прямоугольных октанов Рудика Руби.

25. ОСТРОВ ЭНЕРГОПОЛ – форма его целиком зависит от названия, в случае перестановки слогов – ПОЛЭНЕРГО – передняя часть острова меняется с задней местами, и наоборот.

26. ОСТРОВ ВЕДОМЫХ УЕМ – откровенный фаллос, но не каменный, как в пункте 12, а засаженный морковью.

27. ОСТРОВ СОКРОВИЩ БОЦМАНА ЧУГАЙЛО – в форме, кстати, Института востоковедения, что вряд ли.

28. ОСТРОВ ЕДОРЕП – в форме Эйфелевой башни, которую разобрали и сложили штабелем.

29. ОСТРОВ ЗЛАТОСЕРЕБРЯНЫХ ЛЮДЕЙ – страдает формой лавровишни.

– Ну вот и всё, – сказал сэр Суер-Вьер, обнимая меня. – Двадцать девять островов, не так уж и много, могли бы открыть ещё пару.

– Жалко, что мы так и не доплыли до Острова Истины, сэр.

– Как то есть? Погляди-ка вперёд.

Фрегат наш, любезный сердцу «Лавр Георгиевич», приближался к некоему островку. Островку? Да нет, пожалуй, это был обширный остров. Виднелись не только деревья, но даже целые города, поля, болота и вырубки.

– И вы думаете, сэр, что это Остров Истины?

– Без всякого сомнения, – сказал сэр Суер-Вьер.

– Но почему?

– А потому что – пора, брат! Пора! Старпом! Шлюпку!

– Будем открывать? – спросил я.

– Обязательно.

– Извините, сэр, – сказал я, – перед тем, как открыть остров, можно задать вопрос?

– Пожалуйста.

– Не пойму, почему мне забинтовали ногу?

– А... дело простое. Ты так орал, что отрубил себе руку, что пришлось хоть что-нибудь забинтовать, дабы успокоить экипаж. Итак, пожалуйста в шлюпку.

– После вас, сэр, – сказал я.

– Нет-нет, – сказал сэр Суер-Вьер. – Истина познаётся в одиночестве, друг мой. Иди.

И я спустился в шлюпку, разбинтовывая забинтованное не мною.

Глава ХСІV

Остров истины

Как только нос шлюпки врезался в песок – сразу и началась истина.

– Ну как там у тебя? – крикнули с фрегата. – Есть ли там истина?

– До хрена! – ответил я и бодро двинул вглубь острова.

«Пойду не оглядываясь, – вот что я про себя решил. – Оглянусь, когда пройду весь остров и увижу океан с другой стороны».

Я шёл неторопливо, разглядывая

лица девушек и деревьев,

перья птиц и товарные вагоны,

хозблоки и профиль Данте.

Довольно быстро я прошёл весь остров и снова увидел океан с другой его стороны.

«Пора оглянуться», – подумал я, но почему-то не хотелось.

Заставил себя – оглянулся.

Как я и предполагал, сзади ничего не было, океан двигался следом, замывая – какое неприятное слово – каждый мой шаг. Конечно, я об этом догадывался и всегда слышал его шуршанье за спиной.

Сокращался остров, уменьшался. Я убивал его своими шагами. Пройти до конца оставалось совсем немного, но – очень интересно. И хозблоки там ещё виднелись,

и профиль Данте,
лица девушек и деревьев,
перья птиц и товарные вагоны,
и ещё мальчик и девочка...

Я это ясно увидел и решил закончить этот пергамент. Закончим его внезапно, как внезапно кончится когда-то и наша жизнь.

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО, В КОНЦЕ ЕГО, КОНЕЧНО, УЖЕ НЕ БУДЕТ.

Глава ХСV

Девяносто пятая

Конечно, есть и другие толкования этого сложного предмета, из которых нас устроит только одно:

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО, И БЫЛО ОНО – БЕСКОНЕЧНО...

Приложение

Глава XLIX Ненависть

– Я что-то ненавижу, а что именно – позабыл, – обмолвился однажды лоцман Кацман.
– Давайте, давайте, лоцман, вспоминайте, – поторопил Суер. – Мы твёрдо должны помнить, что ненавидим.

Лоцман попал в ловушку. Он заюлил, заскулил.

Нас это никак не удовлетворило. Чувствовалось, что корни ненависти уходят в лоцмана поглубже.

– Не дай вам бог, лоцман, – со значением заговорил Пахомыч, – не дай вам бог ненавидеть то, что мы любим.

– Что вы! Что вы! Я же с вами плыву, значит и ненавижу то, что вы.

– Хотелось бы знать, что именно, – настаивал старпом под одобрительным глазом капитана.

– Ну я вон то ненавижу, вон то, – ныл Кацман, указывая пальцем на то, что болталось неподалёку.

– Это мы действительно все ненавидим, – подтвердил Суер-Выер. – Кстати, боцман, когда вы уберёте это самое, что болтается? Меня давно интересует: долго ли оно ещё будет болтаться? Немедленно убрать!

Раздавая подзатыльники и матерясь на каждом шагу, боцман кинулся исполнять приказ капитана.

– А ещё я ненавижу вон то, – показал Кацман, – вон то, что к стенке прислонено.

– А стенку, – спросил капитан, – тоже ненавидите?

– Что вы, сэр! Стенку я очень даже уважаю, люблю, в ней много того, что заслуживает полного... а вот то, что прислонено, сильно ненавижу!

– Боцман! Ну вы закончили там? Отклоните прислонённое!

– А куда после деть?

– Это меня не касается. Сказано «отклонить» – отклоните немедленно и девайте куда хотите.

– Эй, Ковпак! – крикнул боцман проходящему кочегару. – Ну-ка давай, это самое, помоги! Хватайся вон за тот край, да полегче, это самое, заноси левее, дубина...

– Ну-с, лоцман, – сказал Суер, – это всё?

– Ой, что вы, кэп! Я ещё ненавижу всякое, какое высовывается! Ух! – И лоцман сжал кулаки с закипающей яростью. – Высовывается и высовывается!

Мы огляделись.

Да, вокруг нас многое, конечно, высовывалось. Но я считаю – терпимо; противно, нет слов, но можно и не впадать в такую ярость, нервы всё-таки, сосуды...

– Э, господин Чугайло, э... – сказал капитан. – Попрошу вас всё, что высовывается, загнать на место. Я не говорю – уничтожить, просто загнать на место.

– Чего куда загонять, кэп? – сказал боцман, вытирая руки об штаны. – Вон то, что ль? Что высовывается?

– Желательно.

Боцман плюнул и чугунным своим сапогом стал заталкивать на место то, что высовывалось.

– Всё, что ль, запихнул? – раздражённо спросил он лоцмана.

- Не всё, не всё, вон там ещё что-то торчит!
- Погодите, – сказал старпом, – это всего-навсего торчит. Торчит, но не высовывается. То, что высовывается, это я и сам ненавижу, а то, что торчит, пускай себе торчит на здоровье.
- Нет-нет, – закапризничал лоцман, – запихните это или сломайте!
- Послушайте, кэп, – сказал Пахомыч, – эдак он нам все мачты переломает. Прикажите отставить!
- Отставить! – приказал Суер, и в этот момент то, что боцман отслонил недавно от стенки, как-то крякнуло, покачнулось и медленно стало падать.
- Поберегись! – закричал Чугайло, и тут же всё, что раньше высовывалось, снова повыскакивало отовсюду, а что болталось, вылетело из-за угла, да ещё на какой-то палке, и снова стало болтаться, приплясывая.
- Боцман не знал, куда кидаться. Он и падающее подхватывал, и топтал каблуком.
- Жалко боцмана, сэр, – крякнул Пахомыч. – Какой-никакой, а всё-таки боцман. Разрешите всё оставить по-старому.
- Это мудрое решение, – согласился Суер. – Боцман, вы свободны.
- «Лавр Георгиевич» спокойно продолжил своё плавание, но вокруг нас, к сожалению, всегда что-то болталось, высовывалось и прислонялось к стенке.

Глава L

Вёдра и альбомы

(остров Гербарий)

- Очередной остров, к которому мы подошли с пушечным салютом, остался поначалу нем. Он не ответил на наш салют и тихо безмолвствовал, лёжа, как тюлень, в скользких волнах океана. Потом из берёзовой рощи выглянула какая-то бордовая харя, заросшая, как морж, тугими водорослями, крикнула: «Гербарий!» – и исчезла.
- Разнообразие, – сказал Суер, – вот чем поражает Великий Океан!
  - Ну взять хоть бы этого Гербария, – подхватил Кацман. – Ну как же это многообразно! Давайте бороздить океан и находить новое!
  - Борозждение – дело серьёзное, – сказал старпом, – но наше – бессмысленно. Мы ничего не ищем.
  - Эх, старпомыч, – рассмеялся капитан, – зато многое находим! Подумаешь, ерунда: кто ищет, тот всегда найдёт. Он знает, что ищет, и находит это. Для меня эта поговорка устарела. Я ничего не ищу – я только нахожу!
  - Извините, кэп, – сказал старпом, – но сейчас-то что мы нашли? Этот гербарий? Да это чушь!
  - И мы её нашли? – спросил капитан.
  - Нашли.
  - Вот и чудесно! Мы можем проплыть мимо этого острова и оставить чушь за бортом, а можем и задуматься. Как-никак, а гербарий – это альбом засушенных растений.
  - Лично мне нравятся засушенные рыбы в стиле вяленой воблы, – сказал Кацман.
  - Интересно, нет ли на этом острове чего-нибудь подобного. Давайте маленько притормозим. Узнаем, что здесь, собственно, засушивают.
  - Эй, на острове! – крикнул Пахомыч, изрядно притормозив ручным кабельстаном.
  - Чего изволите? – высунулся всё тот же бордовый лик.
  - Ну как вы тут? Засушиваете, что ли?
  - Не всегда, – послышалось в ответ, – только если уж очень мокрые.
  - А потом чего делаете?
  - В вёдра складываем.

- В какие ещё вёдра?
– В эмалированные. С крышкой.
– А не в альбомы?
– В какие альбомы?
– Вот хрен морской, – плюнул Пахомыч, – Ты ведь сам орал: «Гербарий! Гербарий!»
Какого же чёрта гербарий в вёдра? А? В альбомы надо!
– Да? – удивился борджовый. – А у нас всё больше в вёдра.
– Ну вот, кэп, – вздохнул старпом, вытирая плот собла¹⁸. – Извольте видеть... добороз-
дились... гербарий хренов...
– Да ну, – сказал Кацман, – у вас, старпом, нет подхода к людям, разговариваете пёс знает
как! Вопросы не можете толком поставить! Давайте-ка я поставлю!
– Тпу! – плюнул старпом. – Ставьте, ядрёна вошь!
– Эй, милый друг! – крикнул Кацман. – Во-первых, здравствуйте, а во-вторых, вы засу-
шиваете растения, не так ли?
– Так-так, – согласно закивал Бордж, немного удивившись. – А как вы догадались?
– Мы просто знаем, что такое гербарий, – с лёгким раздражением пояснил Кацман. –
Итак, засушиваете, а потом что ж? Неужто складываете в вёдра?
– Зачем же? – удивился островитянин. – В банки! Это чтоб ведро набрать, сколько ж
надо посушить? Мы вначале в банки и потом уж по вкусу добавляем.
– Ха! – засмеялся Кацман. – Ну вот, теперь всё ясно. Они засушивают укроп и зверобой,
складывают в банки и потом по вкусу добавляют. Вот он, ихний гербарий!
– Так-так! – поддакивал мордж. – Петрушку, пустырник, ромашку.
– Ха! – смеялся лоцман. – А в вёдра-то чего кладёте? Грибы, что ли, солите?
– Так-так! – поддакивал морбрдж. – Гербы.
– Грибы, – подправил лоцман. – Кэп! Ха! У них – грибарий! Как называются грибы-то
ваши? Сыроежки? Свинушки? Опёнки?
– Да нет, – отвечал морджовитянин. – Герб Синегории,
Татароманджурии,
Фанаберии,
Сарайстана,
Демонкратии,
Страстотерпии,
Охреновании.
– И это всё в вёдра?
– Ну конечно, в вёдра удобнее.
– А гербы откуда берёте?
– Да они растут тут повсюду, прямо под кустами, а больше на пенёках.
– Давайте высадимся, кэп, – предложил Кацман. – Наберём гербов, насолим.
– Да стоит ли? Не будем попусту шлюпку марать. Если б это были хорошие грибы, вроде
шампиньонов, с которыми мы встречались, а слишком много гербов нам не надо. Эй, любез-
ный, ты кинь нам сюда на судно пару-тройку гербов.
– Пожалуйста, сколь хошь накидаю, – ответил бордж и накидал нам с берега пару вёдер
гербов. Всё больше Казахстана.
Солить мы их не стали, а просто нанизали на суровые нитки и развесили между мачтами
сушить.
Они долго болтались под солёным морским солнцем, хорошо провялились, и мы любили,
бывало, выпить портеру и закусить вяленным гербом.

¹⁸ Так в пергаменте.

Самая лёгкая лодка в мире

Часть первая

Глава I Морской волк

С детства я мечтал иметь тельняшку и зуб золотой.

Хотелось идти по улице, открывать иногда рот, чтоб зуб блестел, чтоб прохожие видели, что на мне тельняшка, и думали: «Это морской волк».

В соседнем дворе жил ударник Витя Котелок. Он не был ударником труда. Он был ударник-барабанщик. Он играл на барабане в кинотеатре «Ударник». Все верхние зубы были у него золотые, а нижние – железные.

Витя умел «кинуть брэк».

Перед началом кино оркестр играл недолго, минут двадцать, и наши ребята мучительно ожидали, когда же Витя «кинет».

Но Витя нарочно долго «не кидал».

Наконец в какой-то момент, угадав своим барабанным сердцем особую паузу, он говорил громко:

– Кидаю!

Оркестр замирал, и в полной тишине начинал Витя тихохонько постукивать палочкой по металлическому ободу барабана и вдруг взрывался, взмахнув локтями. Дробь и россыпь, рокоты и раскаты сотрясали кинотеатр.

Витя Котелок подарил мне шикарный медный зуб и отрезал от своей тельняшки треугольный кусок, который я пришил к майке так, чтоб он светил через вырез воротника.

Я растёгивал воротник и надевал зуб, как только выходил на улицу.

Зуб был великоват. Я придерживал его языком и больше помалкивал, но с блеском улыбался.

По вечерам ребята выносили во двор аккордеон и пели:

В нашу гавань заходили корабли,
Большие корабли из океана...

Сумерки опускались на Москву и приносили с собой запах моря. Мне казалось, что в соседних переулках шумит прибой, и в бронзовых красках заката я видел вечное движение волн.

Распахнув пошире воротник, я бродил по Дровяному переулку, сиял зубом в подворотнях. Порывы ветра касались моего лица, я чувствовал запах водорослей и соли.

Море было всюду, но главное – оно было в небе, и ни дома, ни деревья не могли закрыть его простора и глубины.

В тот день, когда я пришел к майке треугольный кусок тельняшки, я раз и навсегда почувствовал себя морским волком.

Но, пожалуй, я был волком, который засиделся на берегу. Как волк, я должен был бороздить океаны, а вместо этого плавал по городу на трамвае, нырял в метро.

Мало приходилось мне мореходствовать. Как-то две недели проболтался в Финском заливе на посудине, которая называется «сетеподъёмник», обошёл Ладожское озеро на барже под названием «Луза».

Шли годы, и всё меньше моря оставалось для меня в небе. Никаких водорослей, никакой соли не находил я ни в Дровяном переулке, ни в Зонточном.

– Выход к морю, – бормотал я про себя, гуляя по Яузе, – мне нужен выход к морю. Мне просто-напросто негде держать корабль. Вот Яуза – родная река, но попробуй тут держать корабль – невозможно. Мёртвый гранит, отравленные воды.

Каждый год собирался я в далёкое плавание, но не мог найти подходящее судно. Покупать яхту было дороговато, строить плот – громоздко.

– Купи резиновую лодку, – советовал старый друг художник Орлов.

– Мне нужно судно, а не надувное корыто. К тому же хочется придумать что-то своё, необычное.

– Сделай корабль из пустых бутылок. В каждую бутылку сунь по записке на случай крушения – и плыви!

Целый вечер сидели мы у Орлова в мастерской, что находится как раз у Яузских ворот, и придумывали корабли и лодки из разных материалов – птичьих перьев, разбитых гитар и даже членских билетов спортивного общества «Белая лебедь».

– В Москве невозможно держать корабль, – сказал наконец Орлов. – Какой тут корабль? Стены, машины, троллейбусы. Тебе нужен выход к морю.

– Конечно! – крикнул я. – Выход к морю! Я задыхаюсь без выхода к морю и нигде не могу его найти. А Яуза – это не выход.

– Яуза – прекрасный выход. Построил бы корабль и поплыл прямо из мастерской. Но держать здесь корабль невозможно. Строй лодку – корабля тебе в жизни не видать.

И вдруг мне пришла в голову некоторая мысль.

Я вздрогнул, сжал зубы, но мысль всё-таки легко выскочила наружу.

– Я построю лодку, но только самую лёгкую в мире.

– Самую лёгкую? В мире? А сколько она будет весить?

– Не знаю... Хочется поднимать её одной левой.

– Без бамбука тут не обойтись, – сказал Орлов, задумчиво пошевеливая бородой и усами. – Бамбук – самый лёгкий материал.

– Куплю десятка два удочек.

– Удочки – это прутики. А нужны брёвна.

Тот год в Москве была особенно морозная и снежная зима. Каждый вечер разыгрывалась в переулках метель, и казалось странным думать в такое время о бамбуке. Но я думал, расспрашивал знакомых. Мне советовали купить удочек, ехать в Сухуми, писать письмо в Японию. Некоторый наш знакомый, Петюшка Собаковский, подарил коготь бамбукового медведя.

Постепенно разошёлся по свету слух, что есть в Москве человек, ищущий бамбук. Известные лица, большей частью с Птичьего рынка, звонили мне:

– Вам нужен бамбук? Приезжайте.

Я ездил по адресам – чаще в сторону Таганки, но всюду находил удочки или лыжные палки. Кресла, этажерки, веера.

Вместе со мной болел «бамбуковой болезнью» художник Орлов, который был вообще легковоспламеняем.

Коренастый и плотный, он никак не соответствовал своей гордой фамилии. Во всяком случае, ничто не напоминало в нём орла – ни нос, ни бледный глаз, разве только усы растопыривали порой свои крылья и сидели тогда на бороде, как орёл на горной вершине.

– На Сретенке живёт милиционер Шура, – сообщил мне Орлов, – говорят, он видел бамбук.

– Какой милиционер?

– Не знаю, какой-то милиционер Шура, художник.

– Что за Шура? Художник или милиционер?

– Сам не пойму, – сказал Орлов, – Петюшка Собаковский сказал, что на Сретенке стоит на посту милиционер Шура. Он же и художник. И вот этот Шура в каком-то подвале видел вроде бы то, что нужно.

Несколько дней через нашего знакомого Петюшку мы договаривались с Шурой. Наконец Петюшка сообщил, что милиционер-Шура-художник будет ждать нас в половине двенадцатого ночи на углу Сухаревского переулка.

Глава II

Бамбук или граммофон?

К ночи разыгралась метель.

Поднявши воротники и поглубже нахлобучив шапки, мы с Орловым шли по Сретенке. На улице было снежно и пусто – мороз разогнал прохожих по домам. Иногда проезжали троллейбусы, совершенно замороженные изнутри. На углу Сухаревского переулка стоял милиционер в служебных валенках.

– Не знаю, как с ним разговаривать, – шепнул я Орлову, – как с милиционером или как с художником?

Валенки шагнули к нам.

– Ищущие бамбук следуют за мной, – сказал милиционер в сретенское пространство, оборотился спиной и направил свои валенки в переулок. Он шагал быстро, рассекая метель, взрывая сугробы. Спотыкаясь и поскальзываясь, мы поспешили за ним.

«Ищущие бамбук следуют за мной», – повторял я про себя. В первой половине этой фразы чувствовался художник, а уж во второй – милиционер.

Скоро он свернул в низкорослую подворотню, открыл ключом дверь под лестницей, и мы оказались в какой-то фанерной камерке. На столе стояла электрическая плитка и неожиданный

старинный граммофон. На стене висела картонка, на которой был нарисован тот же самый граммофон. Признаков близкого бамбука видно не было.

Толкаясь коленями, мы сели на тахту, а милиционер Шура, не снимая шапки, включил плитку, поставил на неё чайник.

– Это моя творческая мастерская, – строго сказал он.

– Мало метров, – живо откликнулся Орлов, и они завели длинный разговор о мастерских и долго не могли слезть с этой темы. Кубатура, подвальность, заниженность...

Потом милиционер-художник стал показывать свои этюды, а мы пили чай. Стакан за стаканом, этюд за этюдом. Время шло, бамбуком и не пахло.

Меж тем милиционер всё больше превращался в художника. Он уже снял шапку и размахивал руками, как это делали, наверно, импрессионисты. Орлов похваливал этюды, а я маялся: вопрос «где бамбук?» крутился у меня в голове.

– Ты что молчишь? – сердито шепнул Орлов. – Хочешь бамбук – хвали этюды.

– Отличные этюды, – сказал я, – сочные – вот что ценно. А где же бамбук?

– А зачем вам бамбук? – спросил милиционер-художник, слегка превращаясь в милиционера. – Для каких целей вам нужен бамбук?

Вопрос был задан столь серьёзно, будто в желании иметь бамбук заключалось что-то преступное. Шура как бы прикидывал, не собираемся ли мы при помощи бамбука нарушить общественный порядок.

Орлов объяснил, в чём дело, и не забыл похвалить этюды, напирая на их сочность. Милиционер-Шура-художник-любитель немного смягчился.

– Да бросьте вы, ребята, этот бамбук, – неожиданно сказал он, – хотите, я вам граммофон отдам?

– Граммофон? Но мы в связи с бамбуком...

– Берите граммофон. Пружину вставьте – будет играть. А бамбук – ладно. Потом как-нибудь и бамбук достанем.

Я растерянно поглядел на Орлова и увидел в глазах его жалобный и дружеский блеск. Ему явно хотелось иметь граммофон. Я перевёл взгляд на милиционера и понял, что надо выбирать: или бамбук, или граммофон.

– Хороший граммофон, – пояснил Шура, превращаясь в художника. – Мне его одна бабка перед смертью подарила. Смотрите, какая труба!

– Давай и граммофон, и бамбук, – не выдержал Орлов. Усы его распустили крылья, принакрыли гору бороды.

– Не много ли? – сказал Шура, и взгляд его двинулся в милицейскую сторону.

– Погодите! – сказал я. – Какой ещё граммофон! Вы же обещали нам бамбук показать.

– Да на улицу выходить неохота, – признался милиционер-художник. – Надоела эта метель, совсем замёрз на посту. А там ещё в подвал лезть. Лучше бы посидели, о живописи поговорили... Ну ладно, раз обещал, покажу. А граммофон сам починять буду.

Глава III Провал

За полночь метель разыгралась всерьёз. Снежные плети хлестали по лицу, фонари в Сухаревском переулке скрипели и стучали, болтаясь под железными колпаками.

Я замёрз, но веселился про себя, мне казалось смешно – ночью, в метель, идти по Москве за бамбуком. Орлов отставал. Его тормозил оставшийся граммофон.

– Я не уверен, что это бамбук, – говорил милиционер-художник. – Торчит из подвала что-то, какие-то деревянные трубы.

– Вот видишь, – сердито шептал Орлов. – Надо было брать граммофон.

Проходными заснеженными дворами подошли мы к трёхэтажному дому. Окна его были темны, а стёкла выбиты, и метель свободно залетала внутрь, кружилась там и выла, свивала снежные гнёзда.

– Дом скоро снесут, – сказал Шура. – Жильцов давно выселили. Граммофон отсюда, с третьего этажа, а подвал вон там.

Сбоку к дому был пристроен коричневый сарай. Мы открыли дверь, заваленную снегом. Включив фонарь, Орлов шагнул вперёд и остановился.

– Это не подвал, а провал, – ворчливо сказал он.

Пол сарая действительно провалился, а под полом оказалась глубокая яма, которую заполняла гора всевозможной рухляди. Из этой горы и торчало то, что привело нас сюда, – трубы, покрытые столетней пылью.

– Нужен крюк, – сказал Орлов. – Или загогулина. Дотянемся до трубы и вытащим её наружу.

– Какой крюк? – нетерпеливо спросил я. – Где он? Держи меня за хлястик, а Шура пусть фонариком светит.

Орлов крепко ухватил меня за хлястик, я наклонился над провалом, протянул вперёд руку. До трубы было довольно далеко, но рука моя всё вытягивалась и вытягивалась, и я даже подивился таким свойствам человеческой руки. Когда до трубы оставалось сантиметра два, хлястик неминуемо лопнул и я полетел в тартарары.

Ударившись коленями о грудку щебня, я повалился на бок. Какие-то кроватные спинки, углы корыт, гнилые батареи центрального отопления окружали меня.

– Я говорил: надо загогулину, – сказал Орлов, ослепляя меня фонариком. – Посмотри, что это за круглая штука валяется.

Я поднял овальную жестянку, протёр её. Из-под слоя пыли выглянули тиснёные буквы.

– Кинь её сюда, – сказал Орлов.

Под светом фонаря я забрался на грудку щебня и дотронулся наконец до пыльной трубы. Определить на ощупь, бамбук это или нет, я не сумел, но труба оказалась лёгкая и неожиданно длинная. Я направил конец её в пролом, и Орлов с милиционером вытащили трубу наружу.

Я остался в темноте и слышал только, как скрипит снег, свистит метель в пустом доме и как милиционер-художник подаёт какие-то совершенно небамбуковые команды: «заноси левее», «ложи её под фонарь» и т. д.

Наконец свет фонарика снова ослепил меня, и я услышал голос:

– Ну, брат, граммофона нам не видать. Это бамбук!

И до сих пор я не могу поверить, что в ту метельную зиму нам удалось найти в Москве бамбук. Но вот глубокой ночью я стоял на дне пропылённого подвала и подавал одно за другим наверх настоящие бамбуковые брёвна. Я даже представить себе не мог, что бамбук бывает такой толстый, с удивлением ощупывал узловатые стволы и думал, что Москва действительно город чудес.

Орлов вытаскивал брёвна на улицу, а милиционер-художник светил фонариком. Надо сказать, что в эти минуты он как-то ступешался и не смог сразу сообразить, как ему поступать в данной ситуации – как милиционеру или как художнику, поэтому и выступил в роли осветителя.

Когда мы вытащили пять брёвен, милиционер-художник несколько раз помигал фонариком и неожиданно сказал:

– Хватит.

– Почему? Мало на лодку.

– На самую лёгкую в мире хватит.

В подвале лежало не меньше двадцати брёвен, и мы с Орловым, не сговариваясь, собрались утащить всё. Но милиционер Шура принял решение и мигал беспрестанно фонариком, подчёркивая свою твёрдость.

Под миганье мы уговорили Шуру дать нам ещё одно, шестое бревно, по которому я и вылез наверх.

При свете уличного фонаря я рассмотрел наконец бамбук. Орлов воткнул брёвна в сугроб. Толщиной с водосточную трубу, оранжевые и коричневые, блестели они, будто покрытые лаком.

– Увязывайте и пакуйте, – сказал Шура-милиционер, – а в субботу приходите граммофон слушать.

Толкаясь локтями, мы жали Шуру руку, обещали принести пластинки к его граммофону. Орлов даже обнял милиционера и сказал:

– Становись-ка ты, Шура, художником.

Мне захотелось поспорить с Орловым. Я обнял Шуру с другой стороны:

– Не слушай его, будь милиционером.

– Я и сам не знаю, как тут быть, – признавался милиционер-художник, притопывая валенками. – Душа разрывается. И то и другое – дело нужное.

– Надо избрать что-то одно, – сказал Орлов. – И дуть в эту дудку. А то душа разорвется.

– У меня душа крепкая, – объяснял Шура, – её так просто не разорвать.

– Дуй в две дудки, – уговаривал его я. – Это душу укрепляет.

Так обнимались мы под метелью, и, когда обнялись окончательно и Шура скрылся за углом, Орлов вытащил из-за пазухи овальную жестянку.

Красная краска на ней местами облупилась, проржавела, но хорошо видна была парусная лодка и надпись белым по красному:

ЧАЙ

Т-во Чайная торговля

В. ВЫСОЦКИЙ и К°

Москва

Глава IV Ночное плавание

Перед нами была старинная вывеска. Но как попала она в подвал? И как попал сюда бамбук?

– Ты знаешь, чего я думаю? – сказал Орлов. – Я думаю, что в этих брёвнах раньше перевозили чай. Насыпали внутрь сухого чаю и перевозили вот на таких лодках, которые называли «чайный клипер».

Более нелепого предположения предположить было невозможно. Художник Орлов пытался одним махом объединить чай, бамбук и лодку на вывеске прямой линией. Он пошёл кратчайшим путём к истине и промахнулся.

Орлов просто-напросто устал. Его оглушила потеря граммофона. Ведь он мог запросто уносить сейчас под мышкой граммофон, а вместо этого возился с моим бамбуком.

Была уже глубокая ночь. Снег валил со всех сторон.

Мы замёрзли и долго связывали бамбук верёвкой, связали, взвалили на плечи. Связка получилась громоздкой, руки соскальзывали с гладких лакированных брёвен.

Переулками мы вышли на Сретенку. Снежные волны выкатывались вслед за нами из тёмных подворотен, схлёстывались под фонарями и улетали кверху – гроыхать на крышах, выть на чердаках.

- Воеет, как граммофон, – недовольно ворчал Орлов, который шёл впереди.
- Право руля! – кричал ему я.

Метель то подталкивала нас в спину, то налетала сбоку и разворачивала поперёк улицы. Мы неловко маневрировали, напоминая баржу. Это было первое плавание самой лёгкой лодки в мире.

- Левая, загребай! Правая, табань! – покрикивал я и вдруг услышал сзади:
- Стоп машина!

В первую минуту я подумал, что это нас догнал зачем-то милиционер-художник. Но ошибся. Нас догонял не художник, но – милиционер.

- Суши вёсла! – крикнул я, и мы повалили связку на снег.

Милиционер-нехудожник оглядывал и нас, и бамбук с крайним подозрением. Из-под его погон сыпалась снежная труха. В свете уличного фонаря кокарда на его шапке, до блеска начищенная метелью, сверкала как утренняя звезда. Милиционер молчал.

Орлов постучал ботинком по бамбуку, потопал ногами, попрыгал.

- Метель-то какая, а? – сказал он милиционеру.

Милиционер не захотел вступать в пустой разговор. Не выпуская нас из поля зрения, обошёл он бамбуковую связку, посветил фонариком в чёрные жерла брёвен.

- Попрошу документы.
- Документов нет.
- Попрошу накладные на стройматериалы.
- Ничего такого у нас нет.
- А где вы это... гм... взяли?

– Это бамбук, – чистосердечно ответил Орлов. – Нам его милиционер-художник подарил. На мой взгляд, ничего глупее этой фразы придумать было невозможно. Фраза озадачила милиционера, несколько секунд переваривал он её и сказал неожиданно:

- Это Шурка, что ли?
- Шура. Который на Сретенке стоит.
- Да откуда же у Шурки бамбук? Где ваши накладные?
- Накладные остались у Александра, – вставил я. – Необходимы дополнительные печати.
- Какие ещё печати? Откуда бамбук?
- Он лежал в Сухаревском переулке, – принялся объяснять Орлов. – У милиционера-художника в подвале. Мы там и вывеску нашли.

Он достал из-за пазухи вывеску «Высоцкий и К°», которая делу особо не помогла.

- Пройдёмте до отделения, – сказал милиционер.

– Да что вы! Пойдёмте лучше ко мне в мастерскую, – приглашал Орлов. – Заварим чай, разберёмся.

- Уж если разбираться, так в отделении.
- У нас чай со слоном. А можем чаю-медведя сделать. Согреетесь.
- Уж поверьте нам, – уговаривал я. – Не крали мы этот бамбук. Пойдёмте, посмотрите, где мы живём, и, если надо, арестуете.

Некоторое время уламывали мы милиционера, и наконец он согласился, помог взвалить бамбук на плечи. Мы снова двинулись вперёд, а милиционер-нехудожник важно шагал сбоку. Его присутствие сделало наше плавание более торжественным и величавым. Мне было приятно, что в первом плавании самой лёгкой лодки в мире участвуют сопровождающие корабли.

– Вы знаете, – сказал я милиционеру, – вы участвуете в первом плавании самой лёгкой лодки в мире.

- Как это так?
- Из этого бамбука мы построим самую лёгкую лодку планеты.
- На лёгкой-то далеко ли уплывёшь? Да и зачем она вам? Рекорды, что ль, бить?

– Да надо бы их побить, – веселился я. – Чего глядеть-то на них?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.